

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

Советская
масштаб

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
А. С. Бушмин, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,
М. К. Каноат, К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, А. А. Михайлов,
Д. М. Мулдагалиев, С. А. Рустам, А. А. Сурков, М. Танк,
В. Д. Федоров, М. Б. Храпченко*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Вступительная статья,
составление, примечания*

Г. Г. Маргвелашвили

Редакция стихотворных переводов

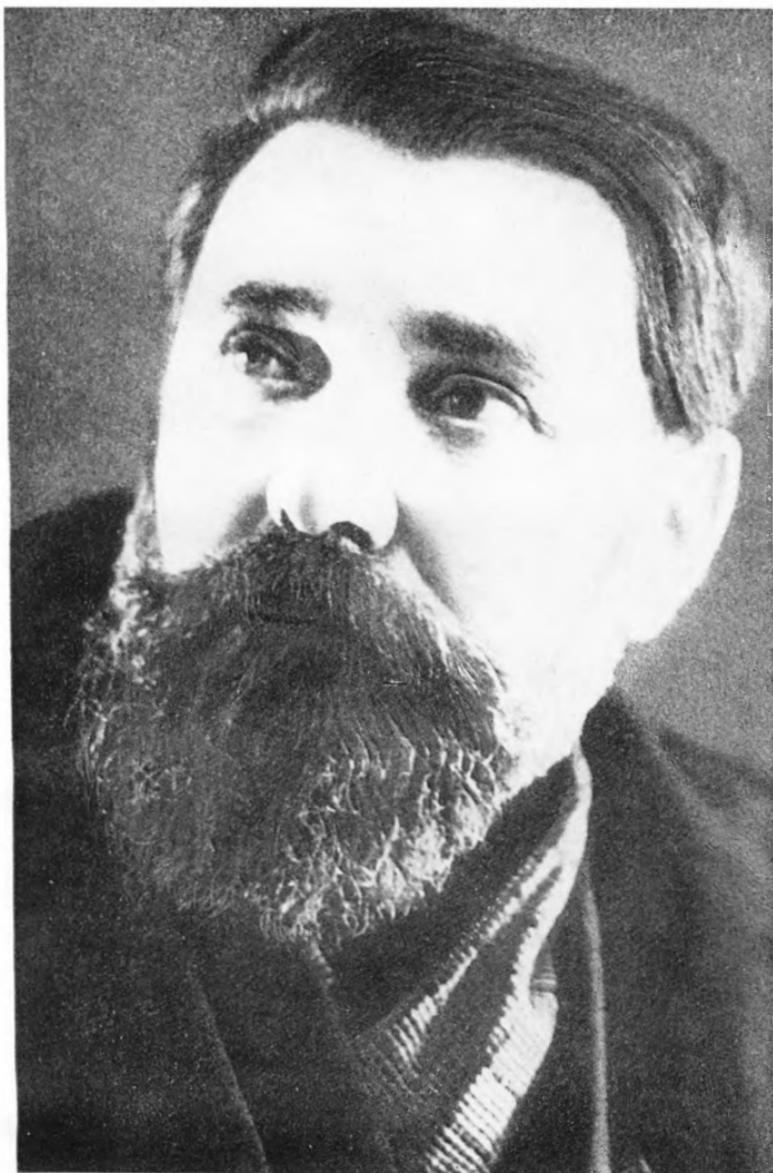
Н. И. Гребнева

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1983

Народный поэт Грузии Галактион Васильевич Табидзе (1892—1959) сыграл выдающуюся роль в становлении и развитии грузинской советской поэзии. Творческий путь его начался еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Уже первые сборники Г. Табидзе обогатили грузинскую поэзию новыми темами и поэтическими формами. Победу Октября и установление Советской власти в Грузии поэт встретил восторженно. В годы Великой Отечественной войны Г. Табидзе посвящал свои стихи подвигу советских людей в борьбе с фашизмом. В послевоенные годы он выступал преимущественно как поэт-лирик. Проникновенная и тонкая поэзия Г. Табидзе высоко гражданственна и глубоко человечна.

В настоящем издании представлены стихотворения Г. Табидзе в переводах П. Антокольского, А. Межирова, Б. Ахмадулиной, Н. Гребнева, В. Леоновича, К. Симонова и других известных русских поэтов.

ПОЭЗИЯ ГАЛАКТИОНА ТАБИДЗЕ

Великий грузинский поэт XX века Галактион Табидзе был одним из родоначальников грузинской советской поэзии. Подобно Блоку и Маяковскому в России, он открыл новую, революционную страницу в родной поэзии и одновременно, вместе с крупнейшими своими литературными современниками, — новую главу, именуемую советской поэзией в поэзии мировой.

Полвека, отданные Галактионом Табидзе подвижническому служению Поэзии, Родине и Революции, отражены в его гениальной лирической исповеди, с пронзительной чуткостью выразившей духовные борения и состояния души свидетеля и участника невиданного масштаба событий эпохи войн и революций, освободительных вихрей и исторического созидания, вдохновленного социалистическими идеалами, идеями Октября, разумом и волей Ленина. И такие поэтические свидетельства состояния души тем драгоценнее и значительнее, что они в максимально возможной степени совпадают с состоянием мира в его тревожной динамике, в его истинно диалектической противоречивости. Гармония, сыном которой является гений и торжеству которой он посвящает себя, воплощена поэзией Галактиона Табидзе в ее трагедийном движении и саморазвитии. Именно поэтому в полифоническом звучании «оркестра», которым через поэта дирижирует История, слышатся не только радость и ликование, но и тревога, печаль и тоска. Но всюду и всегда, даже в самых мрачных безднах горя и отчаяния, залогом спасения и исхода является для поэта тот великий пафос человечности и свободы, равенства и братства, труда и творчества, мира и счастья, который возвестила миру величайшая социальная революция нашей эпохи — Октябрьская социалистическая революция. Без учета этого духовного фактора нельзя не только

понять, но и верно расслышать любые звучания поэтической лиры Галактиона Табидзе — вплоть до самых сокровенных.

Необходимо, наконец, глубоко осознать (хотя не почувствовать этого нельзя) место, отведенное в партитуре этого «мирового оркестра» чувству родины. В той же мере, в какой ощущение родины немислимо для Галактиона Табидзе вне понимания ее открытых животворных связей с человечеством, в той же мере воплощение великих социальных и нравственных идеалов гуманизма, революционного прогресса, социализма, союза свободных социалистических наций представляется ему неосуществимым в отрыве от судьбы родного края, родной Грузии.

Эпоха, с которой связано начало поэтического пути Галактиона Табидзе и события которой явились социально-историческим источником его первых книг, простирается между двумя огненными датами: 1905 и 1917. И не случайно, быть может, два величайших революционных поэта двух исторически сплотившихся народов — Галактион Табидзе и Владимир Маяковский — дважды оказались рядом в вихре революционных событий: в 1905 году — в Кутаиси и в 1917 году — в Петрограде (вместе с Александром Блоком и Джоном Ридом).

Позднее Галактион Табидзе записал в своем дневнике: «Маяковскому было 12 лет, когда грянула революция. И несмотря на малый возраст, он горячо, со всей юной страстью, воспринял и пережил события девятьсот пятого года. Кстати, он сблизился с тем самым кружком, с которым был связан и я... Это была прекрасная и счастливая пора в жизни Маяковского. Ведь в жизни каждого поэта есть годы, неизгладимые из души, память о которых сопровождает затем его всю жизнь...»¹

Разве с меньшим основанием мог бы сказать Галактион то же самое о себе? И если кутаисский Пятый год оказался почвой и ареной духовного формирования двух будущих поэтов революции, то петроградский Семнадцатый стал событием, навсегда определившим смысл, размах, содержание и целеустремленность их творчества — при всем, по словам самого Галактиона Табидзе, «глубоком различии между художественными приемами и поэтическими средствами», которыми он и Маяковский «служили своим словом народу и революции».²

Однако для Грузии и собственно для грузинской поэзии между героическими Пятым и Семнадцатым годами простиралась особая полоса, обозначенная двумя горестными датами: 1907 — годом тра-

---

¹ Г. Табидзе, Соч., т. 12, 1975, Тбилиси, с. 175—176 (на груз. яз.).

² Там же, с. 558 (из письма к М. Бажану).

гической гибели Ильи Чавчавадзе (убитого агентами царской охранки и провокагорским отребьем) и годом 1915, когда закончили свой путь Акакий Церетели и Важа Пшавела. Их жизнь и деятельность способствовали исполнению исторической миссии грузинской поэтической классики, пророчески приоткрыли завесу перед будущим грузинской нации и грузинской культуры. Десятилетие, начавшееся после гибели Ильи Чавчавадзе, оказалось для Грузии, главным образом благодаря явлению Галактиона Табидзе, также и началом новой литературной эпохи.

...Человек рождается тогда-то и там-то. Чудо рождения поэта не поддается такой обычной метрической фиксации. Галактион Васильевич Табидзе родился 5 ноября 1892 года в селении Чквиши бывшей Кутаисской губернии в семье сельского учителя уже вслед за смертью отца... Воспитывался матерью... В 1900—1908 годах учился в Кутаисском духовном училище, а с 1908 года — в Тифлисской духовной семинарии... В 1912 году он познакомился с Ольгой Окуджава — большевичкой, сестрой известных революционеров. Их крепкая дружба перешла в любовь. В 1916 году они поженились. Таковы первые вехи жизненного пути мальчика, юноши, молодого человека Галактиона Табидзе. Но откуда и с какой миссией пришел в грузинскую литературу поэт Галактион Табидзе? Ответ на первый взгляд противоречив и парадоксален: он пришел из глубины веков грузинской поэзии и вместе с тем он явился накануне величайших социальных и культурных перемен в современном ему мире. Из глубины веков — ибо именно он стал новым зодчим моста, начало которого — в эпохе Руставели, продолжение — в XVIII веке, в поэтическом мире Давида Гурамишвили и в поэзии первых десятилетий века XIX, озаменованных чудом Николоза Бараташвили, созидание это продолжалось и во второй половине прошлого столетия, вплоть до его конца, а в конце прошедшего и начале нынешнего столетия в него включились поэзия и борьба Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела. И Галактион Табидзе пришел потому, что настал в истории грузинской культуры час, когда гениальным рывком предстояло вывести ее на мировые просторы, вовлечь в авангардные и революционные процессы социальной и духовной жизни XX века, сделать ее равноправным участником «мирового оркестра», зазвучавшего в 1917 году Октябрьской симфонией.

В 1908 году пишутся первые стихи Галактиона Табидзе. В них — предчувствие новизны и заклинание-обращение к лучу света, которому предстоит рассеять тьму и «явить свет стране, Достойной лучшей доли» («Луч»).

Стихи эти были помещены в рукописном ученическом журнале, который так и назывался — «Луч» и редактором которого был юный Галактион Табидзе.

Дебют Галактиона Табидзе в печати состоялся 28 сентября 1908 года: в газете «Амирани» и почти одновременно в журнале «Чвени квали» («Наш след») были впервые опубликованы его стихи — «Горит луна» и «Черная туча». «Лучшим и счастливейшим днем»¹ своей жизни назвал позднее (в записи 1923 года) сам Галактион Табидзе этот день, ибо тогда и началась его истинная жизнь — жизнь в грузинской поэзии. При всей романтической отвлеченности и поэтической условности этих стихов, подлинным и безусловным в них было одно — искренность и благородство порыва, стремление к свету и добру, твердая вера в то, что «единенью мрака с тьмой» можно и должно противостоять и что лира поэта как раз и призвана утверждать на земле разум, чистоту и человечность.

Стихам этим, относящимся уже к тбилисскому периоду жизни поэта, предшествовало памятное выступление юного Галактиона на кутаисской нелегальной маевке 1908 года с чтением своего первого собственного революционного стихотворения («Первое мая»).

В том же 1908 году Галактион Табидзе пишет стихи, в которых обращается к полуторатысьчетлетнему символу грузинской культуры — образу виноградной лозы. По мысли поэта, предательская пуля, убившая поэта и борца Илью Чавчавадзе, была выпущена и в грузинскую культуру:

Днесь, когда черною тучей немой
Скрыта родимая даль,
Кто нам откроет: надежде самой
Жизнь среди нас суждена ль?

Как в этот раз запоет под свинцом,
Пулей пробита насквозь,
Высеченная из камня творцом
Тысячелетняя гроздь?!

(«Гроздь виноградная. Крест из лозы. . .»)

Гроздь запела. Свидетельством тому были сами эти стихи. А в 1914 году выходит первая книга Галактиона Табидзе, успевшая получить благословение Акакия Церетели. В ней явственно обозначены и романтико-патриотическая традиция (Бараташвили и Церетели), которой следовал поэт, и черты новаторства, раздвигающего границы предшествующего поэтического и социального опыта. Существенно важно, что процесс обновления грузинской поэзии и грузинского стиха не означал декларируемого, а тем более совершаемого разрыва

---

¹ Г. Табидзе, Соч., т. 1, с. 369.

с классиками и осуществлялся вне сколько-нибудь значительного воздействия со стороны столь распространённого в те годы декадентского мировосприятия. Даже элементы символизма в поэтике Галактиона вовсе не свидетельствовали о влиянии на существо его поэзии философии и эстетики модернизма. Внутренняя перекличка его с Александром Блоком знаменательна и в этом отношении: ведь открывая новые горизонты русской поэзии, Блок не только не отвергал Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, а именно из их опыта исходил в своём жизненном и творческом устремлении к будущему.

Первая книга Галактиона Табидзе, и очень грустная, и исполненная тоски одиночества, и напоенная печалью, была вместе с тем пронизана неистребимой верой в будущее. . . Конечно, глубокая и явная сосредоточенность на своих чувствах, «центростремительная» (к сердцу поэта) сила и тяга авторского слова не исключает, а подразумевает тягу к ближним, к людям, к собратьям, к народу. Ведь сострадание немислимо без предмета и цели, без адреса и объекта. И романтическую замкнутость большинства лирических сюжетов раннего Галактиона не следует принимать за закрытость и замкнутость его души. Он был открыт людям как никто; его поэзия была распахнута в широкий мир. Со временем эти выходы будут все дерзновеннее:

В мощном гуле народного гнева
Позабыть о себе до конца,
Стать бы только припевом к напеву,
Призывая к свободе сердца
И в рабе пробуждая бойца!

Слейся с нищими братьями в хоре,
Слейся, с ними родства не тая,
Слейся с музыкою бытия,
Стань собратьям поддержкою в горе,
Неподкупная лира моя!

(«Поэт»)

Здесь выражена готовность поэта ринуться в бой — в бой за души и сердца людей, за свободу, чего бы ни стоили такая решимость, такой выбор. А надежда на победу весны и света жива, какая бы тень ни омрачала лик отчизны:

Никогда не бредится свободой
Так самозабвенно, как весной, —
Стоит лишь оттаявшей природе
Зашуметь отчаянной листвой. . .

.. Кто-то властно призывает к жизни —
К гибели бредущего, меня. . .
Но, увы, увижу лик отчизны
И опять вкушаю горечь дня.

(«Никогда не бредится свободой. . .»)

Это стихи 1914 года. Но пройдет весна, наступит лето, и уже не только лик отчизны омрачит тень — лицо мира будет искажено гримасой бесчеловечной бойни. «Космической лужей», «без берегов, без края и границ», вобравшей всю кровь убиенных и всю грязь убийства, представится поэту земля. Но и здесь не оставит его мысль об очистительном потоке, призванном в «пучине грозной мести» поглотить и смыть с лица земли это гниющее и смрадное болото («Космическая лужа»). Стихи датированы автором 1914 годом. Не исключено, что они написаны позже, но в любом случае до октября 1917 года. В этом убеждает их содержание. И тем интереснее, что основной их образ — гниения и разложения, порожденных мировой бойней, — весьма близок блоковским образам, его восприятию войны, нашедшему отражение в письмах русского поэта к матери и жене весной 1917 года: «. . . мировая война есть *вздор*. . . Я это говорю не только потому, что сам гнию в этом вздоре. . .», или: «. . . пахнет войной, т. е. гнилью и разложением», или «. . . проклятая война затягивается, опять воняет ей. . .»¹ и т. д. и т. д.

Прибегая к тем же сравнениям, писал Блок и в январе 1918 года, уже работая над «Двенадцатью», в знаменитой своей статье «Интеллигенция и революция»: «. . . годы европейской бойни; казалось минуту, что она очистит воздух. . . На самом деле она оказалась достойным венцом той лжи, грязи и мерзости, в которых купалась наша родина. . .»² Я уже не говорю о мотиве возмездия, который пронизывает творчество Блока предшествующих лет. Так или иначе пророческие предсказания Галактиона Табидзе перекликались с вещими предчувствиями Александра Блока и с глубоко осознанной верой Маяковского в близость и торжество революции. Мы, современные читатели, именно торжество поэтического пророчества видим и в противопоставлении Галактионом Табидзе «Слез Ниобеи» апокалипсическому кошмару империалистической войны, и в образе «шестнадцатого года», которому, как писал Маяковский, предстояло явиться «в терновом венце революций», и в финальном видении поэмы Блока «Двенадцать».

Перекличка Галактиона Табидзе с Блоком и Маяковским еще

---

¹ Александр Блок, Собр. соч. в 8-ми т., т. 8, М.—Л., 1963, с. 484, 488, 506.

² Там же, т. 6, с. 10.

явственнее в стихах, где каждый из них, обращаясь к многовековым поэтическим традициям, счел возможным представить себя, поэта и пророка, в образе распятого Сына Человеческого. Первым по времени был Блок в стихотворении, открывающем цикл 1907—1916 годов «Родина»:

О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты — родная Галилея
Мне — невоскрешему Христу.

И пусть другой тебя ласкает,
Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где приклонить ему главу.

А Маяковский, сразу же вслед за словами о шестнадцатом годе, прибегнул к такому отождествлению:

А я у вас — его предтеча;
я — где боль, везде;
на каждой капле слёзовой течи
распял себя на кресте.

И наконец Галактион Табидзе, обратившись к поэтическому содержанию того же трагического символа, в попытке предсказать свою судьбу, создал своеобразную вариацию блоковского стихотворения:

О, сколько красок этот день взлелеял!
Настал мой час земного бытия.
И, как Христос, избравший Галилею,
Себе в удел Тифлис наметил я.
Но предстоял ему тот путь горчайший
К Голгофе, а меня Мтацминда ждёт.
И если ты подашь мне эту чашу —
Я осушу ее. Таков исход.

(«О, сколько красок этот день взлелеял...»)

Это сближающее стихи Блока, Маяковского и Галактиона Табидзе переосмысление традиционного мифологического образа покажется настолько важным грузинскому поэту, что он и в дальнейшем не раз к нему прибегнет.

Ни у кого в грузинской поэзии кануна революции (после ухода из жизни Акакия Церетели и Важа Пшавела) чувство родины не было выражено с такой силой, как у Галактиона Табидзе. В выра-

жении этого чувства мы не найдем у него деклараций. Ему даже не свойственно было обычное (и вполне закономерное) стремление к историческим ассоциациям, которые дают столь благодатную почву для патриотических высказываний. Историзм Галактиона Табидзе глубок и универсален: в едином охвате объемлет он все многовековое прошлое родины, не расчлняя его на веки и ступени.

Но такой широчайший охват не исключал и пристальнейшего взглядывания в каждый миг ее жизни. Напротив, он находил себе опору в физически ощущаемом соприкосновении с родною землей — даже в малой ее частице отражается ее прекрасный лик, мощный дух ее народа. И тогда, в год смерти Акакия Церетели и Важа Пшавела, рождались стихи Г. Табидзе. И в этих стихах — после «Рассвета» Церетели и, скажем, «Письма солдата-пшава» Важа Пшавела — грузинская поэзия сильнее всего, пожалуй, выразила чувство родины:

Если я по росистой траве босиком
Не пройду — как уверовать в явность отчизны?

...Знаю, каждая завязь и каждый побег
Мне напомнят об этом виденье отныне,
И, с отеческим кровом сроднившись навек,
Я живу, я молюсь только этой святыне.

(«Родина»)

Небо, море, горы, реки, деревья, травы, цветы, колосья — все дорогие поэту приметы родины воссозданы в стихах Галактиона Табидзе с огромной силой постижения, восприятия и переживания. В живописно-пластической манере Галактиона Табидзе впечатление опирается и на музыкально-ритмическое восприятие стихии родной природы. А сама эта стихия глубоко человечна, ибо она воспринята и воссоздана поэтом-патриотом, полномочно представляющим свой народ и свою родину как одну из драгоценных частиц человеческого сообщества. Много позже, в 1938 году, он сам прекрасно скажет об этом воздухе родины, о «дыханье» поэта, постигшего вещим инстинктом любви и кровного родства красоту и прелесть земли отцов («Из Цхалтубо к Кутаису...»).

Этот инстинкт, верность памяти сердца, талант и дар великой любви к родине, никогда и ничем не поколебленное убеждение (даже не убеждение, а врожденное знание): многообразие мира прекрасно именно потому, что неповторима и незаменима каждая самая малая его частица, — вот один из самых главных смыслов поэзии Галактиона Табидзе, вот в чем ее душа, ее поэтическая и человеческая основа:

О, платаны в Шиндиси моем!
Я не понял закона простого —
Да, напомнит одно о другом,
Но одно не заменит другого.

..Нет замены вокруг ничему:
Ни пичужке, порхающей в выси,
Ни цветку, ни лицу моему,
Ни платанам в далеком Шиндиси.

(«Платанам Шиндиси»)

Поэт как бы ведет постоянный диалог с родной природой, готовый ответить на любой ее вопросительный взгляд, на полугадываемое движение ее души. От нее он ждет света радости и благодати взаимопонимания:

Покрылись почками лозы,
Лиахви шумит с рассвета,
Ручьи накопили слезы...
О Мтквари, я жду ответа!

И Терек кипит в ущелье,
Обрушась на берег тихий...
Так что же вы онемели,
Лесистые края Лихи?

Ночь кинула полог длинный,
Стал сумрачен луг зеленый...
О чем же молчат долины
Моей Алазани сонной?..

(«Я жду ответа»)

Пройдут годы, но не уйдет потребность у родной земли, у ее гор и лесов искать ответ на самые тревожные вопросы души. И, оглядываясь на путь, памятный не только победами, но и потерями, поэт вновь у Казбека и Терека, у просторов родины будет искать подтверждения, что вечно жив Амирани — символ света и справедливости:

Сошлись замшелые громады,
Доносит ветер чей-то стон...
«Не Амиран ли, бога ради?»
И эхом отвечают пади:
«Не умирал он! Это — он!»

...О Терек, ты моим потерям
Счет не веди и не рыдай,
Но милым незабвенным теням
Поклон мой низкий передай!..

(«Родная эфемера»)

Но вернемся к «канунам», к дням, когда только начинали свой стремительный бег Галактионовы «синие кони».

Тот, кто знал, сколь тесно связано творчество Галактиона Табидзе с поэзией Николоза Бараташвили и Акакия Церетели, тот, кто правильно понял «шифр» Галактионова стиха и поэтому мог заранее предвидеть неизбежность повторения в нем некоторых символов, призванных в одном лирическом порыве воплотить дух и мысль трех наследующих друг друга поэтов, лишь тот мог в полной мере оценить одно из вершинных созданий Галактиона этой поры — «Луну Мтацминды» (1915). Перечитайте «Сумерки на Мтацминде» Бараташвили и «Рассвет» Акакия Церетели и вы убедитесь в праве Галактиона Табидзе провозгласить себя духовным наследником великих предков с тем, чтобы им же вернуть после смерти свою лиру. Годы спустя поэт сочтет нужным в одной из записей вновь подтвердить историческую преемственность своего творчества: «„Луна Мтацминды“ — стихотворение программное, явственно выражающее мое отношение к культурному наследию (Бараташвили, Акакий, я)...»¹ В самих же этих стихах прозвучало ясное сознание и пророческое предчувствие того, что прах его предшественников будет покоиться под сенью Мтацминды — Святой горы, в пантеоне бессмертных.

Ночь тишиной заполнена до краю.
Царь и поэт, я с песней умираю,
О тени вечные! А лиру вам
Я отдаю... В предание векам
Она войдет, светясь средь длинных трав,
Еще луною быть не перестав...

1908—1914 годы, на протяжении которых складывалась первая книга Галактиона Табидзе, — историческая полоса, справедливо, но не исчерпывающе именуемая эпохой реакции. Поражение революции 1905 года и наступившая вслед за ним политическая реакция не сломили поколение Галактиона Табидзе. Вдохновленные революцией, поэт и его сверстники ощущали необходимость освоения новых форм

---

¹ Г. Табидзе, Соч., т. 12, с. 152 (из записей 1950—1958 годов).

духовной активности, духовной деятельности. И поэзия оказалась их верным союзником. На смену баррикадам 1905 года явились (по позднему определению Маяковского) «баррикады духа».¹

Вспомним, что значили и чем оказались для Лермонтова трагедия на Сенатской площади — разгром декабристского движения или же для Бараташвили — крах заговора 1832 года. Наступили годы реакции? Разумеется! Но для юных душ поколения Лермонтова и Бараташвили настала пора пробуждения, пора максимальной духовной активности, которая в тех условиях приняла форму романтической рефлексии. «Мерани» Бараташвили, так же как «Демон» и «Мцыри» Лермонтова или знаменитая клятва Герцена и Огарева, навсегда останется и в социальном и в гражданском плане высоким свидетельством несломленного духа. Ни Лермонтову, ни Бараташвили не довелось стать духовными деятелями сороковых и тем более шестидесятых годов, но «думы» Герцена, сочинения Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели дают нам возможность домыслить, каким могло быть грядущее движение гражданской мысли их предшественников.

И вот в новых условиях, с учетом всех коррективов, которые в любую типологическую схему вносит конкретная историческая реальность, Галактион Табидзе в Грузии и Александр Блок в России подхватили эту благородную эстафету духовного деяния в преддверии нового революционного подъема и взрыва. Взяли ее в свои руки в ходе того процесса, глубочайшей поэтической формулой которого было знаменитое блоковское:

Презренье созревает гневом,
А зрелость гнева — есть мятеж.

...Так формировался круг поэтических видений первой книги Галактиона Табидзе, так заполнялись начальные страницы второй.

Но для того, чтобы окончательно сложилась эта вторая книга, вслед за пятнадцатым и шестнадцатым годами должен был прогреметь Семнадцатый. Мы еще вернемся к стихам 1915—1916 годов, составившим в своей совокупности одну из прекраснейших частей будущего сборника, в котором романтическая рефлексия и утонченный духовный и поэтический артистизм предреволюционного цикла сменяются драматической симфонией стихов, рожденных грозовой атмосферой антимонархического Февраля и социалистического Октября. Но сразу же скажем о главном. Мы видели, как происходили накопление и отбор компонентов, необходимых для осуществления но-

---

¹ В. Маяковский, Полн. собр. соч., т. 2, М., 1956, с. 14.

ваторского опыта, для революционного переворота в поэзии. И как не раз это бывало в мире и прежде — вступила в силу великая закономерность: Поэзия шла рука об руку с Историей, она или предрекала социальную революцию, или становилась ее детищем, порождением ее стихии. И тут даже случайность оказалась формой проявления закономерности: на долю Галактиона Табидзе выпало редкое счастье — из всех грузинских поэтов он становится единственным очевидцем Октябрьских дней в Москве и Петрограде, он один получает возможность «слушать революцию» у ее первоисточника, чтобы затем, говоря его же словами, «донести в грузинские пределы благую весть о том, что мир спасен».

Октябрьская революция положила начало социальному и национальному освобождению грузинского народа. Большевики возглавили борьбу трудящихся за победу социалистической революции в Грузии, но им не удалось установить Советскую власть одновременно с центральными районами России. Власть захватили меньшевики, пошедшие в целях борьбы с революционным движением на соглашение с германскими и английскими интервентами. Но грузинский народ под руководством большевиков выступил на борьбу за свержение меньшевистского режима — последнего оплота контрреволюции на Кавказе. Вооруженное восстание, на поддержку которого по просьбе Ревкома были направлены части Красной Армии, охватило всю Грузию. 25 февраля 1921 года части 11-й Красной Армии вместе с отрядами грузинских повстанцев вступили в Тбилиси и свергли меньшевистское правительство. В стране была установлена Советская власть.

В 1918 году поэт через охваченную пламенем гражданской войны Украину, на пароходе из Одессы, вернулся в Грузию. В 1919 году выходит его долгожданная, музыкой истории и судьбой поэта вдохновленная книга под необычным названием: «*Сгâне аух fleurs artistique*» — «Череп в цветах искусства».¹ Название это символизировало победу искусства, а следовательно, бессмертия над небытием. «Жизнь, и Смерть, и Поэзия — прежде всего», — скажет позднее поэт. Эта книга Галактиона Табидзе стала поэтическим итогом глубоко и полно пережитых автором событий, начальным трагическим рубежом которых в истории грузинской общественной мысли и культуры была гибель Ильи Чавчавадзе, итогом десятилетия, завершившегося могучим эхом февральского краха самодержавия и октябрьского триумфа социалистической революции.

Во второй книге Галактиона Табидзе произошло наиболее полное явление поэта во всей глубине и во всей мощи его поэтического

---

¹ Книга эта в дальнейшем литературно-критическом обиходе получила сокращенное название «Артистические цветы». Так ее называл и сам поэт.

гения. Именно в ней совершилось отмеченное нами развитие и углубление философского, психологического, нравственного и эстетического содержания грузинской поэзии, достигли вершины культура стиха, совершенство его формы, родились достижения, способные поднять поэзию Грузии на уровень крупнейших завоеваний XX века. (Этот процесс обновления грузинской поэзии и грузинского стиха был связан также с именами поэтов-символистов, так называемых «голубороговцев» — Т. Табидзе, П. Яшвили, В. Гаприндашвили, Г. Леонидзе, К. Надирадзе и других, а еще раньше — с творчеством И. Гришашвили и А. Абашели.) Показательно глубокое освоение в этой книге на национальной основе творческих свершений французских поэтов нового времени (от Бодлера до Верлена), а также опыта русских символистов. Мощное воздействие оказала на Галактиона Табидзе поэзия Александра Блока. Всегда были близки Галактиону Табидзе Пушкин, Лермонтов, Шелли, Эдгар По, Мюссе, Теофиль Готье.

Вслед за стихами «Когда в Цицамури убили Илью...» Галактион Табидзе создает одно из программных своих стихотворений. Как бы отталкиваясь от знаменитой верленовской декларации, провозглашенной в стихотворении «Искусство поэзии»: «Музыка — прежде всего», — он выражает свое понимание места поэзии в мире и в жизни человека:

О друзья, лишь поэзия прежде, чем вы,
Прежде времени, прежде меня самого,
Прежде первой любви, прежде первой травы,
Прежде первого снега и прежде всего.

Наши души белеют белее, чем снег.
Занимается день у окна моего,
И приходит поэзия прежде, чем свет,
Прежде Светицховели и прежде всего.

Что же, город мой милый, на ласку ты скуп?
Лишь последнего жду я венка твоего,
И уже заклинанья срываются с губ:
Жизнь, и Смерть, и Поэзия — прежде всего.

(«Поэзия — прежде всего»)

Это стихотворение принесло его автору лавры «короля поэтов». Случилось это в январе 1921 года на состязании, в котором участвовали лидеры поэтической Грузии. Но примечательно это стихотворение не только и не столько этим. Главное — в нем было выражено глубочайшее убеждение Галактиона Табидзе в том, что истинной и великой поэзии отведена в мире роль посредника между Жизнью и

Смертью, что именно она дарует человечеству бессмертие, ибо она владеет семенами бессмертия, которые должны упасть на почву современности, является силой, не только постигающей и выражающей, но и созидающей.

Голос поэта звучит во второй книге весьма многообразно. Диапазон его чрезвычайно широк. Солирующие мелодии озвучены и в ключе крайне скорбного минора и достигают порою предела ликующих мажорных интонаций. По меткому определению Симона Чиковани, «стихи Галактиона Табидзе могут служить верным камертоном для разгадки и восприятия скрытой и явной музыки мира — от малой его песчинки до явлений стихийных, подразумевая под стихией как феномен природы или жизнь человеческого сердца, так и бури и штили социальные». ¹

Прислушаемся к этим разнозвучным голосам, то контрастирующим, то звучащим в лад. . .

Вот возникает в поэзии Галактиона Табидзе образ «синих коней», пробивающих себе дорогу — вослед бараташвилиевскому Мера ни — сквозь хаотические дебри бытия, но оглушенных дисгармонической какофонией гибнущего мира. Концепция стихотворения «Синие кони» неповторима и оригинальна. В нем осмыслен и подытожен путь духовных борений самого Галактиона Табидзе в первом восьмилетии его творчества и, что еще важнее, этим стихотворением открывается новый этап, тот, который ведет к духовной и эмоциональной экспрессии «Битвы колоколов», знаменитых «Эфемер» и «Ветров», «Города под водой» и дальше — к будущим поэтическим свершениям. Это то, условно говоря, «бетховенское» начало в поэзии Галактиона, которое, переходя иногда в «вагнеровское», гениально контрастирует (а в масштабе его поэзии в целом — гармонирует) с началом «моцартовским». Для того чтобы услышать эти переходы и созвучия, достаточно иногда опереться на прямые указания поэта, на упоминание в его стихах мотивов Моцарта и Бетховена, показанных в их сосуществовании и диалектическом противопоставлении. Достаточно напомнить известное галактионовское «Примирение» как раз с «моцартовским» гармоническим мотивом («Я жизнь воспел и смерть возвысил — и нет разлада между них!»). Сам Галактион Табидзе связывал лейтмотив этого стихотворения со всей программой сборника «Артистические цветы» — именно с тем противоборством жизни и смерти, которое разрешается искусством. Эта тема в дальнейшем, уже к концу сороковых годов, как мы увидим, найдет свое вершинное воплощение в «Оде Никорцминде». Но еще в 1922 году, на заре новой эпохи, светлым аккордом зазвучит она в «Новогодней эфемере».

---

¹ С. Чиковани, Мысли. Впечатления. Воспоминания, М., 1968, с. 24—25.

Точно так же пройдет через все творчество Галактиона Табидзе «бетховенский» лейтмотив. Особенно мощно прозвучит он в стихах времен Отечественной войны, а в послевоенные годы выльется однажды в весьма характерное и знаменательное восьмистишие, так и озаглавленное «Девятая симфония»:

Там, где волны в отчаянье
Дробятся, змеясь,
Мы сегодня встречаемся —
Бетховен и я.

И, грозой осененная,
Несется, взъярив,
Девятая симфония —
Грузинский мотив.

В концовке этого стихотворения дана весьма важная концептуально-поэтическая формула, утверждающая национальную форму и национальное бытие общечеловеческих ценностей. Можно было бы, продолжив далее эту мысль, утверждать, что двум гениям мировой литературы предоставлена в поэзии Галактиона миссия воплощать высшее, синтезирующее начало. Это — Руставели и Пушкин. Но, подчеркиваем, все вышесказанное, разумеется, лишь условная схема, «рабочий инструмент», помогающий разобраться во всей полифонической сложности партитуры Галактиона Табидзе.

..Противоборство света и тьмы, хаоса и гармонии, жизни и смерти, извечное беспокойство человеческого духа и бессмертие поэзии, искусства, являющих собою высокое и прекрасное выражение силы и могущества этого духа, — вот в чем главный смысл «Синих коней», какими бы фантастическими видениями ни сопровождался их необузданный и неостановимый бег, какие бы опасные пути и перепутья ни ожидали их.

В диалектическом противоборстве с этими видениями находятся иные образы и настроения, источник которых — очарование родной земли («Горы Гурии», «Родина»). Но и здесь ощущается угроза гибели, распада. Поэт предчувствует леденящую стужу, которая способна сковать одинокое «персиковое дерево» — зыбкое отраженье и родины поэта, и его слившегося с родиной сердца:

Опять смеркается, и надо,
Пока не смерклось и светло,
Следить за увяданьем сада
Сквозь запотевшее стекло.

...Я сам, как дерево седое,
Внутри оранжевой каймы
Над пламенем и над водою
Стою в предчувствии зимы.

(«Персиковое дерево»)

Стужа, зима, непогода вторгаются в жизнь человека, обрушиваясь на его любовь, и плач о ней звучит в глубоко волнующих строфах одного из лучших лирических созданий Галактиона Табидзе:

Венчалась Мери в ночь дождей,
И в ночь дождей я проклял Мери.
Не мог я отворить дверей,
Восставших между мной и ей,
И я поцеловал те двери.

...А дождик лил всю ночь и лил
Всё утро, и во мгле опасной
Всё плакал я, как старый Лир,
Как бедный Лир, как Лир

прекрасный.

(«Мери»)

А вот блестящая импрессионистическая картина снегопада, пронизанная трепетным и тревожным чувством одиночества, беззащитности человека в суровую непогоду, и мечта «разминуться» наконец с зимою и стужей:

Лишь бы жить, лишь бы пальцами трогать,
Лишь бы помнить, как подле моста
Снег по-женски закидывал локоть
И была его кожа чиста.

...Было ль это? Как чисто, как крупно
Снег летит... И, наверно, как встарь,
С январем побрататься нетрудно.
Но минуй меня, брат мой, январь.

...Как снежит... И стою я под снегом
На мосту, между двух фонарей,
Как под плачем твоим, как под смехом,
Как под вечной заботой твоей.

Всё играешь, метелишь, хлопочешь.
Сжался же наконец надо мной —

Как-нибудь, как угодно, как хочешь,
Только дай разминуться с зимой.

(«Снег»)

Настроения тоски и безнадежности, нередко овладевавшие поэтом в годы империалистической войны, переходят из стихотворения в стихотворение, отбрасывая мрачную тень на мысли о будущем, о предстоящем пути.

Такое состояние души и такое самочувствие могут привести и к духовному тупику, когда разлука с жизнью может казаться единственным выходом («Всю жизнь он брел по улицам пустым...»).

И вот мир уже кажется царством мертвых:

На сады ложится снег.
Гроб несут иссиня-черный.
Исступленно бьется ворон —
Чернотой по белизне.
Распустив седые космы,
Среди траурных знамен
Ветер затевает козни —
Вплоть до новых похорон.

...Гроб несут и топчут снег —
Чернотой по белизне.

(«На сады ложится снег»)

Таков мощный поэтический образ горя, тоски и скорби, которые силится накаркать воронье. Это порождение хаоса. Но из хаоса родится гармония, ибо хаос тревожен, а тревога, как сказано в другом стихотворении тех лет, таит невидимый огонь обновления. И вот та же картина как бы начинает двоиться, хаос отдалается, проступают реальные очертания родной земли, пока еще охваченной немотой и оцепенением, но уже смутно-смутно предвещающей пробуждение и вспышку спасительного огня («Словно не здесь...»).

В те трагические моменты, когда звуки скорби и печали наполняют душу поэта, когда непогода предельно сгущается и снегопад готов занести последнее его убежище, возникает свет надежды, рождается голос призыва:

Вдруг настезь окна, ветер пламя вздул
И кто-то прямо в сердце мне шепнул:
«Бумаги — в пепел! В прах мечты развеи!
И двинь вперед корабль грядущих дней!»

(«Снега вразлет, наискосок лежали»)

Февральская революция — весть о ней — внезапным порывом ветра ворвалась в Кутаиси. «... Я вышел на улицу. Сгущались сумерки. Было безлюдно... Подойдя к театру, я понял, что там происходит нечто необычное... Я поспешил за кулисы к актерам. Спрашиваю, что случилось? — Революция случилась, дорогой поэт! — услышал я в ответ. — Повтори сейчас же, что ты сказал? — Ре-во-лю-ция!.. Я выбежал в фойе, оттуда — на улицу, с улицы — снова в театр, но уже в театральный зал. Взволнованная публика, узнав поэта, окружила меня с возгласами: «Да здравствует революция!»... Зал рушился от рукоплесканий и с выкриками: «Да здравствует революция!» — слился призыв: «Флаги! Знамена! Скорее — знамена!» В этот миг и родились мои стихи „Скорее — знамена!“ — завершает Галактион Табидзе свою запись.¹ Уже 13 марта стихи эти были напечатаны в только что начавшей выходить кутаисской социал-демократической газете в номере первом за 1917 год.

Одно за другим пишутся и публикуются стихи Галактиона Табидзе, посвященные падению самодержавия, призывающие к торжеству Свободы, Равенства и Братства. Таков опубликованный 25 марта сонет «Мы, Николай...» — воистину (вспомним Лермонтова) «железный стих, облитый горечью и злостью»:

Все приказы ему диктовала измена.
Мы, НИКОЛАЙ, — и подписывал вместе с нею,
Царь без царя в башке, с душою плебея,
По природе не злой — в крови по колена.

Тряпка и женин муж — жалкого плена
Царство несло печать, — неподвижно рея,
Тень отбрасывала ночью и денно
Птица-ублюдок — две головы — шея.

Душу томил тягостный плач кандалный,
Вздор заупокойный, звон погребальный —
Века весна грянула волею неба.

Прочь из когтей державных вырвался хаос.
Имя сладчайшее воли — ТАВИСУПЛЕБА —
Сбудется — как никогда еще не сбывалось.

Не впервые в стихах Галактиона появляется понятие «хаос» со смутным, но непобедимым предощущением грядущей гармонии. Вспомним хотя бы за год до этого написанные строки стихотворения

---

¹ Г. Табидзе, Соч., т. 2, с. 303.

«Словно не здесь...», в котором явственно слышна переключка с Блоком.

По-разному варьируемая мысль о рождении гармонии из хаоса, света из мрака, созидания из разрушения, преемственности и непрерывности историко-культурного процесса — также составляет основу его поэтических раздумий. Но когда июнь — июль семнадцатого года отбросили мрачную тень на первые радости февральского воодушевления, обнажив смертельную опасность контрнаступления реакционных сил, да и угроза возобновления военных действий на фронтах была приведена в исполнение, и от «космической лужи», «гниющего болота» мировой бойни вновь потянуло удушливым смрадом, раздумья поэта над судьбами родной Грузии приняли трагический оттенок. И тогда прозвучит поэтическая мольба Галактиона — «Обращение к Солнцу»:

Близится смута — дань роковая —
Рядом же с нею
Имени милого не называю,
Будто не смею.
Только б лучи твои осияли,
Солнце, молю я,
Ту, что навеки — рыцарь Грааля,
Ту, что люблю я.
Знаю, ослепну — ярости правой
Душу открою! —
Ты ж облеку ее ранней зарею,
Тенью полдневной,
Ты обойди ее этой кровавой
Близкой бедою!

Вспомним, что 18 июня 1917 года Керенским был отдан роковой приказ начать наступление на Юго-Западном фронте, а вслед за провалом этого наступления нагло подняла голову контрреволюция. Было покончено с двоевластием, предпринята прямая попытка разгрома революционных сил. Важною вехой в истории революции оказалась третьенюльская пиррова победа реакции. Вне этого исторического контекста невозможно понять душевное смятение поэта, сказавшееся в трагически напряженных стихах этой поры, таких, например, как вышеприведенное «Обращение к Солнцу» или «Ангел с пергаментом», «Осень в обители отцов „Непорочного зачатия“» или «О богородица, дева Мария!...»

Одно несомненно — в поэзии Галактиона Табидзе нарастают трагические звучания.

...Тревожные и противоречивые сведения, доходившие из России, мучительные раздумья о судьбе родины и путях революции, вопросы, требовавшие ответа и ясности, — все это неудержимо влекло поэта к эпицентру исторических потрясений — в Москву, в Петроград. Трон рухнул, свобода вырвалась из когтей двуглавого орла, но поэту виделись в новом хаосе контуры иных чудищ с когтями поострее... Он сравнивает себя с одинокой горною вершиной, отгороженной, оторванной от мира и мировых бурь. Поэт одержим желанием прозреть и постичь происходящее там, за пеленою тумана и мрака («Гора»).

В Москве в это время находится жена поэта, его лучший, едва ли не единственный друг, поверенная всех его мыслей, всех его мук и упований... Она и учится и работает одновременно. Галактиону еще в августе 1916 года удалось вместе с нею вырваться в Москву — это оказалось их свадебным путешествием. Он пробыл тогда там до конца ноября, даже выступал на вечере, организованном в его честь грузинским студенчеством. На этом вечере, кстати, присутствовал К. Д. Бальмонт, с которым поэт познакомился в 1915 году в Кутаиси (сохранились два снимка, запечатлевшие Бальмонта и Галактиона Табидзе). Но хроническое и безысходное безденежье заставило тогда поэта вернуться домой. Мы уже знаем, как развернулись с тех пор события...

И вот теперь, через год, он снова в Москве, затем — ненадолго — в Петрограде.

В России он застаёт революцию. Несколько позднее в поэтической хронике «Джон Рид» он в необычных для себя стихах, где взорвана размеренность ритма и появились новые, рожденные эпохой слова, опишет и предреволюционную Москву, и «огнеобъятый» Петроград октябрьских дней.

Петроградские и московские впечатления породили целый цикл стихотворений осени 1917 — первой половины 1918 годов, которые в масштабе мировой поэзии могут считаться одним из сильнейших непосредственных поэтических откликов на Октябрьскую революцию. В поэме «Джон Рид» сам Галактион Табидзе провел такую параллель: «„Двенадцать“ — Александра Блока, „Несколько дней в Петрограде“ — мои».

Как видим, «десять дней, которые потрясли мир», потрясли и мир поэзии Галактиона Табидзе. Это сказалось уже в первых его «московских» и «петроградских» стихах («На площади», «Офорт»).

Но, пожалуй, сильнее всего «видения» и образы, поразившие поэта, в своем первоначальном «стихийно-музыкальном», что ли, ладе были запечатлены им в стихотворениях «Несколько дней в Петрограде» и «Битва колоколов».

«Битва колоколов» — смятенный монолог самой стихии — ветра и вихря, ставшего и свидетелем и участником бури социальной. От-

сюда и двойственность — «двойная фокусировка» — восприятия событий и, если можно так выразиться, «многоголосие» монолога ветра, то громокипящего гласом триумфатора, то стонущего стоном жертвы, то от восхищенной проповеди сбивающегося к жалобным нотам исповеди.

А петербургские впечатления были одновременно прекрасны и трагичны, страшны и величественны, кровавы и одухотворенны, а короче и точнее — революционны в прямом и единственном смысле этого слова:

В небо взлетает видение Города —
Огнеобъятого — в тучах ночных.
«Стой, кто идет?» О, как знобко и молодо
У парашютов твоих ледяных!

(«Видение Города»)

Итак, Галактион Табидзе оказался свидетелем Октябрьских свершений в Москве и Петрограде, свидетелем «звездных дней» человечества. Так же как Александр Блок, Владимир Маяковский и Джон Рид, он увидел яркую вспышку света, озарившего мглу потрясенного мира, и поверил в торжество света.

...Но поэта ждала родина. Ольга должна была остаться в Москве, а его неудержимо тянуло в родные края, где все еще было впереди — и революция, и поэзия революции.

И вот поэт, который не мог не соотнести свершения революции в России с судьбой далекой родины, пишет свое знаменитое петроградское послание грузинским друзьям:

О, как же я хочу — хотя бы на день
И к нам завлечь крылатую свободу,
Расправить крылья под ее крылом!
Какая злейшая несправедливость,
Чтобы такому, господи, уделу
На белом свете, как моя отчизна,
Не выпал революции удел!
Оркестром вулканическим да грянет
Моя мечтой озвученная лира!

(«Письмо друзьям»)

В стихах Галактиона Табидзе, написанных на пути в Грузию из революционной России, впервые прозвучало имя вождя революции. В душу и поэзию Галактиона Табидзе вошел образ В. И. Ленина:

Воспоминаний толпа вслед за мною летела.
Ленин, Москва, Петроград, Кремль. . . И в дрожанье и в стуче
«Даланд» волну рассекал, и Черное море кипело. . .
Взгляд затуманили первые слезы разлуки.

(«Корабль „Даланд“»)

Мы не ошибемся, если скажем: «Корабль „Даланд“» Галактиона Табидзе был одним из первых по времени создания стихотворений в мировой поэтической Лениниане. Стихи эти были написаны как непосредственный отклик на революционные события в России, совершившиеся за три года до победы в Грузии социалистической революции. Они оказались закономерным выражением тех настроений и чаяний, которые испытывал в это грозное время грузинский народ. Позднее, уже в начале тридцатых годов, эти настроения и эти впечатления примут в стихах Галактиона Табидзе более конкретные и четкие очертания, романтическую символику стихов-свидетелей, стихов-очевидцев дополняют реалистическая хроникальность и рационалистическая обобщенность стихов-воспоминаний, стихов-умозаключений:

.. Однажды ночью мы сквозь снег
Шагали — грудь дышала вольно,
И вдруг пред нами, как во сне, —
Виденьем небывалым Смольный.

Бессмертный Смольный той поры —
И грозный меч, и молот ярый;
Сплотилась с ним в один порыв
Шестая часть земного шара.

..И, встретив пулеметный ствол,
Зиявший дулом из расщелин,
На окрик: «Кто вам нужен? Стой!» —
Не дрогнув, я ответил: «Ленин!»

(«Смольный, 1917»)

Первым поэтическим осмыслением встречи поэта с родиной стало «Возвращение». А вот и дневниковая запись по следам событий: «Я возвращался из России. Не успели мы подойти к потийскому причалу, как нас блокировали местные власти, не разрешая ступить на берег. Это длилось несколько часов. Наконец последовало разрешение. Я добрался до Тифлиса. Но и здесь, не прошло и двух дней, как ко мне в гостиницу на рассвете пожаловали агенты Министерства внутренних дел и стали обыскивать мой номер, особенно усердно ко-

паясь в книгах и рукописях. Поскольку они ничего не нашли, я решил сам их одарить экспромтом:

Не взыщите, господа, что свобода рядом!
Я вам сам скажу, когда грянет она градом!¹

Как видим, в меньшевистской Грузии Галактион Табидзе оказался в весьма напряженной ситуации. Первая радость, вызванная освобождением родины от самодержавного гнета, сменилась тревожными мыслями о будущем. Тысячи насущных для народа проблем ждали своего разрешения. Господствующий режим не в силах был справиться с положением и дать ответы не только на задачи, поставленные историей, но и на запросы дня. Назревал политический, экономический, военный кризис. Оживилось мещанство. Осуществление надежд на победу в Грузии (по примеру России) революции, надежд, высказанных поэтом в петербургском «Письме друзьям», оказалось отсроченным на неопределенное время. Трагические ноты пронизывают поэзию Галактиона Табидзе этой поры, и, как всегда, лишь тревога за судьбы родины, ощущение неразрывной связи с ней возвращают ему силы. В такой общественно-политической и нравственной атмосфере складывается окончательно вторая книга Галактиона Табидзе — «Артистические цветы» (июнь 1919 года). И только с учетом внутренней глубинной связи, своего рода «силового поля», возникшего между двумя полюсами — революционным двухлетием в России (1917—1919) и предгрозовым затишьем в Грузии, — можно понять истинный исторический смысл доброй половины вошедших в этот сборник стихов.

Летом 1918 года, когда Галактион Табидзе вернулся в Грузию, он застал родину фактически оккупированной. В июне почти вся Аджария отошла к Турции и в Батуми вступили немецкие войска. Тбилиси был наводнен иностранцами. Немцев к осени сменили англичане. Иностранные офицеры и солдаты бесчинствовали в городе, оскорбляя достоинство жителей. Правительствующие политиканы заигрывали по очереди то с турками, то с немцами, то с англичанами, то с французами, то с денкикинцами, — лишь бы закрепить и углубить разрыв с революционной Россией. Галактион Табидзе пишет стихотворение «Заброшенный балкон», в котором иносказательно, но резко сатирически изображает эту тяжкую ситуацию. В эту пору поэту вспоминаются мудрые и скорбные стихи Важа Пшавела об орле, заклеванном воронами; и есть все основания предполагать, что именно в конце 1918 или, возможно, в начале 1919 года написано известное его стихотворение «Орлы уснули»; в нем ярко передано овладевшее

---

¹ Г. Табидзе, Соч., т. 12, с. 252.

поэтом ощущение медленного умирания, которое охватило его родину:

Орлы, прошу вас, не теперь,
Нет, не теперь смежайте очи!
Но спите — и огонь среди ночи
Походкой женской входит в дверь.

В дверь ваших гор и облаков
Кулак оранжевый стучится,
И знает, что беда случится,
Семейство прозорливых сов.

...С веселой алчностью орды
Плясал пожар, и птиц оравы
Взлетели, и у вод Арагвы
Поникли головой орлы.

Солнце свободы, восход которого еще недавно с таким ликованием приветствовал поэт, представилось ему теперь заживо захороненным:

Ловят глаза: за событием событие,
Болью и мукой полны голоса.
Очи у мертвого солнца открыты!
Светят у мертвого солнца глаза!

... Гиблый июнь неживая истома
Заволокла у осенней межи.
Снова я в Грузии, снова я дома,
Но для чего, моя радость, скажи?

Но для чего предвещает тревогу
Новая жизнь у родных берегов,
Если пора собираться в дорогу
Торною тропкой среди чуждых гробов?

(«Очи у мертвого солнца открыты»)

Но солнце воскреснет. Орлы проснутся. Воронье разлетится. Вскоре поэт получит право и возможность повторить петербургские строки о музыке истории, о музыке революции.

...25 февраля 1921 года, с победой в Грузии Советской власти, вместе со страницей истории перелистывается и страница грузинской поэзии. На ней — одним из первых — значится имя и слово, подвиг и слава Галактиона Табидзе. Новая историческая реальность оказы-

вается исходной для нового этапа в его творчестве. Он становится поэтическим глашатаем революции и новой жизни. На первых порах гражданские декларации поэта громче всего звучат в его литературно-публицистических выступлениях, соседствуя со светлой и гармоничной, благородно-тревожной и трепетно-артистичной лирикой (1921—1922 годы). Затем в стихах поэта вновь возникают памятные ему еще по революционному Петрограду мотивы разгулявшегося ветра, метели, бури («Ветры» 1923—1924 годов). Рождаются программные стихи-клятва «Поэтам Грузии» и стихи-реквием «Ленин». Вслед за ними пишется знаменитый «Пролог к 100 стихотворениям», открывший блистательную лирическую подборку, опубликованную в десятом номере журнала «Мнатоби» («Светоч») за 1925 год. Глубокое лирико-философское осмысление новой эпохи, щедрое многообразие настроений и переживаний, углубленных, утонченных, нюансированных, артистизм исполнения и блистательное великолепие формы, вместившей этот поток чувствований, раздумий, наблюдений, воспоминаний, мечтаний.

Так грузинская поэзия завоевывала все новые и новые высоты, так утверждались ее передовые гуманистические, гражданские, эстетические позиции. «100 стихотворений» во многом подготовили следующий этап в творчестве поэта, подытоженный прославленным его однотомником 1927 года, охватившим все лучшее, что было создано поэтом почти за два десятилетия. Он явился центральным событием в литературной жизни Грузии, доказательством закономерности и органичности того революционного творческого пути, который был избран одним из крупнейших поэтов эпохи. . .

..Вернемся, однако, к первым написанным вскоре после февраля 1921 года страницам публицистики и лирики Галактиона Табидзе. Набатом звучали его слова, обращенные к писателям и работникам искусства: «Вы, поэты, художники, артисты, писатели! Можете ли вы испытать и пережить все происходящее так, как этого властно требует время? Понимаете ли вы, что время должно быть освещено светом достойного его искусства?»¹

И еще: «. . . грузинские поэты увидели и почувствовали тот фон, на котором предстояло совершиться великой мистерии нового искусства. Устремляясь на праздник грядущих веков, мы обязаны были быть, с одной стороны, подлинными выразителями их планетарного размаха, который сродни первородному хаосу, и неутомимыми искалечителями национальных образов — с другой. . . Пегасы стоят у врат новой эпохи и ждут дерзновенных всадников. В Грузии мы только ощущаем близость безграничных пространств, бескрайних просторов: радио, беспроводный телеграф, аэро, автомобили! . . . Вот фон, на

---

¹ Г. Табидзе, Соч., т. 12, с. 19.

котором новые герои и новые барды Грузии создадут новую поэзию. Мы всегда были с народом, но и теперь и в будущем должны еще смелее сблизиться с ним, быть в его гуще. Именем народа и во имя народа обязаны мы отринуть кафешантанную поэзию — детище упадка и декаданса. Нам предстоит освободиться от консерватизма, который сковывает порой сознание современного поэта. Должны быть найдены новые ритмы, соответствующие динамике нового слова. И мы ни на миг не должны забывать, что у грузинской поэзии есть своя жизнь, своя историческая миссия». ¹

Не только в публицистике, но и в стихах Галактиона Табидзе 1921 года идет упорная работа мысли и чувства, разума и воли. В феврале 1921 года Галактион Табидзе не мог не воскресить в своем сердце и в своем стихе впечатления Октябрьских дней 1917 года. Еще в восемнадцатом году (стихотворение «Офорт») он готов был объявить своей духовной родиной снег и метель, ветер и ураган революционного Петрограда, пророчески предвидя обновление, которое принесут Грузии события тех незабываемых месяцев: «...так вот оно, имя твое, О родина — стужа, погоня и воля...» Ведь в том же восемнадцатом году он писал: «Меня равнина тянет — С ветром свиться. Судьба, я дважды угодил родиться: Здесь, В эту ночь, В ноябрьскую метель — И там, в раю, за тридевять земель». И вот вдохновенье поэта вновь диктует ему высокую здравицу в честь нового мира, соединяющую осень с весной, мороз с солнцем, поверяющую хаос возрожденной гармонией:

Не та ли приснопамятная осень
(О, не мороз, не стужа, а она!)
Решила навсегда вопрос вопросов —
Быть иль не быть? И выжила страна.

Во здравье солнца и себе в награду
Подъемлю чашу, полную огня.

(«Во здравье солнца»)

И прежде чем «синие кони» Галактиона Табидзе возьмут новый разбег навстречу будущему, поэт, поэтически перефразируя одно из своих публицистических выступлений этой поры, скажет им своеобразное напутственное слово:

Крыльями новые машут Мерани,
Смотрят с надеждой в крылатые дни,
Жаждают паренья мечты, и заране
Чуют наездников смелых они.

---

¹ Г. Табидзе, Соч., т. 12, с. 13—15.

Чуют, что стали дороги короче,
Чувствуют века гигантский прыжок...
Вой проводов телеграфных клокочет —
В воздухе ветер зарницы зажег.

(«Строй новых Мерани»)

Но, разумеется, были и гримасы времени, были муки хаоса, рождавшего гармонию. Век не так уж просто делился на свет и тень. И, кроме гетевского Мефистофеля или лермонтовского Демона, суетились и копошились в мире и иные «бесы» — «мелкие Мефистофели» и «демоны глухонемые», предпочитавшие «священному безумию» и «духу музыки» — «тоскливую пошлость».

Естественно и то, что раздумья Галактиона Табидзе о двух лицах времени, о назначении поэта стали особенно напряженными в августе 1921 года, когда телеграф и газеты принесли горькую весть о смерти Александра Блока. В скорбные дни седьмого — восьмого августа Галактион Табидзе доверяет стихам свою боль:

Умолк навеки менестрель —
Певец Прекрасной Дамы.
Да будет боль моя острой
Бессонными ночами.

Зато раздолье воронью —
Накаркается вдоволь,
Дух музыки предав огню
У Пушкинского дома.

Но не замолкнет наша кровь
При этом обороте,
И Феникс возродится вновь
В земном круговороте.

(«На смерть Блока»)

Надежда, достойная имени, памяти и бессмертия Блока, живет в этих строках, озаряя светом будущего их трагическое звучание. В те же дни пишутся стихи о «небе, усеянном легионом звезд», где вновь воскрешаются видения революционного Петрограда, с его кострадами и заревами, с вихрем его «мировых бурь», симфонией его «мирового оркестра».

1922 год можно считать годом большой общественной активности Галактиона Табидзе. Человек, который, казалось бы, умел только одно — писать стихи, становится инициатором целого ряда изданий (газет, журналов), сам учреждает и редактирует «Журнал Галак-

тиона Табидзе», пишет программные передовицы и статьи-манифесты. Испытывает он и огромный творческий подъем. В рукописях Галактиона сохранилась такая запись этого времени: «Я чувствую, что мне даны легкие крыла, как вот этому далекому розовому облаку... Я слышу музыку, грузинскую музыку, новые струи и волны грузинской музыки... Бурные, но чистые, прозрачные струи, когда они несутся по камням — и журча, и грохоча... Я обрел, я открыл новый музыкальный мир — о, это шаг вперед сегодня для меня — новый, безошибочный и твердый шаг. И какая свобода! — стоит только сбросить страшные цепи, которыми я сам когда-то, глупец, сковал себя! Но я одолел, победил себя. О, это огромный шаг вперед — новый, невиданный, твердый шаг вперед, дерзкий революционный шаг!»¹

Эта запись предваряет одно из стихотворений Галактиона Табидзе 1925 года. В промежутке между 1922—1925 годами тематика и «материя» лирики Галактиона Табидзе определяется настойчивыми попытками осмыслить глобальные проблемы в их взаимосвязи: родина, мир, человечество. Размышления о национальном звучании музыки нового, революционного слова неслучайны и чрезвычайно важны у поэта, который столько сделал для обогащения грузинской поэзии и грузинской духовной культуры в целом. Убедительней, чем кто бы то ни было, Галактион Табидзе доказал, что преодоление провинциальной замкнутости, национального «герметизма» никогда не таит угрозы для родного искусства, лишь бы новые его владения были освоены, не оказались наспех, набегом, наскоком отхваченными пространствами чужой культуры. Один из самых интернациональных по духу грузинских поэтов, Табидзе смело мог бы повторить слова Блока о том, что «ненавидеть интернационализм — не знать и не чутя силы национальной».²

Радостной и животворной оказалась для Галактиона недолгая поездка в августе 1922 года в Кахетию. Какой гармонией напитаны строки, созданные в этой поездке или вскоре после нее. Стихотворения «Родной ветер», «Натэла из Цинандали», «Кахетинская луна» («Казалось — очень звездно...»), «На Алазани», «Я шел Алазанской долиной», «Взгляни — Кахетия! Укрытые ветвями...», «Ночь в ущелье», «Только лишь сердце...» — вот августовский поэтический урожай Галактиона Табидзе. И едва ли не каждое из перечисленных стихотворений стало хрестоматийным, вошло в золотой фонд советской поэтической классики...

В этом кахетинском цикле торжествует изобразительно-пластическая стихия, в нем щедро представлен пейзаж и жанр, а стих тяго-

---

¹ Г. Табидзе, Соч., т. 12, с. 342.

² Александр Блок, Собр. соч. в 8-ми т., т. 7, с. 314.

тест порою к тонко стилизованному народному ладу — и к песне, и к разговорной речи, и к своего рода пиротоманической высокой простоте. Веет здесь и важа-пшавеловским духом... Но все это — тонко, незримо, призрачно, с неким волшебным привкусом, призвуком...

Но 1922 год и начало 1923-го были знаменательны для Галактиона Табидзе и иными поэтическими порывами, вновь возносящими его «поверх барьеров Родины и Лада». Это целый ряд так называемых «Эфемер» («Эфемера», «Снова эфемера», «Морская эфемера», «Новогодняя эфемера», «Родная эфемера»). Здесь вновь встречаются в поэзии Галактиона Моцарт с Бетховеном, солнце с бурей и ураганом, вновь устремляют в будущее свой самозабвенный и неистовый бег Галактионовы «синие кони», но полет их не то чтобы стал дерзновеннее и смелее — он победительнее, целеустремленнее, увереннее. Вот где их шаг (вспомним прозанческий набросок поэта) по-новому тверд, дерзок и революционен, а музыка вокруг звучит «грузинской музыкой», хотя раздастся она от полюса к полюсу — по меридианам пустынь и оазисов, по пересечениям времен и пространств. Да, разумеется, это все те же «синие кони», и всадник на них все тот же, но ведь между 1916 и 1922 годами произошли события эпохального исторического значения. И, оставаясь верным себе, поэт верен и бегу времени, шуму времени, музыке времени.

Первая из «Эфемер» Галактиона Табидзе... Поэт — родина — мир — космос; поэзия — жизнь — смерть — бессмертие; страдание — сострадание — избавление — радость; хаос — тревога — надежда — гармония. Казалось бы, все главные мотивы поэзии Галактиона Табидзе сведены здесь, чтобы бешеной сменой света и тени, «магии солнца» и «шаманства луны», грохота какофонии и мелодического трепета сопровождать стремительный бег его «синих коней», мчащихся к финишу Вселенских конных состязаний:

Кто скакал со мною вровень? Я — поэт до нитки нерва.
Разве я хоть каплей крови, хоть кровинкой — не грузин?!
Запорошен и завьюжен, путь мой в небе обнаружен.
Конь ретивый, синегривый дышит ветром перемен.

... Мчатся кони, кони, кони на Вселенском ипподроме,
Мчатся синие фантомы по разомкнутым кругам...

В «Эфемере», как сказано, были намечены темы поэзии и судьбы поэта. Они развиваются в стихотворении «Снова эфемера». Но на смену фантазмагории, напоминающей видения Иеронима Босха или Гюстава Доре, приходит образ поэта, художника, артиста таким, каким видела его романтическая поэзия первой половины XIX столетия и каким предстает он в урбанистических стихах второй поло-

вины XIX и начала XX веков. И если имена и поэтические мотивы, скажем, Мюссе и Готье здесь подразумеваются, хотя и не названы, то образы Верхарна и Достоевского непосредственно определяют лирический сюжет второго стихотворения цикла. Верхарн выступает здесь как «нового железного столетья Дант», исхивший все круги урбанистического ада, а воссозданный в стихе портрет Достоевского навеян картиной его гражданской казни со смертным приговором, эшафотом, палачом и запавшими, невидящими — все видящими — глазами гения... В финале прозвучит еще последний аккорд его образного лейтмотива — о странном и страшном состоянии мира, безветрии, когда затаившийся ветер все же отсекает головы поэтов, то есть — в образной системе стихотворения — самых высоких деревьев, и именно потому, что они слишком высоки.

Да это заговор равных — Смерти и Жизни, а жертвы — Поэт, Художник, Артист, Искусство.

И тогда в тысячный раз поднимается в душе из века в век повторяющийся вопрос — быть или не быть?

И когда наступает в жизни поэта час таких вопросов — может случиться непоправимое. Так решается Галактион Табидзе на роковой шаг — в 1922 году он уничтожает, сжигает все свои рукописи, письма, дневники, любимые книги... Но, опомнившись, внесет в новый дневник трагическую запись: «В какое бесконечное и бездонное одиночество и тоску я погружен. Потеряно, уничтожено мною же все, что писалось с детства, все, буквально все. Никогда не испытывал я ничего похожего... Будто умерла сама юность моя: вся моя юность, бессонные ночи, целый мир чувств и переживаний — радости прилежного труда, самоотдачи, самозабвенных порывов... Я один, совершенно один, и кто мне вернет то, что потеряно!.. Будущее?!»¹ Как отзвук этого отчаяния возникает третья, «Морская эфемера» — о корабле «Надежда», который готовится поглотить пучина... В «Морской эфемере» запечатлены многие образы, которые в других стихах (через год — в «Буре» и пять лет спустя — в «Городе под водой») будут переосмыслены: из хаоса вновь родится гармония. Но и теперь, в том же сложном двадцать втором году, уже в четвертой по счету эфемере — «Новогодней» — возникает гармонический моцартианский мотив с отголосками поэзии французского «Парнаса» и легким, миротворящим отблеском благородного гедонизма Готье — Делароша. Вспомним знакомые нам образы стихотворений «Примирение», «Поэзия — прежде всего» и «К Готье». В «Новогодней эфемере» воскресают все эти мотивы, заключенные на этот раз в современный, светлый лирический сюжет (словно по модели — «печаль моя светла»), овеянный мечтою о новом Моцарте, о новой Беатриче, о возможности

¹ Г. Табидзе, Соч., т. 12, с. 148.

примирения со смертью — через «прощальный возглас лебединый». А мы знаем, что такое примирение и есть преодоление, оно и есть бессмертие.

«Новогодняя эфемера» как бы высветила громокипящие, громогласные бетховенско-вагнеровские волны прежних «Эфемер». Предстояло появиться — уже весною двадцать третьего года — еще двум «Эфемерам»: знакомой нам «Родной эфемере», где в ответ на драматически напряженные вопросы прозвучит вера в бессмертие Амирана-Прометея, и, наконец, последнему стихотворению из этого симфонического цикла, названному, как и самое первое, просто «Эфемерой». Здесь вновь будут сопряжены Жизнь, и Смерть, и «Поэзия — прежде всего», будут сплетены имена Гойи, Паганини и Готье. Между «Новогодней» и этими «Эфемерами» двадцать третьего года Галактион Табидзе в чудесном предновогоднем верлибре (где Мери — муза его поэзии читает в саду томик любимого Шелли) провозгласит, укрепив свое сердце надеждой, здравницу в честь наступающего 1923 года:

Я хочу подняться к заоблачным вершинам гор,
Чтобы увидеть все полюсы мира.
Я требую слова:
«Я взглядом окину народы и страны».
Я громовещаю:
«Отрицаю тебя!
И люблю!»
Двумя миллионами глаз
Смотрю я на Новый
Тысяча девятьсот двадцать третий год
И говорю:
«Да здравствует будущее!»

(Подстрочный перевод)

«Два миллиона глаз» новой Грузии (по числу ее тогдашнего населения) — олицетворение полного слияния поэта с родным народом. В этих строках и своего рода отблеск, отсвет, отзвук лирического лейтмотива эпической поэмы Маяковского, в которой поэт провозглашал: «Сто пятьдесят миллионов говорят губами моими». ¹

Пройдет год, и от имени поэтов революционной Грузии Галактион Табидзе провознесет клятву, ставшую знаменем и девизом советской грузинской интеллигенции. Как бы окинув мир зорким взглядом, поэт выскажет тяжелые предчувствия о грядущих мировых катастрофах, войнах и потрясениях:

¹ В свое время это было подмечено грузинским критиком Г. Гаччиладзе (см. в сб.: Вопросы грузинской советской литературы, Тбилиси, 1960, с. 143).

Ожиданье ли сердце тревожит,
Или тайная мучает дума,
Что не раз еще вырваться может
Огневое дыханье самума...

...Желто-серые, ржавые тучи
Закрывают багряные выси...
Может быть, этот сумрак гнетущий
И прорвется внезапно к Тбилиси.

И на самой высокой ноте провозгласит он торжественно клятву:

Мы же станем — во имя отчизны —
Там, где огненный ангел простерся.
Новым дням отдаем свои жизни
Мы, грузинской земли стихотворцы.

(«Поэтам Грузии»)

Клятва эта была произнесена в год смерти Владимира Ильича Ленина. Смерть Ленина еще сильнее сплотила вокруг ленинских идеалов и заветов людей доброй воли.

Траурным январем 1924 года сложились стихи Галактиона Табидзе, передавшие и выразившие муку и боль, которыми были охвачены Москва и весь мир, поэт и человечество в те памятные дни («Ленин»).

Завершается еще один этап в поэзии Галактиона Табидзе.

Двадцать четвертому году суждено было стать одним из самых напряженных в жизни поэта. И одним из наиболее плодотворных. И на редкость полифоничным. Судите сами: две удивительные поэмы — знакомый нам «Джон Рид» и «Память о днях, когда молния вспыхнула», экспрессивная, тревожная кантата «Ветров» и стихи-прощание с Валерием Брюсовым; лирические миниатюры и сельские зарисовки; с новой силой зазвучавшая оркестровая тема революции и пробуждающегося Востока (с пророческим и гневным монологом Азии, созвучным блоковским «Скифам»), и снова, и снова — стихотворение за стихотворением — панорама Октябрьских дней, воплощенная не только в лирической хронике (как в «Джоне Риде»), но и в патетической исповеди ораториального звучания; и главенствующие стихи этого года, с которых мы и начали разговор — клятва от имени «грузинской земли стихотворцев» и торжественный реквием, посвященный Ленину.

В «цикле» «Ветров», в его «увертюре» («Ветер смуты»), где одной-единственной рифмой не только окольцованы все неравномерные по дыханию — короткие и длинные, прерывистые и протяжные — стро-

ки, но и охвачены едва ли не все слова, кроме редких глаголов, наречий и союзов, — с кинематографической стремительностью проносятся кадры, в которых картины метели и снегопада озвучены звоном колоколов, тень рухнувшего царского трона поглощается потоком знамен, штандартов, стягов, на смену же общему плану с толпами солдат — во весь кадр вырастает фигура иступленно кричащего всадника. Раздаются звуки неожиданно «родимой» канонады (так и сказано: «канснада родимая!»), и при новых ураганных порывах «мутного ветра» (будто встряхнули трубку калейдоскопа и сразу же придержали) сквозь свинцовые тучи пррступает грозный силуэт Петербурга. И сразу же вслед за этой увертюрой — уже в «Ветре воспоминаний» — резкий контраст — отступление назад, уход в еще мирное и вполне личное прошлое. Но даже там, в блаженном, казалось бы, мире, затишье было обманчивым. Это ощущение неуверенности, ненадежности покоя реализуется в стихотворении 1924 года «Ветер». Не только земной простор, но и сердце не защищено от бури и ветра, от шторма и вьюги:

Ливень льет, снег метет — мокрый снег, —
Не найти мне тебя, не найти! . .
Только взгляд твой со мною навек —
Днем и ночью, в дому и в пути!
В тучах скрыт, погребен небосклон. . .
Ветра стук, ветра звон, ветра стон! . .

От сердечной смуты не так уж далеко и до «мировых бурь», ибо человек един, и он един с человечеством, с миром, и, целясь в сердце, целишься в планету. Вот когда ветер поднимает занавес, и с подмостков раздается голос Вестника, комментирующего разыгравшиеся на наших глазах события. Конец этого монолога (так и названного — «Ветер, поднимающий занавес») звучит так: «. . занавес поднят, и я всматриваюсь Лишь в одну занесенную снегом тропинку. Издали доносится гул Мутных проулков и улиц, мостов, мостовых. Уже вплотную — туманы, и мгла, и колокольные звоны. Я чувствую себя продравшим глаза ихтиозавром, Который спросонья слышит призыв разъяренного ветра: «Вселенная, тише! Вниманье, Земля! . .» Яростный клич взлохмаченного оратора, Сливаясь с волнами людского прибой, Самумом и шквалом Обрушивается на нас. И тут — Небывалым, неслыханным и несказанным хором Гудят пространства земных площадей: «Вниманье, Планета! Вселенная, тише! . .» И повелительный голос Влечет за собой на трибуны толпы и сонмы, И самодавенный порыв неистовой массы Мгновенно поднимает на ноги весь Петербург — От богомольной Лавры до богохульствующих манифестантов, Восторг и безумье, Проклятья, угрозы и воодушевление

У меня на глазах сливаются в элизиум сумерек... Внимание, мир!
Вперед, мирозданье! Слушай, Земля! Человечество, внемли!»

Занавес воспоминаний поднят и опущен. Но остается сознание и крепнет убеждение, что поэт никогда не был праздным зрителем великой мистерии. Он сам так говорит об этом: «О, я не спустился с бумажных небес На грешную землю. И не сошел с гобеленов или обоев В бурлящие толпы, И не из ночных варьете убежал, Покрывало наспех накинув! Я денно и ночью Был где-то рядом с запасами пороха Иль у химических складов, где газ и всякая адская смесь Были готовы взорваться вот-вот, В каждый миг и секунду. И никогда не бывал я один. Рядом со мною дежурили: Ветер — ошую, дождь — одесную».

Финал сдержан и спокоен. Никаких иллюзий. Да, «не раз и не два» являлась поэту дальняя звезда, не раз и не два озарялись его дни яркими вспышками света. Но это были звездные часы человечества, это был свет поэзии и века, и они вовсе не были залогом безоблачного счастья лично для него, покоя и воли для его души, они не предвещали ему ни мира, ни лада. И даже в кажущееся безветрие вершины чинар и тополей колыхались и гнулись под напором невидимых волн и токов. И он мог бы сказать завтрашними словами Маяковского: «Как раньше, свой раскачивай горб впереди поэтовых арб — неси один и радость, и скорбь, и прочий людской скорб...» Он примерно о том же и сказал за год до Маяковского в своем стихотворении «О, не единожды с неба...».

Вы скажете, что стихотворение это очень грустно? Поэт никогда и не скрывал своей грусти, вызванной тем или иным мелким поводом, а тем более какой-либо глубокой причиной (точно так же, как всегда делился он своей радостью, вызванной пустяком ли, планетарным ли событием). Но он никогда и не навязывал свою грусть и тоску читателю, и очень редко, исключительно редко, обнажал и раскрывал биографические, житейские, бытовые истоки и основания этих своих переживаний и состояний. Насколько конкретен и точен он был в любых своих адресах социальных, настолько он был замкнут и скрытен в сфере интимной, полагая — и исповедуя это как этическую и эстетическую норму, — что поэзия вправе сообщать читателю общую музыкальную силу переживания, способную стать универсальным вместилищем переживаний самого читателя, но отнюдь не всегда должна предлагать ему роль душеприказчика и духовника, обязанного выслушивать повесть о человеческих незадачах или прегрешениях поэта.

Но главное даже не это. Главное — никогда не следует выкидывать слова из песни. И слова не поймаешь, и песню загубишь, А у композитора поэтического, как и у композитора любого, свои законы, и музыку поэзии, как и любую музыку, следует воспринимать

и судить в целом, а не по минорному или мажорному звучанию отдельных музыкальных фраз.

А каким несравненным мастером композиции был Галактион Табидзе! Раскрытие тайн его гармонических построений — это целая область постижения и познания, к которой никто еще даже не приблизился. Так, своеобразное поэтическое единство «ветров», о котором мы лишь вскользь говорили, назвав его даже условно кантатой (конечно, условно, и, конечно, весьма приблизительно), являет нам пример в экспозиции, и сопоставления контрастных тем в разработке, и переакцентировки их в репризе, и неожиданных финальных решений. И судить о каждой части творения возможно лишь исходя из целостного восприятия и постижения его.

Все перечисленные или рассмотренные выше произведения — стихи «высоковольтного» напряжения, как бы требующие добрососедства с более легкими и спокойными стихами. И Галактион не был бы Галактионом, если б на тех же страницах не возникали у него строки таких, скажем, стихотворений, как «Довелось мне все-таки...», или такие:

Мир состоит из гор,
Из неба и лесов,
Мир — это только спор
Двух детских голосов.

Земля в нем и вода,
Вопрос в нем и ответ:
На всякое «о, да!»
Доносится «о, нет!».

Среди зеленых трав,
Где шествуют стада,
Как этот мальчик прав,
Что говорит: «о, да!».

Как девочка права,
Что говорит: «о, нет!».
И правы все слова,
И полночь и рассвет.

Так в лепете детей
Враждуют «нет» и «да»,
Как и в душе моей,
Как и во всем всегда.

(«Он и она»)

...«Пролог к 100 стихотворениям», подытожив не только духовный опыт поэта в послеоктябрьское революционное восьмилетие, но и лироэпические поиски Галактиона Табидзе в 1923—1924 годах, открыл вместе с тем новую, на этот раз чисто лирическую полосу в его творчестве, которая завершилась выходом в 1927 году итогового, охватывающего почти два десятилетия, однотомника.

И во всех этих ста стихотворениях (опубликованных, как мы знаем, сразу в одном номере журнала «Мнатоби»), и в примыкающих к ним стихах последующих лет обращает на себя внимание возрождение в лирике Галактиона Табидзе живописно-пластической манеры изображения. Так же как в импрессионистических шедеврах 1915—1916 годов или реалистических зарисовках кахетинского цикла 1922 года, поэт выходит, так сказать, на «пенэр» и вновь доверяется свидетельствам своего зоркого глаза, впечатлениям, которые всегда проходят через душу поэта. Если говорить о пределе досягаемости для стиха событий и явлений внешнего мира, то проследить это можно было бы на таком, скажем, примере. Вот море. И корабль. Художник может увидеть это так, как это сделано в стихотворении «Спокойное море»:

И облако стояло, как фрегат
В спокойном море. Небо было синее.
Воображение вдоль прибрежных линий
Влекло меня — увидеть бы фрегат!
А там, где мирно высился фрегат
И радуга несла свой хвост павлиний,
Я плыл, надеждой радужной объят,
И облик мира был как облак синий,
И облако сияло как фрегат.

Но поэт может вызвать и бурю, ему «всесло видения и волны громоздить», смешать море с небом, угадать под водой «Башни... сторожевые, И стены, и размытые дома», а на сам корабль обрушить пучину, стихию, и «с Хаосом... породниться», чтобы затем вновь — могуществом поэзии извлечь из хаоса высшую гармонию... Все это совершается в стихотворении Галактиона Табидзе «Город под водой». Место действия то самое реально существующее судно, которое, как мы знаем, вызвало ровно за год до этого у Маяковского благородную зависть к товарищу Нетте — «пароходу и человеку».

«Город под водой» — одна из вершин философской лирики Галактиона Табидзе двадцатых годов. Мы употребляем термин «философская лирика» лишь в том, конечно, смысле, в каком он применим к поэзии Галактиона; некоторое представление о нем может дать стихотворение «Из прозы будней», где поэт признавался, что предпочитает «ослепление» — «расчету», «обмолвку чувства» — «фразе»,

«полунамеки» — «высокопарным урокам нагой премудрости земной». Ведь все дело в том, что таится за «полунамеками», что стоит за «обмолвками чувства», какая именно «цель ясная» влечет поэта.

В «Городе под водой» цель, хотя бы и полунамеком высказанная, несомненна. «Суровый век» с его бурями стартовал десять лет назад в октябрьском Петрограде. Об этом сигнал:

Будь выше бед! Вы помните? Не я ли
Вам дал пароль надежды и борьбы —
И — пусть не поняли — вы напевали,
Как мне — далекий колокол Судьбы.

Такая глубина — светла. Она может осветить и прошлое и будущее; и тысячелетнюю Диоскурию, и рвущийся к своему завтрашнему дню, озаренный огнями ЗАГЭСа Тифлис:

Где оборвутся странствия Улисса?
Не всё ль равно? Я знаю, что в раю
Я различу с небес огни Тифлиса,
Как ныне — Диоскурию мою.

Разрешить «мертвых немоту», свести «как грани бытия» легендарную быль с грозной новью творимой легенды — вот в чем «цель ясная» и святость дела поэзии. Воплощая и исполняя свой завет, Галактион Табидзе не мог не обратиться к Руставели, так же как Блок в своем стремлении осмыслить «назначение поэта» в дни, когда были «сведены грани» хаоса и гармонии, не мог не «поклониться веселым именем Пушкина».¹

Стихотворению «Город под водой», высоковольтной поэтической энергосетью связавшему тысячелетия грузинской истории, непосредственно предшествовали два значительнейших «историософских» произведения — «Космический оркестр» и «Поэма тигра» (оба написаны в 1926 году и исчерпали собою весь этот год для Галактиона Табидзе). В «Поэме тигра», обращаясь к Руставели и его творениям, Галактион Табидзе стремился показать, что гению дано восстановить разорванную связь времен, освободить гармонию из плена хаоса, вызволить день из когтей ночи и свет — из смертельных объятий тьмы:

Но затем — сотрясенье, вихри пламени, вскрик!
В стан, где сна и покоя ждут и мал и велик,
Бьет поэзия властно, как молния в древо,
И встревоженный хаос взрывается вмиг.

---

¹ Александр Блок, Собр. соч. в 8-ми т., т. 6, с. 168.

Пройдут годы и годы, и при каждом приближении катастрофы, грозящей миру и человеку, Галактион Табидзе будет с надеждой звать к гуманизму Руставели. Так в Париже, в 1935 году, на первом всемирном антифашистском конгрессе в защиту культуры, у него произойдут, кроме естественных и понятных, программой конгресса предусмотренных встреч, еще две фантастические — с Руставели и с Пушкиным. Портрет Руставели он увидит в доме французского поэта, а Пушкину он сам предоставит слово в одном из парижских кафе и «вложит ему в уста» свой блистательный перевод «Вакхической песни»! Да, кстати, была еще такая же «встреча» с Маяковским.

Руставелиевское: «Зло повержено веками торжествующим добром» и пушкинское: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» — не в этом ли был, собственно, смысл движения, поднявшегося в защиту культуры от фашистского варварства? Недаром во главе этого движения стояли Ромен Роллан и Максим Горький, Анри Барбюс и лучшие сыны ввергнутой в коричневый кошмар Германии.

...Но между временем создания «Поэмы тигра» и Парижским конгрессом пролегла целая историческая полоса. На это же время приходится важные события в жизни самого Галактиона Табидзе. В автобиографическом наброске поэта мы читаем: «В 1928—1930 годы в журнале «Мнатоби» напечатаны мои циклы «Эпоха», «Революционная Грузия» и «Пацифизм»... В 1928 году с делегатами Шестого конгресса Коминтерна совершил поездку по промышленным районам Советского Союза. В 1932 году был избран членом ЦИКа Грузии. Поездка по Армении и Азербайджану. В 1933 году опубликовано постановление о «присвоении звания поэта Грузии Г. В. Табидзе»... В 1935 году в составе советской делегации ездил в Париж как делегат на Первый Всемирный антифашистский конгресс в защиту культуры. Был избран членом президиума конгресса и выступил с речью... В 1936 году награжден высшей наградой — орденом Ленина... И далее, уже после конгресса: «В 1944 году был избран действительным членом Академии наук Грузинской ССР... В период Великой Отечественной войны работал в редакции газеты «Коммунисти», часто выступал перед бойцами армии и флота, тружениками тыла...»¹

За этим сухим перечнем стоит поистине титанический труд поэта. Книга за книгой. «Эпоха», «Революционная Грузия», «Пресса», «Пацифизм», «По дорогам Европы», «Родина, жизнь моя» — это поэтическая летопись жизни и труда человека и гражданина Страны Со-

---

¹ Советские писатели. Автобиографии, т. 3, М., 1966, с. 657.

тов за 1928—1945 годы. И это картина мира. А какие это были годы — об этом красноречиво говорят сами даты: 1929-й, справедливо именуемый «годом Великого перелома», первая половина тридцатых годов, отмеченная неслыханным созидательным подвигом советского народа и его противостоянием коричневой чуме, вспыхнувшей в сердце Европы и грозящей поразить весь мир; собственные, внутренние трудности и беды второй половины тридцатых годов (великим горем на всю жизнь стала для Галактиона Табидзе судьба его жены и вернейшего друга — Ольги Окуджава); 1941 год и последующие четыре года войны — не только явились историческим экзаменом для страны, государства, общества и каждого его члена, но и спасшие мир от смертельной опасности, невиданной по масштабам во всей новой истории человечества.

В середине двадцатых годов у Галактиона Табидзе слышится своеобразная переключка с Маяковским: в революционно-романтических стихах с их космическими образами, гимнами разрушительной силе гражданских бурь, потоков, шквалов, с патетической мечтой о мировой революции, «о мировом оркестре» бунтов и восстаний. Но уже к концу двадцатых и в начале тридцатых годов поэт начинает ставить перед собой несколько иные задачи. Ода, гимн, оратория, возгласы радости и восторга, патетические или драматические монологи постепенно уступают место лирическим раздумьям, лирико-философскому осмыслению новой действительности, нового человека, новых задач поэзии.

Галактион Табидзе пристально и углубленно исследует и собственную душу, и душу своего современника, друга. Воспоминания и раздумья сменяют непосредственную бурную реакцию на революционные события, восклицательные знаки сменяются многоточьями и знаками вопроса. Рождается одна из самых удивительных книг Галактиона Табидзе — «Эпоха», названная поэтом сначала поэмой, а затем рассыпанная им же на множество коротких лирических стихотворений, составляющих тем не менее единое целое. Это великолепный, умный, взволнованный, трепетный лирический монолог, целый поток искреннейшего поэтического душеизлияния, волны которого выливаются в отдельные восьмистишия, а порою образуют целые гребни и цепи нагоняющих друг друга строф... Ощущение небывалой новизны наступившей эпохи пронизывает все эти стихи. Поэт продолжает слушать музыку революции. Но он слышит уже не только самые громкие ее звучания, не только хоры и оркестры, но и тонкие, глубокие, «солирующие» голоса.

Целый ряд образов заглавного стихотворения названной книги — «Эпоха родилась и крепла» — уже содержал в себе возможность будущего вполне конкретного реалистического описания. Символическому зданию, которое здесь созидалось и было наделено множеством

вполне конкретных изобразительных признаков, уже не так трудно оказалось стать настоящей постройкой из бетона и стали, подлинной новостройкой в лесах.

Этот шаг дальнейшей поэтической эволюции был сделан в следующей книге стихов Галактиона Табидзе — «Революционная Грузия». Ни одна его книга не насыщена таким множеством конкретных деталей в изображении города и деревни — индустриального города и колхозной деревни, — как эта. В данном отношении «Революционная Грузия» сильно отличается и от «Эпохи». Социально-философская лирика и внутренний монолог поэта уступают здесь место широкой панораме объективной действительности, почти кинематографической фиксации общих, средних и крупных планов социалистического строительства. Правда, здесь поэт вступает иногда в область, не до конца ему близкую, а порою даже противоположанную его творческой натуре, и тогда в стихах ослабевает их магнетическая притягательная сила...

Но собственно реалистическая пластика — осязаемая, зримая, весомая конкретность стиха, проявляющаяся и в лирических сюжетах, и в более детальной нюансировке изображения, с заменой «панорамы» «крупным планом» — оказалась в основе центральной и главной поэтической книги Галактиона Табидзе середины тридцатых годов — «По дорогам Европы». Сама реальность, которая вторглась в эту книгу, была, увы, вполне устоявшейся, даже застоявшейся, и она была необратимо устремлена к своему мрачному закату. В одном из лирических посланий 1928 года поэт уже предупреждал адресата: «Не всё же в мире так, Как хочется, чтоб было! Каких еще утрат Открыты будут силы?» («Когда по вечерам...»).

Галактион Табидзе пристально следит за грозными симптомами обострения международной обстановки. Мастера культуры начинают спланиваться в ряды антифашистского движения. В 1935 году в Париже созывается всемирный конгресс в защиту культуры от фашистского варварства. Среди советских делегатов конгресса — рядом с Фадеевым, Тихоновым, Эренбургом, Бабелем, Пастернаком и другими — был и Галактион Табидзе. Он выступил на конгрессе с яркой речью, с жадным интересом знакомился с делегатами. Но не менее пристально всматривался он в жизнь вокруг конгресса. Париж, Франция, а по дороге во Францию и на обратном пути — Польша, Германия, Берлин. Рядом — Испания, Италия. И всюду подземные толчки, всюду свидетельства грядущих потрясений.

Парижские впечатления еще долго будут сказываться и отражаться в поэзии Галактиона Табидзе — вплоть до того дня, когда сбудутся «предчувствия кровавой борьбы». Но, как всегда, и в это предвоенное пятилетие поэзия Галактиона Табидзе не была однозначна и однопланова, как, впрочем, и сама жизнь. Можно лишь удив-

один») ¹ пытается перейти в контратаку. И вот среди «да» и «нет», которые поэт говорит миру, с особой силой звучит нота неприятия и отрицания ханжеских, дилетантских попыток со стороны околовнелитературных сил «опекать» великое искусство поэзии, нарушать его «тайную свободу» («Пушкин), заронить сомнение в его гражданской полноценности. В одном из стихотворений 1933 года Галактион Табидзе бросает в лицо клеветникам гневные строки:

За то, что был чист и развилест
Мой путь, — бесновался их клан.
Глумились, язвили, резвились,
Повизгивали по углам.
Доискивались — не снилось ли
Мне что-то с грехом пополам?
И, чуть застыдась, зазмеились
Их щупальца — дальше — к стихам.

Убогое своенравие!
Повеяло смертной тоской.
Все начинают во здравие,
Кончают — за упокой. . .

Тема столкновения «поэта» и «черни», поэзии и антипоэзии до конца дней будет звучать в лирике Галактиона Табидзе, она задаст тон его поэме сорокового года «Акакий Церетели», войдет и в поэтический трактат того же времени «Разговор о лирике» и гениальной кодой завершится в одном из последних его стихотворений, где еще раз произойдет фантазмагорическая встреча с Пушкиным, привидевшимся ему за окном какого-то кафе:

Это утро. Пустое кафе.
Я, входящий в чудесном смятенье.
Это Пушкин! . . И спутницы-тени:
Экатомба и аутодафе.

Пистолет иль костер? Всё равно.
Черный остов — иль малая ранка. . .
Для избранных э того ранга
Честь жены, честь эпохи — одно.

(«Тень каштана скользит по стеклу. . .»)

Пришло время, когда на дом поэта, на его любовь, на его Ольгу обрушилась беда. И тогда были написаны стихи о «последнем по-

---

¹ Приведено в статье Г. Тварадзе, Легенда жизни Галактиона. — Цискари, 1972, № 3, с. 151 (на груз. яз.).

езде», с которым ушел этот единственно близкий, бесконечно дорогой ему человек:

Как колесница жизни и судьбы,
Вот-вот с перрона отойдет состав,
И с ним моя надежда и душа,
Моя звезда, звезда моей судьбы.

(«Последний поезд»)

Позднее об этом будут создаваться новые и новые строки. . .

В середине пятидесятих годов, когда Галактиону Табидзе будет возвращена добрая слава любимой, — он не раз и не два воскресит в стихах ее судьбу и ее образ, приобщая читателя к очистительной силе высоких чувств и страстей.

Но трагические страницы в жизни поэта не помешали Галактиону Табидзе перелистывать страницы великой книги бытия, именуемой Историей, Эпохой, Родиной, Революцией, Поэзией, Музыкой. В стихах он неоднократно называл и ту силу, которая одна способна была поддерживать его в трудные минуты жизни:

Родина! День наступает и близится.
Родина, сердце мое оживи.
Видишь — любовь моя — светится, высится,
Я у тебя научился любви!

Дорого нам достается наука
Чувства, живого с младенческих дней.
Так постигаешь значение звука,
Тихо ступая за песней своей.

Родина — песня! Я всё перепутаю.
Так и оставлю и не разделю. . .
Раны твои я туманом окутаю,
Верой своею тебя исцелю.

(«К Родине»)

Родина — песня. Родина и поэзия. Честь дома, честь эпохи. Чем ближе надвигаются тучи войны, тем напряженнее и сосредоточеннее думы поэта о мире и человеке. Юбилей Акакия Церетели в 1940 году дает Галактиону Табидзе повод и возможность в большой поэме, посвященной ему, глубоко поставить вопрос о гражданской, социально-нравственной миссии поэта. Исконному гражданскому предназначению поэзии посвящает Галактион Табидзе и поэму «Разговор

о лирике», и статью, написанную в процессе работы над поэмой. Как в поэме, так и в статье тема эта прослеживается от античных времен до современности, от Архилоха, Симонида и Пиндара до Лорки и Маяковского.

И эта статья и поэма «Разговор о лирике» перекликались с выступлением Галактиона Табидзе на Парижском антифашистском конгрессе, и с его последующим посланием — обращением к писателям Франции — участникам конгресса. Но теперь и Франция была под фашистской пятой, и советский народ был готов к тому, о чем пел в своих тревожных песнях — «Если завтра война...». И война разразилась. Нужно ли оговаривать, что такой поэт, как Галактион Табидзе, не мог не создать в те годы одну из сильнейших книг об Отечественной войне? Ни минуты не покидала поэта вера в победу света над тьмой, могучего содружества советских народов над фашизмом.

С не меньшей силой прославит поэт разгром фашизма, победу человечества и в первую очередь нашей страны над варварской стихией, затопившей полмира. В стихах его опять «сведутся грани» разных эпох, и он посвятит свое взволнованное слово Москве:

Глухие помню времена —
Закутанную в снежный саван
Москву, когда орлом двуглавым
Была истерзана она.

Но довелось мою столицу
Увидеть мне совсем иной:
Сама, как гордая орлица,
Глядит она на шар земной.

(«Москва»)

Не было и в послевоенной жизни нашей страны ни одного поворотного, переломного часа, который не был бы глубоко осмыслен и поэтически воплощен Галактионом Табидзе. И когда вся наша страна, гордясь великим добром, возвращенным ею, преисполнилась решимости множить это добро и выжечь до конца все посевы зла, — грузинская поэзия оказалась духовно подготовленной к новой миссии, выпавшей на ее долю.

В апреле 1956 года Галактион Табидзе в одном из стихотворений подвел такой поэтический итог своим раздумьям о прожитом и пережитом, о смене времен года, о приходе весны, сменяющей зиму, о неотвратимом движении истории:

Весна! Я жив — я слезы лью...
Весна, как грустно мне и чудно —

Как будто спал я непробудно:
Лег молодой, а встал старик,
И сон был грозен и велик.

Весна моя, подольше царствуй,
Храни меня и — благодарствуй.
И где сойдутся две зари,
Мне двери тихо отвори.

(«Весна моя, подольше царствуй»)

Как видим, поэтическая лира Галактиона Табидзе всегда и всюду оказывалась в самой сердцевине мира. Бури и штили не мешали звучать струнам любви и дружбы, улыбки и счастья, восторга и очарования красотой природы и красою человека, величием искусства и созидания, струнам задушевных воспоминаний и неистребимой мечты. Даже в грозные годы Великой Отечественной войны патриотическая публицистика его стихов добрососедствует с великолепными поэтическими пейзажами и лирическими раздумьями в циклах, вдохновенных Аджарией и Абхазией. Этот мотив будет развит в послевоенных стихах Галактиона Табидзе, еще раз охватит всю Грузию, сроднит и сведет ее природу с ее историей, сокровища ее зримой красы с сокровищами ее духа, ее культуры, с образом родины, явленным в слове, красках, камне, песне. Так, гениальной кодой этих звучаний раздается «Ода Никорцминде», а линия лирического эпоса в творчестве поэта завершится монументальным зданием лирико-философской поэмы «Книга мира». Синтетический стиль позднего, завершающего этапа творчества Галактиона Табидзе явит нам пример воистину «высокой простоты», в гармонически ясных и прозрачных формах воплощающей сложнейшие лирические ходы и глубочайшие постижения и прозрения поэта. Но так же как пятьдесят и сорок лет назад, духовными и идейными, эмоциональными и нравственными, музыкальными лейтмотивами поэзии Галактиона Табидзе останутся образы родины, родной Грузии, ее свободного сродства и братства с народами СССР, содружества с народами мира, заветы свободылюбия, народоправия и равенства в условиях социализма, пути к совершенству и гармонии, которые, по его глубокому убеждению, способны проторить лишь великий союз Революции и Искусства:

Поэзия Галактиона Табидзе уже перешагнула культурные, духовные, поэтические рубежи своей родины и стала близкой многим и многим тысячам читателей стиха. Этому триумфальному шествию ныне только начало. За ним будущее.

...Поэзия и Родина — как драгоценная частица человечества; другой любви у Галактиона Табидзе не было. А поэзию он всегда посвящал Родине:

Иной хранит розу, красотка, твою,
Иной золотую парчу иль скуфью,
Над чьим-то портретом шепчет «люблю», —
Каждый имеет любовь свою.

Письмо, над которым лишь слезы льют,
Кольцо ли, что пламени льет струю,
Серезжки ли в сладкой тени, как в раю, —
Каждый имеет любовь свою.

Локон ли, клад ли земли на краю,
Правду ль, добытую им в бою,
Вещь ли, прославившую семью, —
Каждый имеет любовь свою.

Тебя обожая, отчизна, пою,
Ни с чьей не похожую песнь отдаю,
Сердце в огне, и огня не таю, —
Каждый имеет любовь свою.

(«Моя песня»)

17 марта 1959 года Галактиона Табидзе не стало. Похоронен он в Тбилиси, в Пантеоне на горе Мтацминда, рядом с Николозом Бараташвили, Ильей Чавчавадзе, Акакием Церетели, Важа Пшавела.

В последний путь Галактиона провожала вся Грузия. С нею были и многие ее верные друзья. У одного из них — Михаила Луконина — впечатления того дня вылились позднее в такие строки:

Каким тяжелым оказался
След, незаметный в горячах,
Когда он в гору поднимался
На наших сгорбленных плечах.
Входил в бессмертье, как решил он,
Вдруг оборвав свои пути.
Что его в жизни устршило?
Ты его, родина, прости.
И шел народ ошеломленный,
Обиженный его виной.
Галактика
Галактиона
Взошла в поэзии родной.

Георгий Маргвелашвили

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Горит луна. Таинственно и нежно
Мерцает звезд неясное шитье.
Земля — во мгле. Но небо безмятежно
Сквозь пелену взирает на нее.

Давным-давно стремлюсь к небесной глади,
Где и покой царит, и тишина.
Где небо — образ чистой благодати,
Когда земля безумна и грешна.

И хочется рискнуть последним риском:
От смуты, от вражды в родном краю
К тем искренним, неискушенным искрам
Взлететь — и с ними душу слить свою.

(1908)

2. ЧЕРНАЯ ТУЧА

Единенье мрака с тьмой,
Туча тяжестью немой
Над родной землей зловеще встала.
И дарующего свет
Нет светила — солнца нет,
И надежды вместе с ним не стало.

Но едва лишь в вышине
Вспыхнул росчерк в ярком свете —
Вдруг явилась вечность мне
В искрах, сыплющихся с тверди.

И погас мгновенный знак —
Светлой молнии зигзаг, —
И в кромешной тьме отчизна тонет.
С неба — слез сплошной поток.
Мрак жесток. Удел жесток.
И душа опять в темнице стонет.

(1908)

3

Когда соловей над рассветной землею
Выводит волшебные трели свои
И дрозд, полускрытый росистой листвою,
То свищет, то стонет в порыве любви;
Когда вешний жаворонок в поднебесье
Крылом необъятный чертит полукруг
И, славя весну торжествующей песней,
Потоком рулад рассыпается вдруг;
Когда ручеек разливается в реку,
Препятствия все размывая в пути, —
Как смеете, люди, меня, человека,
Так злобно свободою вы обойти?!

(1908)

4. ЛУЧ

Тьму рассеки и свет яви взамен
Земле многострадальной,
Чтоб, мраку вопреки, из облачных пелен
Пробился отблеск дальний.

Сиянье ниспошли, с другими наравне,
Моей земной юдоли.
Тьму рассеки и свет яви стране,
Достойной лучшей доли.

(1908)

Гроздь виноградная. Крест из лозы.
 Страждущей родины стон.
 Сирой лозы две скупые слезы
 В память кровавых времен.

Вечны и явны для нас письма —
 Знаки тоски и любви, —
 То начертали на ней времена
 Тайные письма свои.

Днесь, когда черною тучей немой
 Скрыта родимая даль,
 Кто нам откроет: надежде самой
 Жизнь среди нас суждена ль?

Как в этот раз запоет под свинцом,
 Пулей пробита насквозь,
 Высеченная из камня творцом
 Тысячелетняя гроздь?!

(1908)

Недостижимостью святою
 Одною только дорожу —
 Отнюдь не жизнью пустою,
 Где места я не нахожу.

Но кто ты, мой далекий Гений?
 Душа тебе обречена,
 И между счастья и мучений
 Не знает разницы она.

Так полнится живое море
 Слезой горчайшею одной —
 И тлеет в сумрачном затворе
 Весь свет — небесный и земной.

1908

Пеленой снегов укрыты, дремлют горы молчаливо,
Оголенные, немые, предались раздумью нивы.

Опушила белым пухом елка лапчатые ветки,
Ручеек похож на птицу в ледяной прозрачной клетке.

Всё застыло: лес дремучий, синий купол небосвода, —
Беспокойная весною, спит, заиндевав, природа.

Но не вечны в этом мире немота и омертвенье, —
За зимой весна приходит, а с весною — пробужденье.

1908

8. ПЕРВОЕ МАЯ

Первое мая,
Первое мая,
Первое мая —
Солнечный день!
Розы качаются,
В росах сверкая,
Маки алеют,
Пахнет сирень. . .

Царь же кровавый,
Злобствуя, хочет
Дымом картечи
Солнце затмить,
Первое мая —
Праздник рабочих —
В топких окопах,
В тюрьмах сгноить.

Время настанет, —
Цепи ломая,
Счастье добудет
Народ трудовой!
Слаблю грядущее
Первое мая!
Слаблю грядущий
Решительный бой!

1908

9. ФАНТАЗИЯ

Мечта блаженная, родник любви бездонный,
Рассвет ночей моих, души моей родня!
И вот, как прежде, рафаэлевской мадонной
Она мерцает надо мной среди черна дня.

Люблю я лик ее, трепещущий и вечный,
С печатью странного нездешнего ума.
Смотрю и верю: черный день мой бесконечный
Уйдет. И горе с ним уйдет. И с ними — тьма.

1909

10. В КОЛХИДЕ

Тут воды родников
Со склонов гор струятся,
И выси ледников
На солнце серебрятся,
Ручьи стремятся ниц,
Грохочут водопады,
И есть в руладах птиц
Веселье и отрада.
Достигнут благ предел.
Всё роздала природа.
И лишь один пробел:
Недостает свободы.
В горах народ простой
С тоской неутолимой
Живет одной мечтой,
Пока неисполнимой.
Народную мечту
Я слышу в разговоре
И часто на лету
Ловлю в девичьем хоре...
Уныла и грустна
Та песня отчего-то,
Она отягчена
Великою заботой:
«Мы здесь беднее всех,
От нас ушла свобода.
Веселье, радость, смех
Нам возврати, природа!»

Душа возмущена,
Помрачено сознание.
И тяжки времена,
И нету им скончанья.
Вот луга волшебство.
Цветов и трав обилье.
Они следы того,
Чего нас всех лишили!
Но нет свободы, нет!
Она ж всему основа! . . .
Свободы дорог свет
И блеск всего живого! . . .»
Я слышу этот стон,
Стыд заливаает щеки.
Природой поражен,
Бросаю ей упреки:
«Вольно ж тебе,
Величье гор,
Собою уливаться!
Неужто это не позор —
Пред нами красоваться?»

1909

11. ЦАМЕБА

Играет кудрями ветерок,
Дышит легко прибой.
В море на камне стоит пророк
Мечтательно-голубой.

Покорная труженица-волна
Юноше говорит:
«Пускай гордыня твоя сильна —
Судьба тебя покорит».

А юноша говорит волне:
«Трудись, волна, без конца,
Как ровный огонь в моей глубине —
От пламенника творца.

Правит гений песни моей
Послушной моей судьбой.

И ты притихла среди камней:
Я — говорю — с тобой».

И юношу спрашивает волна:
«Откуда сила твоя?»
— «Цамеба — мука мне суждена
Моя. И мука — твоя».

1909

12. К НОВОЙ ВОЛНЕ

Неотступные думы сжигали меня —
Я от натиска их убежал. . .
Море в мертвом безветрии тихого дня
Неподвижно синело средь скал. . .

Никогда не поверю, что волны ровны,
А простор отдает бирюзой.
Потому что мгновения эти полны
Затаившейся в каплях грозой!

Сердце мне не томи,
Горы-волны громадь,
Забушуй, загреми,
Моря вольная гладь! . .

1909

13. БИТВЫ Я ЖАЖДУ

Битвы я жажду, чтоб снова
Выйти навстречу врагу.

Павших прощальное слово
Я позабыть не могу.

Кровью, что жарко пылает,
Родины лик обагрел,

Смелых борцов осеняет
Отблеск багряных знамен.

Смерть средь жестокого боя
Подстерегла вожака.

Нового ищет героя
Меркнувший взор смельчака.

В битву за дело святое!
Тянется к сабле рука. . .

Склоним ли мы в униженье
Стяг наш пред лютым врагом? . .

В битву скорее! . . Забвенье
В ярости боя найдем!

1910

14

Мы солнцем грезили. Наш плач
Глушила ночь что было сил.
Ни счастья луч, ни блеск удач
По рваным струнам не скользил.

Мы солнцем грезили. Наш крик
Был — к солнцу, к светочу, к звезде,
Чей лик прекрасен и велик.
И он — всегда! И он — везде!

Мы солнцем грезили. И вот
Взошло над кладбищем оно.
Вот диск его, кривясь, плывет
Над хаосом, где всё — равно.

Так оттолкнем же хаос прочь!
Но гробовую тишину
Опять на всё наложит ночь:
На стон, на рваную струну.

Светило, встань же, оборви
Разгул унылого ума.
О солнце, выплывай — плыви,
Явись скорей из-за холма!

И смерть, и муки, и тоска,
И бред, и смрад, и воронье
Дотоле живы лишь, пока
Не вспыхнет колесо твое.

Так прочь от нас, ночная мгла!
Прочь, заколдованный туман!
И зло цепей, и цепи зла,
И застилавший взор обман!

Да будет свет! Соединим
Перед восходом сотни рук,
И только вспыхнет светлый нимб —
Его лучами станем вдруг!

1910

15. ЛАВР

Сложный древний запах лета
В ветерки вплела трава.
В голубых слезах поэта —
Лавра влажная листва.

Память силы не утратит,
И мечты цветут, едва
Победителя украсит
Лавра мирная листва.

Но для нильского дракона,
Для чужого божества,
Яд — во глубине флакона
Лавра адская листва.

А поэт не зря таится:
Тайный знак в час торжества
И — в кинжалы обратится
Лавра мирная листва.

1910

16. МОЙ ГОЛОС

Слинявшие к зиме просторы
Вновь обретут свои цвета,
Фиалки здесь запахнут скоро,
Сойдясь на прежние места.
Опять оживших лавров тени
И склоны гор к закату дня
Заденет ветерок весенний,
Тоской пахнувший на меня.
Но песня выйдет из тумана
И разорвет его силки.
Ее напевы будут странны,
И самобытны, и дики.
Ведь голос сердца побеждает,
Пред ним другие все — не в счет,
Он даже камни услаждает,
Он даже травы вверх влечет.
Всей сущностью в ладу с природой,
Он для нее звучит, как зов,
Своей особенною нотой
Средь многих тысяч голосов.

1910

17. ВОЛЯ

Рыдайте, избранники божьего гнева,
Невинный Адам, непорочная Ева!

Бегите, бегите родного чертога!
И гневом Его — воспалится дорога!

Остался губитель и прячется в кущи —
Чешуйчатокольчатоскоротекущий. . .

Кропите дорогу рыданием и плачем
Под гневом неправым, под гневом незрячим.

Здесь камни текучи и дерево шатко. . .
И всё Ему — воля! И мщение — сладко.

(1911)

18. ЛИРОЙ ГАМЛЕТА

Прочь! В монастырь!
Беги, Офелия,
Мирской кровавой суеты:
Твоя хранительница — келья,
Моя спасительница — ты.

Твой траур — твой убор венчальный.
Разлукой сочетаюсь я
С тобою, гений мой печальный,
Душеприказчица моя.

Лишь там, на небесах, мы вместе...
Тебе к лицу — святой венец,
А мне — личина — ради чести —
Колпак дурацкий, бубенец.

1911

19

Стих, замеченный годами, как вьюгой,
В давние дни оброненный когда-то, —
Вновь, возвращенный мне памятью друга,
В сердце живишь ты бывшие утраты.

Снова полно оно чувством тревоги,
Чьей-то мятежной, упрямой мечтою,
Чьей-то подслушанной мною в дороге
Смутной надеждой и смутной тоскою.

Вновь неотступно стоит пред глазами
Образ, разбуженный воспоминаньем, —
Греза, рожденная юными снами,
Ставшая явью, да жаль — с опозданием.

1911

20. ДУБ

Ветвистый дуб, как часовой в дозоре, —
Он со своей столетней высоты
Встречает первым утренние зори
И смотрит на кавказские хребты.

Когда грозы слепящая зарница
Располосует купол грозовой,
Дуб от ее огня не заслонится
И будет умирать, как часовой.

Дергач заголосил. Листва сгорела.
В ручей упала теплая зола.
Как после орудийного обстрела,
На пепелище тишина легла.

Клубится небо низкое, сырое,
Могучий дуб свершил свой ратный труд.
И над могилой павшего героя
В горах обвал грохочет, как салют.

1912

21. У ОКНА

Седой, словно дух бесконечной дороги,
Сюда из-за тысячи дней
Притащится этот Старик колченогий
И станет у двери моей.

И скрипочку верно приладит и хлипко
Смычком поведет по струне. . .
Спина эта. . . Беглая эта улыбка,
До муки знакомая мне. . .

Споет обо всем невозвратно прошедшем,
Взмахнет лебединым смычком,
И вскрикнет струна, и вздохнет, и прошепчет
О жребии верном моем.

Из сил из последних на светоч вечерний
Ни мертвый бреду ни живой,

Постылые лавры и ржавые тернии
На камень швырну гробовой.

И всё это значит, что участью лучшей
Отмечен я был меж людей. . .
Всё так — в этой слезной — летящей — тягучей
Мелодии жизни моей!

1912

22. ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Тихим, сумрачным огнем
Догорает день осенний,
Кленов трепетные тени
Клонит ветер за окном. . .
Догорает день осенний!

Опустевший, хмурый сад,
Листья, тронутые прелью,
Запустенье, листопад —
Вот он — горестный разлад,
Поздней осени похмелье!

Плачет сердце. Оттого ль,
Что безрадостна природа,
Что предчувствие исхода
В нем засело, точно боль,
Что безрадостна природа?

Полно маяться, душа,
Под сурдинку листопада,
Полно плакать виновато,
Тихих слез не осуша.
Вновь вернется к нам отрада!

Но надежда наугад
Замаячит в отдаленье. . .
Только листья шелестят,
Гаснет медленно закат,
Догорает день осенний!

1912

23. Я ЭТИ ЦВЕТЫ СБЕРЕГУ

О, не думай, что я схоронил
Все мечтанья эпохи заветной.
В сердце тьма нерастрченных сил,
Но снаружи ничто незаметно.
И цветы сберегу я, пока
Просветленья заря не настала,
Чтоб жестокости черной рука
Их в своем вероломстве не смяла.
Пусть надежда нам силу дает,
Что не в снах, не в мечтах существует
Несказанный тот край и оплот,
Где душа не скорбит, не тоскует.
То, что было, былшем поросло,
Но желаньям нету предела.
Много доброго в ней. Даже зло
Разложением ее не задело.

1912

24

Порою в грохоте и лязге
На улице, противной мне,
Песнь соловья повеет лаской
В неповторимо-нежном сне.

И в клубах вечной душной пыли,
В постылой суете дорог
Мелькнет крылом белее лилий
Воздушный легкий мотылек.

Ты для меня надеждой стала,
Пославшей луч издалека,
О сладость песни небывалой,
О трепетанье мотылька!

1912

Ночь возникающий день повстречала
И на востоке его целовала.

День молодой заалел от стыда,
Тьму он с тех пор избегает всегда.

Точно вот так на щеке твоей белой
Родинка от поцелуя горела.

Еле заметна была и мала,
Вспыхнув, погаснуть сейчас же могла;

Но поцелуем вторым ее тронь —
И обожжет уже губы огонь

И разгорится. . . Так пламя Авроры
Вдруг озаряет высокие горы.

Тщетно вершины их будут потом
Память лелеять о счастье былом. . .

Ночь возникающий день повстречала
И на востоке его целовала.

1912

26. МОГИЛЬЩИК

Твое нам известно сужденье,
Суровый могильщик-старик,
Что в памяти даже и тени
Умерших никто не хранит.
Взгляни на могущество мая,
Как травы цветут на лугу,
Как ветви деревья вздымают,
Все в белых цветах, как в снегу,
И солнце своими лучами,
Своей теплотой без границ
Луга вышивает цветами
Не хуже любых мастериц.

Взгляни же: у свежей могилы
Рыдает всё утро вдова.
И всё ей на свете не мило,
Пусты утешенья слова.
И стон, раздирающий душу,
И горький доносится крик.
Ты жалобы эти послушай,
Суровый могильщик-старик:

«Пусть лучше растаю туманом,
Исчезну, как призрак в ночи,
Но сердца глубокие раны
Ничем не смогу залечить.
Пусть жизнь проживу одиноко,
Твой образ любя и храня, —
Укрывшийся в сердце глубоко,
Он будет сиять для меня!»

Так верно ль могильщика мненье,
Что мертвый живыми забыт,
Что в памяти даже и тени
Умерших никто не хранит?
Взгляни: приближается кто-то,
Повеяло новой бедой —
В кладбищенские ворота
Вошел человек молодой.
Любимую нынче хоронит,
От гроба не отойдет,
Над свежей могилою стонет,
Подругу из гроба зовет:

«Пусть лучше растаю туманом,
Исчезну, как призрак в ночи,
Но сердца глубокие раны
Ничем не смогу залечить.
Пусть жизнь проживу одиноко,
Твой образ любя и храня, —
Укрывшийся в сердце глубоко,
Он будет сиять для меня!»

Так верно ль могильщика мненье,
Что мертвый живыми забыт,
Что в памяти даже и тени
Умерших никто не хранит?

Та женщина снова к могиле
Явилась с охапкою роз
И бросилась наземь в бессилье —
Она ослабела от слез.
И вот неувядшие розы
Лежат у подножья креста...
Ее выразительна поза,
И скорбна ее красота.
Глазницы ее от страданья,
Как сажею, зачернены,
Любимые воспоминанья
Тоскою воскрешены.
Бедняжка так тяжело страдает,
И раньше рассыпанных роз
Она, как цветок, увядает,
Рыдает и плачет без слез.

Так верно ль могильщика мненье,
Что мертвый живыми забыт,
Что в памяти даже и тени
Умерших никто не хранит?
Взгляни на того молодого,
Что милую схоронил,
Он бродит по кладбищу снова,
Последних лишается сил.
И с воском лицо его схоже, —
Подобно свече восковой,
Он тает и плакать не может,
От горя почти не живой.

«Пусть будет она незабвенна,
Любовь дорогая моя,
Пусть в памяти сказкой нетленной
Навек сберегу ее я».
Так верно ль могильщика мненье,
Что мертвый живыми забыт,
Что в памяти даже и тени
Умерших никто не хранит?

Но вот на убитого горем
Та женщина бросила взор,
И долгим немым разговором
Какой-то скреплен договор.

И люди становятся рядом
И смотрят друг другу в глаза, —
Взаимным сочувственным взглядом
Так много дано им сказать.
Нет, нет, я не верю, не верю.
На свете так быть не должно.
Я совестью клятву измерю,
Я с мертвыми здесь заодно,
Не смейся, могильщик, над этим,
Тебя мне ведь попросту жаль.
Я пожил довольно на свете,
Я верю в людскую печаль.
Зачем же ты громко хохочешь
В ответ на такие слова?
Зачем убедиться не хочешь,
Что память о мертвых жива?

Вот женщине этой печальной
Мужчина поспешно поднес
В торжественном важном молчанье
Букет из кладбищенских роз.
И шепчет: «Люблю и тоскую,
Одна нами правит тоска.
Подругу я вижу такую,
Какой не сыщу и века.
Ведь мертвых не вызвать из гроба
Заклятьем твоим и моим,
Забудем же прошлое оба
И новую жизнь создадим!
Так бросим же скорби и плача
Тяжелый мучительный груз,
И новой чудесной удачей
Пусть будет наш брачный союз».

О, только не это, не это!
Могильщик, смеяться не смей!
Пусть женщина ищет ответа,
Достойного чести своей!
Ищи же, о женщина, слово,
Что хлещет, как бич или плеть,
Всей честью, всей памятью вдовой
Мужчине достойно ответь!
Ведь тело любимого только
Вчера ты земле предала!

Ведь ты не забыла нисколько,
Какой ты печальной была!
Увидишь, могильщик, что сразу
Найдет она гневный ответ, —
Такую придумает фразу,
Какой не слышал еще свет.

Но женщина шепчет стыдливо:
«Люблю и с тобой заодно. . .
Мы оба теперь несчастливы,
И горе нас мучит одно.
Исчезло тяжелое время,
И жизнь обновилась моя,
Забудем страдания бремя,
Я буду навеки твоя!»

Да, камень надгробный — забвенью
Умерших мужей или жен,
Бесспорно могильщика мненье,
И прав в своей горечи он.
И вот уже лето проходит,
Засохли, истлели венки.
Ни тот ни другая не ходят
С могил обрывать сорняки.
Пусть думы людей не тревожат
Кладбищенской тишины,
Пусть суетность мира не может
Нарушить бессмертия сны.
Не нужны житейские грезы,
И даже в конце-то концов
Не нужны ни розы, ни слезы
Спокойному сну мертвецов.
Никто вас от сна не пробудит
И не позовет никуда.
И мертвых живые забудут, —
Так было и будет всегда.

Вот колокол бьет похоронный,
И новые вносят гроба, —
И тех поседевших влюбленных
Настигла земная судьба.
Могильщики гвозди вбивают,
Усмешка крива и горька, —

На свете вот так и бывает,
Вот так и бывало века.

Умерших забытые кости,
Да будет вам мир и покой!
Мне грустно на этом погосте
О жизни подумать людской.

1912

27. СПОЙ МНЕ!

Я, полюбив, пронес любовь сквозь годы,
Мне и сейчас переполняет грудь
Дыханье той любви и той свободы. . .
О них, прошу я, спой мне что-нибудь!

Рассвет погас. Я разглядеть не в силах
Грядущее сквозь сумрачную муть.
И молодость мою запорошило. . .
О ней, о ней ты спой мне что-нибудь!

Я видел дни и взлета, и паденья,
Победоносных орд кровавый путь,
Я видел всё: огонь, опустошенья. . .
О, хоть об этом спой мне что-нибудь!

Всё было неизведанно и ново.
Я жив! Но горя мне пришлось хлебнуть.
Я не отрекся от борьбы суровой.
О той борьбе ты спой мне что-нибудь!

1912

28. БУШУЙ!

Бушуй, беснуйся, жизни океан,
Безумствуй, плюй в глаза мне грязной пеной, —
Седой скале не страшен ураган;
Я устою! Мне море по колено!

Не раз в лицо хлестал мне злобный шквал,
Грозя низринуть в бездну роковую,
Не раз своею грудью отражал
Я клевету и ненависть людскую;

Не раз мой парус, прорванный насквозь,
Не слушая руля, не внемля стонам,
В тумане, без дороги, вкривь и вкось
Носил меня по волнам разъяренным!

Лихой удел в борьбе меня постиг,
Сказал «прости» я радужным мечтаньям.
Утрат моих не счесть, но вместо них
Суровый опыт стал мне достояньем.

А опыт никому уж не отнять, —
За ним, зовя насилie к ответу,
Иду я в бой! Мне нечего терять —
Приобрести ж могу я всю планету!

Бушуй, беснуйся, жизни океан,
Безумствуй, плюй в глаза мне грязной пеной, —
Седой скале не страшен ураган;
Я устою! Мне море по колено!

1912

29

Пусть я глупец и лжет моя мечта,
Но без мечты душа моя пуста.
И сердце снова ждет, и видит сны,
И верует в приход своей весны, —
Весны надежд, свершенных наяву,
Весны, ради которой я живу.

1913

30. Я И НОЧЬ

Вот сижу и пишу. Лунный свет — словно дым.
И колеблет свечу ветерок-нелюдим.

Серебристая ночь ткет и вяжет печаль,
И сирени невмочь сбросить лунную шаль.

А небесную глубь просквозила-насквозь
То ли песнь, то ли грусть, то ли облака гроздь.

Этим тайным свеченьем спеленута даль,
И вплетается тень в белопенный хрусталь.

Так и я, скрыв печаль одинокой души,
Тайнодержцем живу среди мрака и лжи.

Никому не дано ни унять, ни украсть
Эту дивную тайнодержавную власть.

И хоть кто-нибудь в мире прозреет ее
Освященное лирою небытие?

О, не вкрадчивой ласке медлительных дев
Подвести под огласку мой тайный напев!

Даже кубок заклятый с проклятым вином
Осушу без оглядки и — вверх дном, вверх дном!

Только ночь, сквозь бессонье привет мне даря,
Поняла тайнословье. Она лишь да я.

Эту горькую быль не дано превозмочь.
Внемлем гласу судьбы — я и ночь, я и ночь.

1913

31. В КАКУЮ ДАЛЬ?

В какую даль легла моя дорога?
Где утешенье я найду, изгой?
Что обрету у отчего порога
И с чем вернусь, отравленный тоской?

Не ведаю. Но рьяно и упорно
Веду я счет бессонницам и дням,
Прислушиваясь — начеку ли ворон,
Напуганный к гибели меня.

Так и живу. А на кого я с детства
Не смел поднять, благоговей, взгляд,
Умыли руки, обратились в бегство,
Их нет. Им невдомек и невдогад.

Кому не дороги воспоминанья
Несбывшихся надежд и светлых снов?
Я их зову на новое свиданье,
Но вспыхнет слабый луч — и был таков.

В какую даль легла моя дорога?
Где утешенье я найду, изгой?
Что обрету у отчего порога
И с чем вернусь, отравленный тоской?

Не ведаю. Но в маете жестокой
Изнемогла душа на склоне дня.
Не вижу друга и не слышу бога.
Их нет. Им недосуг. Не до меня.

1913

32

Корабль погубят ураганы,
Раздастся плач в часы невзгод,
Но знак страны обетованной
Видением креста блеснет.

Пловцы! Обманет ожиданье.
Пусть крест тогда клянут рабы,
Распятые и венок страданья
Прими как высший дар судьбы!

Так губительной и страшной ночью,
Чтоб через ад тебя вести,
Предстанет пред тобой воочью
Тень Беатриче на пути.

Иди за ней! Пусть нет спасенья!
Среди сует и малых дел
Высоких дум и вознесенья
Прими спасительный удел.

1913

Забилось сердце яростно в груди:
 И я уже не тот, что был когда-то! . .
 Прочь с моего пути, туман проклятый,
 Сырая ночь, мне путь освободи!

С судьбой своей я справлюсь как-нибудь!
 Вперед, вперед — пока землей не стану. . .
 Не застилайте солнца мне, туманы,
 Сырая ночь, не преграждай мне путь!

В крошечной мгле душил меня огонь,
 Промозглый день пронизывал тоскою. . .
 Туман, растай! Оставь меня в покое,
 Сырая ночь, сгинь, расступись, не тронь!

Забуду дни, что скрылись без следа,
 Пустые дни, что я без цели прожил. . .
 Я пелену тумана уничтожу,
 Сырую ночь рассею навсегда!

О, чудо очищения в огне!
 В горниле горя сердце обновилось,
 От душной мглы душа освободилась, —
 Ты сгинешь, ночь, ты дашь дорогу мне!

(Июнь 1914)

34. В РОДНЫХ МЕСТАХ

Вот край родимый, где мечта беспечно
 Венками украшала мне чело,
 Где детство, что, как волны быстротечно,
 Как волны быстротечные ушло,

Вот этот лес, где ели темно-сини.
 В его глуши бродил я по утрам
 Свободно так и так легко, как ныне
 Один лишь ветер бродит по горам.

И слышится душе моей свободной
 Бесцельный ропот края моего,

Где я свободным был и где сегодня,
Увы, свободы нет ни у кого.

Судьба! Возьми меня и ввергни в пламя,
Дай мне в удел страданье на земле, —
И я роптать не стану, но с рабами
Не жить мне, и не быть мне в их числе.

Верни мне край счастливый, где, мечтая,
Душой парил я в небе голубом,
Тот край, где жили мы, не понимая,
Как можно жить в неволе, быть рабом.

Где мог я ветру вверить мысль любую,
Где протекли так быстро детства дни. . .
Верни же мне страну мою родную,
Верни мне юность, детство мне верни. . .

(Июнь 1914)

35. ПЕСНЯ СТРАННИКА

Синим зноем всё покрыто
В тихой солнечной стране. . .
Оглушительны копыта
В этой звонкой тишине.

Все окрестности в покое,
И покой ненарушим. . .
Как мне быть с моей тоскою,
С разумением моим?

Чем спокойней, тем больше
Для отверженной души.
Хоть бы ветер дул сильнее
В растревоженной тиши.

Я б тогда сразился с бурей,
И не нужно счастья мне
В заколдованной лазури,
В ненавистой тишине.

Пусть вовек я не расстанусь
С шумом бурь, с раскатом гроз,
А умру иль жить останусь —
Это вовсе не вопрос.

(Июль 1914)

36. ГОРЫ ГУРИП

Возница, вперед!
Мне взглянуть бы на горы! Они
Надели зеленое в эти весенние дни.
Пусть зеленью лавр мою горькую грусть оплетет! . .
Коней подхлестни
И вези же, возница, вперед!
Как горы прекрасны, когда зеленеют леса,
Как нивы своим хрусталем украшает роса!
А небо — так чисто, так невозмутим окоем,
Что явственно ангел летящий заметен на нем.
Да, можно увидеть — лишь пристальнее всмотрись. . .
Качаясь, качаясь, качаясь, стоит кипарис;
Земная мечта и синие там паруса,
Родник одержимый, в себе отразив небеса,
Воюет с зеленой преградой, стесняющей ток
Свободной воды. И лучами пронзенный поток
Бросается вниз водопадом, в долину влеком,
О камни дробится и пенным кипит молоком.
Здесь тайный язык тишины я стараюсь понять,
Крыла вдохновенья меня увлекают опять.
Суреби. . . Дапнари. . . и Насакирали видны. . .
Здесь жизнь воцарилась и жаждет она новизны.
Но тише! Поет кто-то песню в горах. . . Как светла!
О, где бы еще эта песнь так привольно текла!
О, где еще так за свободу стремились бы в бой
И зрело бы так возмущенье неладной судьбой!
И где бы еще так самозабвенно уста
К устам приникали и страсть так пылала, чиста.
. . . **Послушай, возница:**
Уж если и не про меня
Тростинки-красавицы, исполненные огня,
То ласка весенняя гор меня всё-таки ждет. . .
Вези же куда-нибудь!
Едем, возница, вперед!

1914

37. НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ

Закрыв глаза я, чтобы свет отрадный
Увидеть, скрытый в сердца глубине,
И вспомнил день, счастливый, невозвратный,
Последний день в той солнечной весне.

Как рано умерла весна, как рано!
Темно — рыдает ветер за окном. . .
Пережитое, словно из тумана,
Вдруг выплывает в облике ином. . .

Но жду кого я и о чем тоскую
Иль нет уж дней грядущих впереди?
«Бесцелен путь. . .» — кто мысль внушил такую?
Кто мне шептал: «От жизни отойди»?

Кого бояться и чего бояться?
Зачем тревожить тень прошедших лет?
Пусть жизнь полна печали и препятствий,
Но без препятствий и дерзаний нет.

Пойду сквозь грозы по дорогам горным —
Ведь счастье недоступно без борьбы —
И к новой жизни ринусь, непокорный,
Преодолев безвыходность судьбы.

1914

38. ПОД ЗВЕЗДНЫМ СВОДОМ

Звезды, звезды. Алмазами свод сверкает.
Тьма ночная блещет, ослеплена. . .
Тень за легкой тенью во мгле мелькает —
Так плывет, спеша, за волной волна.

В мутно-белом сумеречном мерцанье
Спит земля глубоким, спокойным сном,
И над нею раскинулось мирозданье —
Свод небес, сияющий звездным дном.

Вечный снег лежит на высоком кряже
В колдовском молчании тишины.

Словно дэвы, дремлющие на страже,
К небесам вершины вознесены.

Ореол венцов ледяных блистает;
Только ветер роц, раскачав сосну,
До вершин мерцающих долетает,
Нарушая шелестом тишину;

Как дыханье ласковой колыбельной,
Над деревней спящею пролетит,
То затихнет в полночи беспредельной,
То опять орешником шелестит.

Я стою один у тропы безвестной. . .
В вышине созвездий вснец плывет.
И владеет взором, душой и песней
Полный звезд алмазных небесный свод.

1914

39. БЕЗ ЛЮБВИ

Непреложно:
Без любви ни лес в тиши, ни ветер в гневе,
Ни светило, правящее в небе,
Невозможно!
Невозможна
Красота на белом свете без любви.
Жизнь ничтожна.
И вовеки нет бессмертья без любви!
Но из всех из чувств
Последняя любовь —
Как цветок иль плод осенний, спелый.
Для усталых уст
Последняя любовь —
Лучше первой!
Нет в ней урагана, нет борьбы —
В чем потеря?
Нет упрямством сломленной судьбы,
Нет в ней зверя! . .
Да, цветы ее, предтечи всех снегов,
Не похожи
На цветы весенних ярких берегов —

Ну так что же? . .
В первой страсти
Страсть — источник мук,
А в последней —
Сроки.
Нет в ней урагана,
Но вокруг —
Он, жестокий.
Он ее печальный нежный цвет
Окружает.
Пощадил бы горькую, но нет —
Сокрушает!
Вот она, печальная, — увы! —
И завяла. . .
Но ведь и бессмертья без любви
Не бывало!
Непреложно:
Без любви на этом божьем свете
Ни движенье, ни само бессмертье
Невозможно.

1914

40. ЖЕНЩИНЕ С ГОР

Лишь встречу бездонный твой взгляд ненароком,
Небесной сверкающий голубизною,
И сердце грустит о селенье далеком,
И прошлое зыблется передо мною.

О, чистой души затаенное пламя!
О, первой любви твоей звездная святость!
. . . Встает покосившийся дом пред глазами,
Колонн обветшалость, и крыши покатошь,
И сад наш, заглохший, в раскидистых кронах,
Где дикий шиповник струит ароматы, —
О, сколько бессонных, луной озаренных,
Безумных ночей я провел там когда-то!
Кто знает, как горько рыдал я, бывало,
Как долго тянулись часы ожиданья
И как безысходно душа тосковала,
Когда поняла, что не будет свиданья!
Но мир, в глубине твоих глаз затаенный,
Однажды познав, позабуду ли вновь я?

Доныне, навеки с тобой разлученный,
Тревожусь о нем я с тоской и любовью.
В бездушной толпе, где кумир — наслажденье,
Где нагло бесчинствует власть чистогана,
Спасется ль душа твоя от омертвения,
От всеразрушающей силы обмана?
На женщин смеющихся глядя угрюмо,
С толпой их не смея покуда смешаться,
Стоишь ты, объята мучительной думой,
Пытаешься в чем-то еще разобраться;
Еще тебе страшно, еще тебе больно,
Еще тебе хочется плакать, бывает, —
Но ты уже с ними. . .

И в сердце невольно
Обида и гнев на тебя закипают.

И горько за душу, чья доля — до срока
Погибнуть в бездонной пучине порока.

1914

41. ТЫ ЖДЕШЬ?

Не жди от меня молений —
Мне жалок любовный бред —
Сил моих нет!

Есть гений Любви
И Смерти гений —
Третьего нет.

Сердце смеется.
Раньше — любило оно.
Не всё ли равно?

Правды не остается,
И жизни не остается,
И третьего — не дано.

1914

Никогда не бредится свободой
 Так самозабвенно, как весной, —
 Стоит лишь оттаявшей природе
 Зашуметь отчаянной листвою.
 А когда украсится цветами
 Синий бархат вытканых лугов
 И с утра, под птичье щебетанье,
 Затрепещут крылья облаков,
 Кто-то властно призывает к жизни —
 К гибели бредущего, меня. . .
 Но увы, увижу лик отчизны
 И опять вкушаю горечь дня.

1914

43. ПОЭТ

Сколько раз я твердил — для кого
 И кому посвятил я заботы!
 Сколько раз, проклиная работу,
 Собирался предать мастерство,
 Чтоб уже не писать ничего.

Сколько раз я хотел подавить
 Увлечение словом для слова,
 Хоть и броско оно и толково,
 И мелодии гневной, суровой
 Без остатка себя посвятить!

В мощном гуле народного гнева
 Позабыть о себе до конца,
 Стать бы только припевом к напеву,
 Призывая к свободе сердца
 И в рабе пробуждая бойца!

Слейся с нищими братьями в хоре,
 Слейся, с ними родства не тая,
 Слейся с музыкою бытия,
 Стань собратьям поддержкою в горе,
 Неподкупная лира моя!

1914

44. ОПЛАКАННЫЙ ВЕТРОМ

Листок отлётает, оплаканный ветром,
Пылает октябрь горячо.
Природа грустит о листке неприметном,
О первом — о чем же еще?

Я знал, как они облетать не хотели,
Безумствовал и горевал. . .
Душа приняла очертанья метели
И хлынула за перевал!

Пустая свобода: нестрашно, немного
Отныне лететь не дыша.
Свиваются странно — легко и неволью —
Снежинки — с душою душа.

1914

45

Мне изменили старые созвучья,
Да и друзья куда-то разбрелись.
Увы, я к одиночеству приучен,
Но сплин, как спрут, окольцевал Тифлис,
И вот я безоружен и бессилен,
Я стар и слаб пред женской красотой.
Вот и дожди, как видно, зачастили,
Чтобы попать меня своей пятой.

1914

46. КОСМИЧЕСКАЯ ЛУЖА

И кровь и грязь — всё выплыло наружу,
Конь Апокалипсиса рухнул ниц —
И всё слилось в космическую лужу
Без берегов, без края и границ.

Она в себя всосала без пощады
Клочки знамен, обломки кораблей,
И воздух отравили трупным смрадом
Ветра, прокочевавшие над ней.

Она гниет, но море силы копит,
Но море ждет, и — только час пробьет —
Слезами Ниобея мир затопит,
В пучине грозной мести погребет.

1914

47

Всю ночь он брел по улицам пустым.
И в сумраке,
Меж небом и землею,
Качался дождь, стуча по мостовым,
И ветер пел и плакал над Курою.

И город спал.
В его невнятном сне
Всё тот же дождь ворочался устало...
Кончалась ночь,
И в смутной вышине
Медлительно и нехотя светало.

Уже рассвет означен был вдали
И у мостов просвечивали ребра...
И узкие пролетки мимо шли,
Как будто образ наплывал на образ.

Он огляделся:
Нет конца пути...
И в небе нет ни знаменья, ни бога...
Всё спуталось.
И некуда идти,
Чтоб жизнь, как ношу, сбросить у порога.

1914

48. КОТОРЫЙ ЧАС?

Я знаю — за полночь теперь,
Тоска грызет, ожесточась,
Всю ночь беда стучится в дверь —
Который час? Который час?

А за окном — всё та же ночь,
За осенью вдогонку мчась,
Себя не в силах превозмочь —
Который час? Который час?

Быть может, три? Всего лишь три?
Три с четвертью? И впредь не тщась...
Тринадцатый гудок гудит
С вокзала... Но — который час?

Мглу коридоров дымы дум
Избороздили, иссечась,
И телефоны — наобум —
Который час? Который час?

О, господи! Стучится дождь,
Смолой кровавою сочась...
И ночь наращивает мощь —
Который час? Который час?

Был Шарль Бодлер: «Вина и грез
Сладчайший час, горчайший час!»
Так отвечал он на вопрос —
Который час?

1914

49. ПЕРСИКОВОЕ ДЕРЕВО

Опять смеркается, и надо,
Пока не смерклось и светло,
Следить за увяданьем сада
Сквозь запотевшее стекло.

Давно ли, приминая гравий,
Я здесь бродил, и на виду,
Словно букет меж чистых граней,
Стояло дерево в цвету.

Как иноземная царевна,
Казало странные черты,
И пахли горько и целебно
Им оброненные цветы.

Его плодов румяный сахар
Я собирал между ветвей.
Оно смеялось — добрый знахарь
Той детской радости моей.

И всё затем, чтоб днем печальным
Смотреть немея, не дыша,
Как в легком выдохе прощальном
Возносится его душа.

И — всё охвачено верченьем,
Круженьем, и в глазах темно.
Как будто в небе предвечернем,
В саду моем красным-красно.

Сиротства огненный оттенок
Ложится на лицо и грудь,
Обозначается на стенах
В кирпич окрашенная грусть.

Я сам, как дерево седое,
Внутри оранжевой каймы
Над пламенем и над водою
Стою в предчувствии зимы.

1915

50. ТОПОЛИ В СНЕГУ

Алмазный невесомый свет —
Глубокой синевы мерцанье,
Торжественное созерцанье:
Ни слова, ни дыханья нет.

Наполнены голубизной
Воздушные литые чаши —
Оледенелое зедаше,
Где вспыхивает синий зной.

В алмазы убрана земля
И холодеет, как невеста.
Заковано мгновенье жеста:
К луне воздеты тополя.

Плывет гора, как белый конь,
Толпятся строго кипарисы —
До пят серебряные ризы. . .
Неуловимого не тронь.

Цветет, как лилия, луна
На звездной глубине и черной,
Но красоте неизреченной
Душа моя обречена.

1915

51. ОСИНЫ

Когда лесную парусину
Раздует ветер в паруса,
Всегда я слушаю: осины
Мне шелестят про чудеса. . .

И сказки стародавней дали
Меня влекут назад, назад,
Пьяня, как старый цинандали
И центифолий аромат.

Все эти песни перепеты
Давным-давно. . . Но где и кем?
Колелется скрещенье веток
На мимолетном ветерке.

Самой судьбы клонится парус
От тяжести ветров и бед.
Но где тебя настигнет старость?
С кем свяжет тягостный обет?

И был — быльем? И всё сначала?
И эти листья — тлен и дым? . .
Но нас ведь время обвенчало —
Принцессу с пажем молодым.

1915

52. ТЕНЬ ПОЭТА

Памяти Акакия Церетели

Горы скованы тишиною,
Но забрезжил внезапный свет.
Чья-то тень бредет под луною —
Пробудился от сна поэт.

Седина серебром сверкает
Над прекрасным его лицом;
Словно молний огонь мелькает,
Заплетясь вокруг него венцом.

Тучки тянутся цепью сонной
Под круженье светил ночных.
Отзвук поступи утомленной
Долетает в тиши до них.

Горы слышат, как мерным шагом
Нарушается тишина.
Частым шелестом над оврагом
Вздрыгнул лес, пробудясь от сна.

Смогли волны, взметнулось пламя,
Стало тысячью искр цвести.
Или то огневое знамя
Светит призраку на пути?

Стражем, вечной завесой скрытым,
Он — над нами; он — стережет.
Перед образом позабытым
Золотую свечу зажжет.

Не покинет, и отзовется,
И, любовью своей влеком,
Сновидением к нам ворвется,
Мысли радостной ветерком.

Станет думою вдохновенной
Пыл будить в нас, чтоб не угас.
Будь же трижды благословенна,
Тень, встающая в тихий час.

1915

Зачем мне показалось вдруг,
Что нищий я? И в эту осень
Я обезумел — перстни с рук
Я снимал и кинул оземь.

Зачем «Могильщика» я пел?
Зачем средь луж огромных
плавал?

И холод бедственный терпел,
И «Я и ночь» читал и плакал?

А дождик лил всю ночь и лил
Всё утро, и во мгле опасной
Всё плакал я, как старый Лир,
Как бедный Лир, как Лир
прекрасный.

1915

54. ЛУНА МТАЦМИНДЫ

Еще такой безропотной луны
Не знала ночь. И, навевая сны,
Тишайшей лирою из длинных трав,
Еще луною быть не перестав,
Сквозь синеву бесплотную ветвей
Она, как ирис, в бисере лучей.
И зыбкости незыблемой покроей —
Сновиденный Метехи над Курой. . .
Не вечности ли это свет двойкий?
Тут в двух шагах поконится Акакий,
И на печаль кладбищенской плиты
Ложатся тени, звезды и цветы.
Бараташвили тут бродил. . . И зависть —
Лишь новой песни лебединой завязь.
Пусть я умру — но только бы запелось!
Ценою жизни спеть — вот это смелость!
Под шелест крыл и синих парусов
Моей мечты — я умереть готов.
Преображенья сладостная жуть —
Единственный необратимый путь.
Ночь тишиной заполнена до краю.
Царь и поэт, я с песней умираю,

О тени вечные! А лиру вам
Я отдаю. . . В предание векам
Она войдет, светясь средь длинных трав,
Еще луною быть не перестав. . .

1915

55. СИНИЕ КОНИ

На туманные поляны льет лучи закат багряный,
Край посмертный, берег странный, неживая кромка льда.
Не сбылися обещанья, не исполнились мечтанья,
Бесприютное молчанье воцарилось навсегда.
Тут сама пурга застынет и над всей пучиной водной
Кверху крылья запрокинет и останется такой.
Свет в твоих очах потухнет. Крепко спи в земле холодной.
Крепко спи в земле холодной, непробуден твой покой.
Но проносятся в погоне ветви призрачного леса,
Чьи-то руки, чьи-то лица восстают из прежних дней,
Слышу: топот синих коней без объема и без веса,
Вижу: мертвых вереница обступает всё тесней.
Ни о чем жалеть не буду, всё, что кончилось, — забуду
И в подушечную грудь не пролью горячих слез.
Всё исчезло, отзвучало, отмаячило, умчало,
Без конца и без начала вихрь минувшее унес.
Только в призрачной погоне, в этой путанице спешной,
Слышу: топот синих коней — всё ужасней и ясней.
Все цвета в глазах сливая, сна лишая безутешно,
Ждет могила вековая, чтобы ты остался в ней.
Кто в лицо тебя узнает, кто по имени окликнет,
Кто по голосу услышит, отзовется кто мольбе?
Не услышит, не узнает — и опять, опять возникнет
Лес, ветвями заколышет, весь в уродливой резьбе.
Лишь снопы лучей веселых без объема и без веса
Легионом чисел голых мчатся из минувших дней.
Призрачных скелетов клочья, сучья призрачного леса
Днем и ночью, днем и ночью обступают всё тесней.
И в горячке бесконечной, в этой прозелени вечной,
Всей живущего стихией проклятые с давних пор,
Как волна морская, в пене, в грозном ржанье и храпенье
Кони синие несутся вслед судьбе — во весь опор.

1915

56. ПРИМИРЕНИЕ

Играет небо облаками,
Пространство движется рывками —
Клубится — рушится — летит —
На миг единый воплотит

Мятущуюся душу марта,
Не позаботясь сохранить. . .
Держу я ветряную нить —
Храню гармонию Моцарта

И — гость сияющих вершин
В венце из яхонта и лавра —
Стою блистательно и явно
Среди людей, огней, машин.

Я праздную великий миг —
Я начинаю Книгу Чисел —
Я жизнь воспел и смерть возвысил,
И нет разлада между них!

Итак, прекрасно всё. Итак,
Был снег и облака клубились.
А месяц май — прохладный ирис.
Я загляжусь в лиловый мрак. . .

1915

57. НАГАЯ

И вечно ты лилась и длилась,
Как наши бранные труды.
Ты от волны не отделилась,
Когда ты вышла из воды —
Неведающая, нагая. . .
Очей не смею отвести,
От божества изнемогая, —
Ни линию с линией свести.
Божественное неслиянье,
И вечно, и еще продлись!
Здесь эллины и христиане,
Как два ревнивца, разошлись. . .
О, несказанное сиянье!

1915

Упал ребенок — в пыль — на мостовую —
 Ударился — отчаянье в глазах.
 Как будто душу бросили живую —
 На камни бросили, в дорожный прах.

Жара и тишина. Идет мгновенье...
 Заволновалась пыльная листва.
 Полупрозрачных крыльев дуновенье
 И чистого эфира синева.

Река шумела где-то и когда-то,
 И сестры пели... Зрела алыча...
 Родной мой ангел! Каждая утрата
 Тебя зовет — свежа и горяча.

1915

59. ТРЕТИЙ — ЭДГАР

Знакомые до сладкой муки
 Наш сельский храм, ущелье, бор.
 Бьет колокол — ложатся звуки
 Блаженные — к стопам Линор.

Идем к вечерне. В отдаленье
 Стесненная шумит река.
 К тебе, Линор, мои моления:
 Ты, близкая, — так далека!

И что же? Словно бы разорван
 Весь золотистый небосвод!
 И с нами — третий. Это ворон.
 Он Эдгаром себя зовет.

Бог знает, по какому праву
 Он здесь. Но мы должны молчать.
 Все вместе мы идем ко храму,
 И темная на всем печать.

1915

От всенощной, молитвы не прервав,
 Не утолив волнения печали,
 Ты в сад вошла; к тебе цветов и трав
 Обращено вечернее молчанье.

Ты молишься: ты небу суждена.
 Слова наполнены благоуханьем. . .
 Одно мгновение окружена
 Ты ослепительным была сияньем.

Твой Демон пролетал невдалеке
 И взор остановил на богомольцах. . .
 Ты руки уронила; на щеке
 Румянец робкий, и роса на кольцах.

Незримый хор поет: «Она чиста»,
 Заводит ветер песнь свою ночную.
 Да будет благ изгой и сирота:
 Он пощадил избранницу земную.

1915

61. ВИТАЕТ ПОЗДНЯЯ МЕЧТА

Вот книга: слезы и тщета,
 И сатане осанна.
 Витает поздняя мечта
 Вилье де Лиль-Адана.

И бодрствует мой верный страж —
 Сквозь рой галлюцинаций
 Мой дух дежурит у костра
 И мысли колососятся.

Но этот синий, синий день
 Разлук и расставаний!
 Звучат слова мои к беде.
 И не переставая —
 В глазах твоя маячит тень,
 Слезами обрастая.

1915

62. СВЕЧА

К душе твоей, как к пламени свечи,
Тянусь во тьме,
И сумрак с ней не страшен,
Когда бредет безрадостно в ночи
Озябший ветер меж старинных башен.

Смолой и тмином пахнет эта ночь,
И клен во мгле заламывает руки. . .
Тебя припоминаю — и невмочь
Таить на сердце эту боль разлуки.

С рассветом
Повседневности прилив
Нахлынет вновь,
Так волны гложут сушу. . .
И я несусь, от ветра заслонив,
Твою свечу — твою живую душу.

1915

63. РОДИНА

Если я по росистой траве босиком
Не пройду — как уверовать в явность отчизны?
Нас оставили предки, но людно кругом,
И доносится шум народившейся жизни.
Вот и ветер прохладу принес наконец,
И виденьем блаженным среди виноградин
Мой отец седовласый, мой старый отец
Подрезает лозу и бредет вдоль ограды.
Знаю, каждая завязь и каждый побег
Мне напомнят об этом виденье отныне,
И, с отеческим кровом сроднившись навек,
Я живу, я молюсь только этой святыне.

1915

Кудрей азийских черный вихрь в полете,
 Безумный бег коней, летящих ввысь.
 Тебя спасут лишь вечные высоты, —
 В лазурном светлом небе растворись!

Как в зеркалах разлив зари чудесен!
 Пьянят певца венцы ширазских роз.
 Смотри, поэт, настало время песен,
 И правый путь найди среди бурь и гроз!

1915

65. ПИСЬМО ИЗ ДЕРЕВНИ

Вашего дома заманчив уют.
 Здесь же — рутинные ливни идут.

Осень. Дождями исчерчена даль.
 В душу крадется лесная печаль.

Летние дни обманули меня.
 Слушаю вдумчиво лепет огня.

Вижу стоцветный узорный ковер,
 Вижу ресниц чародейный шатер.

Вы так добры, и вам разве не жаль
 Друга, которого гложет печаль?

Сжальтесь над ним, чтоб уже навсегда
 Расколдовали его холода.

Вы для поэта — нездешний цветок.
 О, напишите хоть несколько строк!

Может, растопится гибельный лед
 И неизбывная грусть отпадет.

1915

Убил в ущелье охотник рыжий
 Прекраснорогую нямори.
 И было тихо — а стало тише.
 Так слово смолкает в пустом соборе.

Назавтра я видел, что день несветел,
 А воздух траурен — без метафор —
 Там шли за гробом сквозь ливень и ветер
 И сумрак скорбный и взрывы литавр!

А я никому не помог на свете,
 Не спас я царственную косулю. . .
 На мне тот ливень оставил плети,
 И в детское сердце я принял пулю.

1915

Он разорвал кольцо поруки
 И — гневный — в полночь изо дня —
 Шагнул — один — скрестивши руки
 И лоб горящий наклоня.

Глухой и буйный, как Бетховен,
 Он

проклял
 бога —

но
 ему

Лишь одному и был подобен,
 Когда сквозь ветер шел и тьму.

И,
 поднимаясь в гору

долго,

Свой траурный он создал марш,
 И бесконечно и полого
 Рос под ногами горный кряж.

1915

68. СНЫ

Темнеет, и спешу я туда, где сновиденья
В забытых фолиантах теснятся безымянно,
Созвучья, точно стрелы, летят из отдаленья,
И, перевоплощаясь, душа бледнеет странно.

Вот незаметно тени слились с бескрайней мглою,
И ночь на землю пала, как коршун, с неба сбитый.
Лишь после опишу я, как мучался тоскою
И ни души не встретил в пустыне ледовитой.

В моих кувшинах розы с утра пестреют снова,
Фиалки лиловеют, белеет гладиолус,
Настурции пылают. . . Но нет цветка такого,
Который обещал мне полночный тайный голос.

1915

69. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Спускалась осень от Гомбори
И, затаив дыханье,

вброд

Янтарное переходила море.
Лист реял, и не падал плод.

Сомкнутся нежные объятья.
На дне воздушном, в глубине
Сегодня осужден стоять я.
Минует век —

сойди ко мне.

Одна. . .

О нет — нас вечно трое,
И ревность поднимает нож. . .
Любовь осталась без героя. . .
Но ты меня не упрекнешь.

Я отвернулся — чтобы в спину. . .
Удара ждал — как жду любви.
В янтарную мою долину
Ты не спеши — живи, живи. . .

1915

70. ПЕРВАЯ РОЗА

Пирвели варди — роза прекрасного мая!
О моя молодость. . . Время прозрачно и тонко.
Слушай, как сонно и сладко вздыхает Гавайя —
Слышишь? Г а в а й а — плавная бездна трифтонга. . .

Дочь короля — босоногая смуглая Эмма.
Эмма ко мне обращает янтарные очи —
Я покидаю один побережье Эдема.
Ярок корабль, как созвездье тропической ночи.

Утром прекрасные розы меня разбудили.
Вздогнуло сердце, и всюю душой одинокой
Я потянулся к цветам: вы меня полюбили,
Раз навсегда потрясенного скорбью высокой!

Первые, первые, так хороши спозаранку!
Всё хорошо — потому я не умер в апреле,
Только оставил в раю босоногую гавайянку,
Вечную молодость, вечный напев уку-леле.

1915

71. С ТАЙНОЙ БОЛЬЮ

Зачем мой сад сиротства и обид
Укрыла ночь за дымной пеленою,
И длится одиночество навзрыд,
И безысходной плачется струною.

Так на чужбине веет эта мгла.
И жгут воспоминанья, точно рана,
Пока рассвет, как лава из жерла,
Не потечет из Азии багряно.

К утру свеча сгорит и оплывет: . .
Теперь я знаю, как назвать томленья
По сердцу твоему и чувств разброд
Смирить огнем и светом вдохновенья.

1915

72. СТАРЫЙ ДВОРЕЦ

Идет гроза.
Как белый аист,
На озаренной крутизне
Застыл дворец, взлететь решаясь.
В тумане местность — как во сне.

Над свежим ветреным простором
На влажном мраморе перил
Сидит — не шелохнется ворон,
С которым
Я не говорил.

Несут газеты.
Что — театр
Военных действий? Кровь и дым.
Мир загляделся в узкий кратер —
Как мы в самих себя глядим.

1915

73

Зависти свары,
Ревности мавры,
Страсти — сумбурны.
С нотной бумаги —
Магия магий —
Звуки ноктюрна.

Женщина взглядом,
Добреньким ядом
Глянет — ужалит.
Сгладит искусно
След от укуса —
Милую шалость.

С нами, и с вами,
С этими, с теми,
Глянет — обманет.
Дремная темень
В грустном Эдеме
Эротоманий.

Пуще неволи
Плачу от боли,
Глянет — уколет.
Мне бы ловчее
Стать книгочеем
Мирных буколик.

Судные очи.
Зрячие? Очень.
Глянут — понижут.
Глянут — растаю.
И возмечтаю
Снова о них же . . .

1915

74. ТВОЯ УЛЫБКА

(Листок из альбома)

Вот улыбка твоя . . . Леонардовой кисти движенье
Я не видывал сам, — обрело оно сразу бессмертье.
Мне открылось иное несчастий людских постиженье:
Слишком ранняя смерть, похорон твоих жестокосердые.

Так улыбку твою италийское солнце манило!
Там, под небом Торквато, свиданье ждало с мастерами . . .
Там небесным огнем вдохновения всех опьянило,
Но не пьянеть тебе впредь Искусства святыми дарами! . . .

Отдал счастье улыбке твоей — изумленные дали
Всей души моей — всё, что имел, чем я жив был доньше,
Но из глуби души так преступно улыбку украли,
Как из Лувра Джоконду похитили там, на чужбине!

1916

75. СНЕГ

Лишь бы жить, лишь бы пальцами трогать,
Лишь бы помнить, как подле моста
Снег по-женски закидывал локоть
И была его кожа чиста.

Уважать драгоценную важность
Снега, павшего в руки твои,
И нести в себе зимнюю влажность
И такое терпенье любви.

Да уж поздно. О милая! Стыну
И старею.
О взлет наших лиц —
В снегопаданье, в бархат, в пустыню,
Как в уют старомодных кулис.

Было ль это? Как чисто, как крупно
Снег летит. . . И, наверно, как встарь,
С январем побрататься нетрудно.
Но минуй меня, брат мой, январь.

Пролетание и прохожденье —
Твой урок я усвоил, зима.
Уводящее в вечность движенье
Омывает нас, сводит с ума.

Дорогая, с каким снегопадом
Я тебя отпустил в белизну
В синем, синеньком, синеватом
Том пальтишке — одну, о, одну?

Твоего я не выследил следа,
Я не выгадал выгоды нам —
Я следил расстиланье снега,
Его склонность к лиловым тонам.

Как подумаю — радуг неровность,
Гром небесный, и звезды, и дым —
О, какая нависла огромность
Над печальным сердечком твоим.

Но с тех пор, властью всех твоих качеств,
Снег целует и губит меня.
О запинок, улыбок, чудачеств
Снегопад среди белого дня!

Ты меня не утетишь свободой,
И в великом терпенье любви
Всею синей и белой природой
Ты ложишься на плечи мои.

Как снежит. . . И стою я под снегом .
На мосту, между двух фонарей,
Как под плачем твоим, как под смехом,
Как под вечной заботой твоей.

Всё играешь, метелишь, хлопчешь.
Сжался же наконец надо мной —
Как-нибудь, как угодно, как хочешь,
Только дай разминуться с зимой.

1916

76

Я приоткрыл забытый ларь в углу,
И стариной пергаменты пахнули.
Казалось мне, что дней осенних мглу
Ловлю, как аромат травы в июле.

Век золотой — под грузом древних книг
В простых строках, в листах желтее меда.
Пытливый взор в минувшее проник,
Как солнца луч сквозь сумрак непогоды.

Читаю с грустью: «Мирная страна
Меж двух морей с землею благодатной. . .»
Мне с песней колыбельною дана
Печаль и скорбь о жизни невозвратной.

Листаю книги. Льется блик свечи,
Колеблемой крылами серафима.
Прносятся седых веков смерчи,
А в зеркале рассвет скользит незримо.

1916

77. ОСЕННИЙ ФРАГМЕНТ

Когда так печально успенье природы
И палые листья шуршат за порогом,
Сжимается сердце, грустя ненароком,
Весну поминая под шум непогоды.

Всё сумрачней небо под вдовьей вуалью,
И солнце отходит во тьму безвозвратно,
И мнится: бредут вечерющей далью
Два смутных виденья сквозь отсвет заката.

Кого я припомнил с неясной тоскою,
Пока они кружат в тумане бездомно:
Того, кто стремился к любви всей душою
И с нею не встретился в мире огромном?

Того ль, кто, палимый страстями, как зноем,
Раздаривал душу свою без остатка,
И сердце стучало призывно и сладко,
Как ливень стучится по крышам весною? . .

Но юность, мелькнув, как зарница ночная,
Угасла, и гуще надвинулись тени,
Лишь хриплого ветра труба жестяная
Одна отпевает ее в отдаленье.

Последний багрянец былого наряда
Роняют деревья, и сердце в тревоге. . .
И снова бредут по осенней дороге
Зейнаб с Дорианом сквозь дым листопада.

1916

78. ЛАКМЕ

Голос увожу из хора.
Это дерзость? Извините.
Только вся моя опора
Об одной скрипичной нити.

Извлекаю — как из пира —
Зыбкий звон хрустально-синий —
Из громоздкого клавира —
Только душу героини.

Свет луны и двор бездонный
В духе смутного Карьера.
Желтый сумрак законный,
Свечка, очерк интерьера. . .

Движенье умрет — и очнется его изваянье,
И праздничный мрамор цветет, словно ветвь алычи, . . .
Является женщина, и голубое сиянье
Исходит из моря и утро восходит в ночи.

Гремящая галька прибоя — воистину ТЕРРА!
Оглохла скала, как безумец, нажав на курок. . .
Была колыбель, голубые лучи Люцифера,
Был свет путеводный в начале безвестных дорог.

1916

80. ПОВТОРЕНИЕ

Сугроб нарциссов и фиалок,
И гроздь глицинии вслепую
Свисает с почернелых балок,
Где пуля попадала в пулю.

А тополек стоит на страже
Ресниц твоих и занавесок,
И тем острей — идея кражи,
И тем мрачней — крыла черкесок!

И прячут голубые лица
Наемные невестокрады.
А кровь, не вольная пролиться,
Исходит розами ограды.

И льется линия Ширази
Вдоль тополиной вертикали. . .
Да сохранят тебя от сглаза!
Но сохранят тебя едва ли. . .

Смоковница укоренилась
В библейском кирпиче железном,
И неизбывна божья милость
На одиноком и болезном.

Первоначальные восторги
Обвалу холода подобны,
А Очи Дремлющие — зорки
И памятьливы и подробны.

С тем пропадает середина
И дышит эпилог в романе,
И постепенно и едино
Всё тонет в ветре и тумане —

Балкон, и милые ступени,
И тополь твой праздностоящий. . .
Всё поравняет снег забвенья —
Снег более чем настоящий.

Но как мучительно и тонко
Уходит бытие и рвется!
Дано мне сердце олененка!
Дано мне сердце ратоборца!

Воскресни — говорю — воскресни,
Живи, оазис Ортачала —
И слезы — и весна — и песни —
И — всё — иначе — и сначала!

1916

81. ТОСТ ЗА ТЕБЯ

Как этот странный господин
В зеркальной пропасти овала —
Вхожу в кафе — совсем один —
И наполняю два бокала.

А вещи стали нетверды,
И сонм их плавлен и прозрачен.
Пью за тебя, алаверды!
А скрипка отвечает плачем.

Я жду — и ты заговоришь,
И в мир душа моя вернется.
Но всё колеблется — и лишь
Бокал стоит, не шелохнется.

Откликнись, где ты? Никого
В пространстве, лишь тобою полным.
Всё это время таково —
Всё отдано блаженным волнам.

1916

82. ТЕБЕ ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ

Тебе тринадцать лет. О, старость этих
Двух рук моих! О, добрый мир земной,
Где детские уста всех арифметик
Тринадцать раз смеются надо мной!
Я путаюсь в тринадцати решеньях —
Как весело! Как голова седа!
Тринадцать пуль отлей мне, оружейник,
И столько ж раз я погублю себя.
О девочка, ребенок с детским жестом,
Привставшая над голубым мячом,
Как смело ты владеешь вечно женским
И мудрым от рождения плечом.
Я возведен — о, точность построенья! —
Причудой несчастливого числа
В тринадцатую степень постаренья.
О как, шутник, твоя слеза чиста!

1916

83. УТЕШЕНИЕ

Есть утешение пределов светлых
И прошлого отрадная далекость
И в глубине желаний сокровенных —
Забвения торжественная легкость.

Ночные небеса — арена брани,
Там синие распластанные кони. . .
Приходит Ведающая Заране
Распутать линии моей ладони.

Она услышит тишину — не выстрел,
Она промолвит, сладостная пери,
Что цвет еще не цвел и плод не вызрел,
Нет прошлого и не страшны потери.

Что было — будет и не перестанет,
Насытит гладных и утешит бедных
И надо лбом толпы как перст восставит
Светильник помыслов моих заветных!

1916

84. ЗАХОД СОЛНЦА

Как отражение и подобье
Великих дат,
Над белым облачным надгробьем
Пылал закат.

И без тебя, среди развалин,
Я, как бобыль,
Всё брел, и ветры разведали
За мною пыль.

Вдруг — вижу очертанье моста
Из серебра,
Чтоб звездам подниматься просто
В ночь, до утра. . .

1916

85. В ПУТИ

1

Горячий воздух синь. Откуда бог весть
Мне слышится, что каждый куст дрожит,
И улей позаброшенный жужжит —
Моя навеки проклятая совесть.

Душа тоскует по забытой сказке!
О, эта женщина, она светло жила —
Как на селе звенят колокола,
Как блещет серп в колосьях без опаски.

Когда грехов моих зажегся пламень?
Когда весь этот ад. . . скажи, когда?
Душа вернулась, не нашла следа,
Одна дорога да могильный камень.

2

Поляны, горы и разливом — нивы
Горят на солнце выпавшей росой.
И мчусь куда-то я, еще счастливый,
Еще хороший и еще босой.

Но снов чужих меня казнили муки,
Огонь городской обуглил дочерна —
И не дрожат уже в перчатках руки,
Душа под черной маской — холодна!

3

Взметнулся перепел в ярко-зеленой чаще,
И — коростель, и жаворонка звон,
И по полю идет волна всё чаще —
И зеленее не бывает волн. . .

Я, опоздавший из другого века,
Здесь где-то на отшибе поселюсь,
Где будет меньше бешенства, и пусть
Совсем не будет рядом человека.

Дорога горяча. . . Лазурны выси. . .
День благодарен теплему лучу. . .
Довольно! Бросив суетный Тифлис, я
О нем и слова слышать не хочу!

4

Единственный, как нежный страж, в тиши
Мелькнет перед глазами призрак Мери!
Всю старость изболевшейся души
Она возьмет с собой в иные сферы.

Но в эти позабытые края
Не воротится пламени былого. . .
Сейчас течет бесцельно жизнь моя,
Но всё же рад я побывать здесь снова.

Крылами ветер толкнет калитку в сад —
Калитка приоткрытая чуть взвизгнет,
Да в выси тополя прошелестят,
Как будто пробуждая к новой жизни!

5

О, как здесь голубого много! Боже,
Навеки этот цвет душе — родной,
Как имя Мери женское, что тоже
Полно печалью и голубизной!

Взгляни на горы дальние! На волны,
Вплетенные в озерное стекло!
Лишь голубое носит так достойно
Свои одежды в час, когда светло.

Душа зовет невидимое слово,
Что лишь во сне приходит на уста, —
Фиалкам фиолет готовит новый,
Голубизною красит небеса.

1916

86. ДОМИНО

Мы входим во дворец.
Проклятье! За стеной, увенчанной плющом,
Могилу черную напоминает дом:
На сказочных конях, на легких колесницах
Несутся мертвые со скукою на лицах.

Здесь воздух тленом заражен. . .
Здесь жизнь отшельника вел старец в тьме
забвенья,

Без имени. Никто не знал, откуда он.
В заклятьях, в снадобьях искал он утешенья,
И мозг его трудил земных страстей экстаз.
Пред ним в глухой ночи, вдруг обнажая плечи,
Вставали женщины, укутанные в газ.

Молитвы! Требники и свечи!
Их пламень озарял зрачки призывных глаз.

О, молния! Гроза!
Здесь часто призраки являлись предо мною:
Как мне заставить их открыть свои глаза
В сем доме, сотрясаемом грозою!
Таинственное домино!

Томлюсь я без тебя средь топота и плясок.
Спасенья нет: вокруг всё масками полно.

Вот мириады красных масок.
Мне небо преждее пригрезилось. . . Оно
Синело, величавое, пред нами.

Теням подобились ресницы: я в тени
Искал себя усталыми глазами!

Звенели радуги, меняя вмиг огни
И загораясь хрустальями.

Проклятье! За стеной, увенчанной плющом,
Могилу мрачную напоминает дом.
На вороных конях здесь красных масок стая
Несется, смертью небо заражая.

Серебристый дым сказанья
Взвился люстрой легче птиц.
Снова слышу я дрожанье
Тонко загнутых ресниц.

В пенье женщин скрыты нега,
Плющ зеленый и цветы.
Маски их — белила снега,
Бледны тонкие черты.

Мрак очей их, полыхая,
Смех лукавый в тьме ночной,
Словно песенка глухая,
Угрожают мне порой.

Знаю, холодом пронизан, —
О величье! — я в ночи
Без смущенья в мраке сизом
Протяну к тебе лучи.

Перстень тайный, огневейный
В пламени переливном
Пальцев хрупких и лилейных
Не сожжет своим огнем.

Перстнем словно околдован,
Вижу я в его плену
И пароль тоски свинцовой,
И погибшую весну.

Проклятье! За стеной, увенчанной плющом,
Напоминает мне могилу этот дом:
На вороных конях, на черных колесницах
Несутся мертвые с тоской на желтых лицах.
Дыханием тлетворным всё полно. . .
Зов пролетел, как смерч: домино, домино!
Ворвалось в залу домино.

87. НА САДЫ ЛОЖИТСЯ СНЕГ

На сады ложится снег.
Гроб несут иссиня-черный.
Исступленно бьется ворон —
Чернотой по белизне.
Распустив седые космы,
Среди траурных знамен
Ветер затевает козни —
Вплоть до новых похорон.
И без лишних разговоров
Плачется вороне ворон:
«Гроб несут через сугробы,
Ну, кого еще угробить? . . .»

Гроб несут и топчут снег —
Чернотой по белизне.

1916

88. СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

Сумерки. Роща. Нива — течет и дремлет.
Ветер колосья желтые не колеблет.
Где-то лучина в сумерках просверкнула.
Лунный осколок над перевалом вырос.
Там, где Арагва прямо в Куру свернула,
Где наполняет влага прохладный ирис —
Белой тропею горец-пастух ступает.
Реет душа обширней души созвездий,
Как изваянье в лунном сиянье тает.
Тысячи судеб дышат с хевсуром вместе.
Мох покрывает шаткие стены храма.
Ярко, хрустально блещет струя литая,
Бьется на блюде, плещет, дробясь упрямо,
Пряди свеченья змейно переплетая.
Клики и пляски множества — сотни тысяч! —
Огненных чудищ. Небо смеется звездно. . .
Поздние души, в клетку грудную тычась,
Зря поддаются страху: страшиться поздно.
Только когда прискачет святой Георгий,
Схлынет безумство пляски самозабвенной.
Небо бледнеет: гасит рассвет восторги.
Мельничный профиль замер волной согбенной.

1916

90. ПРОЙДУТ ГОДА

Мелькают дни, и катятся, и скачут
Игральными костями по стране.
А мне яснее ясного, что скажут
Далекие потомки обо мне.
Пройдут года, эпохи сменят лики,
Ветра сплетут и расплетут венки,
Но как я был велик и одинок —
Останусь одиноким и великим.
Я чуть было не записал — двуликим,
Но избежать обмолвки бог помог.

1916

91

О, сколько красок этот день взлелеял!
Настал мой час земного бытия.
И, как Христос, избравший Галилею,
Себе в удел Тифлис наметил я.
Но предстоял ему тот путь горчайший
К Голгофе, а меня Мтацминда ждет.
И если ты подашь мне эту чашу —
Я осушу ее. Таков исход.

1916

92. ИЗ КАФЕ

В кафе, вчерашнего числа,
Я видел злого человека.
Он глянул смутно — как зола —
А я подумал: «Вот калека. . .»

Потом на лица и цветы
Смотреть не мог:

всё

было

трудно —

И запил — если бы не ты —
Ей-богу б, запил непробудно!

К воспоминаньям дорогим
Стремился. . . Нет! Пустые басни!
Стал день жестоким и нагим,
И я склонился к смертной казни. . .

А вечер! Эта трескотня —
Стихи. . . Тоска моя кручина!
Меня сразила мертвечина —
Лишь ты да ночь спасли меня!

1916

93. Я ЖДУ ОТВЕТА

Покрылись почками лозы,
Лиахви шумит с рассвета,
Ручьи накопили слезы. . .
О Мтквари, я жду ответа!

И Терек кипит в ущелье,
Обрушась на берег тихий. . .
Так что же вы онемели,
Лесистые кряжи Лихи?

Ночь кинула полог длинный,
Стал сумрачен луг зеленый. . .
О чем же молчат долины
Моей Алазани сонной?

Чернее, чем копоть, тени
На всех алазанских селах.
И Картли полна видений —
Печальных или веселых.

Но кто-то настороженный
Таится во мгле предгорий
И слышит Казбека стоны,
И видит, как мрачно море.

Пусть реки бурлят в дороге,
Но солнце — в садах Тифлиса.
Пусть тени веков в тревоге,
Но свет и над Кутаисом.

Туманной зарею иней
Повсюду нанес узоры...
Да славятся воздух синий
И иверийские горы!

1916

94. ПЯТНАДЦАТЬ ВЕКОВ

Тбилиси

Старость твоя —
Словно юность орла.
Ты пятнадцать веков
Ждешь: рассеется мгла.

Пятнадцать веков,
Дни за днями губя,
Сумрак ночи томил,
Город-феникс, тебя.

Пятнадцать веков
Всё темней и темней
Над тобой нагнетал
Ночь Варфоломей.

Пятнадцать веков
Изнывал ты от ран —
Был и Джелал-ад-Дин,
Был и сам Тамерлан.

Пятнадцать веков
Длился сущий кошмар —
Тут и грек и араб,
Тут и скиф и хазар.

Но не осушил
Шах Аббас кубок твой —
Ты восстанешь еще
В блеске славы иной.

1916

95. ОМНИБУС

Вдоль деревенского уюта
Бегут-мелькают тополя,
Лиловая опала тута
И в кляксах пыльная земля.

Руина — вековая ива —
Вся в зелени, хоть и мертва.
Уже отяжелела слива
И наливается айва,

Чернеет, усыхает вишня,
Меж тем как персики в соку,
Меж тем как пассажиры вышли
И направляются к леску.

Риони как зовут? Риони.
Действительно... Перепела
В пустых полях — как на ладони.
Прах золотой Мепис-чала...

И я, отвеяв сотню строчек,
С июлем сладко обнимусь.
Зовет серебряный звоночек,
И поспешает ом-ни-бус.

Скала — источник — Ахалшени —
Назойливый попутный стих —
Ужели этот? — Прегрешенье —
Соблазн великий — малых сих.

Есть тишина в ущербе лета
И сокровенный некий пир...
«Газеты! Свежие газеты!»
— «Что нового, банальный мир?»

1916

Ты разве дворы не припомнишь и хаты?
 Большую дорогу? Ужель разговор
 С платанами не заведешь никогда ты?
 Не станешь беседовать с высями гор?
 И дерево тутовое и болото
 Иссохшее припоминать тебе лень?
 Иль дом ты родимый забыл отчего-то,
 И грустью пронизанный облачный день,
 И лес зеленеющий, трепетный шорох
 Кленовой листвы, и тебе далека
 Сень ясеней тех, у подножья которых
 Волнуется в дни половодья река?
 Низину вода, разливаясь, покрывла.
 Как медленно движется мутный Рион!
 Лоснится лениво, и желтого ила
 Он полон. Дожди обещает нам он.
 Приносит он пни, и деревья, и душу
 Плывающую рощ и полей и к домам
 Подходит, бурля, наползает на сушу,
 Тревожась, волнуясь и жалуясь нам...

1916

Красок тихое пыланье.
 Шелест. Свежесть. Сушь.
 Затаенное дыханье
 Дальних зимних стуж.

Пусто. Никого не надо —
 Только бы следить
 Синюю прозрачность сада...
 Шелестеть-ходить.

Царство смерти и потери.
 Призрак: ты стоишь...
 Осень — твои губы, Мерн.
 Шелест. Свежесть. Тишь.

1916

98. ОСЕННЕЕ УТРО

Дождь-листобой.
В ночь — город вылинял —
Стояли золотые дни —
И холод краски мира выровнял,
В нем
Видима душа:
Дохни!

Всё голубое — твердо-матово:
То изморозь в голубизне.
А ветер налетел с Мадатова —
Как смерть —
И как любовь —
Извне!

А утро блеклое, раннее —
Неверны желтизна и синь.
В природе —
Воля умиранья.
Во всем — Поэзия.
Аминь!

1916

99

О, это для него не ново!
Он чует в сумраке ночном
Боль обреченности суровой,
Грудь бередящую сверлом.

Должно быть, сердце постарело
И в нем тепла и света нет.
Как геометр, окончив дело,
Идет отверженный поэт.

И вот собаку видит рядом —
Она грустна, в ночи бредя,
С доверчивым, усталым взглядом,
Как он, промокнув от дождя.

1916

Как быть мне отныне — тоска оседает в крови,
 И душу, как птица, с налету ветра расклевали.
 Не жди понапрасну, напрасно меня не зови —
 Уже непосильны ни страсть, ни любовь, ни печали.

Уже распадается стих и сбивается речь,
 И незачем сердцу томиться в напрасной надежде —
 Очнуться от спячки и новое пламя разжечь,
 И новое утро начать безрассудней, чем прежде.

Ты разве не видишь — несбыточны были мечты,
 Видения счастья вдали отгорели, как свечи,
 И столько в минувшем блужданий, сиротства, тщеты,
 И столько тщеты и утрат еще ляжет на плечи.

И демоны ночи угрюмым круженьем своим
 Мне путь преграждают, и всё безысходней потуги
 Спешить, как вслепую, сквозь жизни сгустившийся дым
 С обломком копья в иссеченной мечами кольчуге.

1916

101. СЛОВНО НЕ ЗДЕСЬ...

И Земля покрывалась мраком и утопала во мраке
 Только не здесь, а где-то — в хаосе, далеко.
 А в соседнем селении залаяли собаки,
 Совы заухали — прохожий идет...
 Тележное колесо скрипнуло и осело,
 И всё затаилось, заглохло и заросло тишиной.
 Что же всё это значит?.. Тишь и столбняк удивленья,
 Эта незримая, стылая и всё же родимая тишь?
 И почему леденеют хребты, заслонившие солнце,
 Зачем онемели дороги, которыми в прежние дни
 Пронесся в слепом полете стремительный конь
 македонца?

О, как мне понятно молчание этих руин!
 Какое волненье и трепет оно во мне пробудило...
 Загадочным сном в нем дремлют новые хаосы, бродит
 Немая тревога невидимого огня.

1916

В оны дни его призывали
 Мир будить трубой,
 Песней, радующей дали,
 Славить смертный бой.

Был величья он достоин,
 Как венца — цари,
 Но погиб певец и воин,
 Не узрев зари!

1916

Когда вокруг сгущаются туманы,
 О ты, цветок далекой стороны,
 Тебя в своих молитвах поминают
 Поэты Грузии — тобой упоены.

Душа неведомая! Да пребудем
 Навеки паладинами тебе!
 О, лишь бы ты сама на перепутьях
 Была верна предсказанной судьбе.

1916

Твоя легендарная слава
 Меня обольщает опять,
 Но я не завистлив и, право,
 Мне груза ее не поднять.

Что слава? Кипенье прибоя
 И грохот, рождающий страх.
 А сердцу не будет покоя,
 Оно — как скиталец в морях.

Пусть рупор дается горлану,
 Чтоб славить раздутую тень,

Я рвать и топтать не устану
Прожорливых бирж бюллетень!

И если ты, подлинный гений,
Не понят, запомнить пора,
Что тягостен ужас падений,
Когда голоса маклера.

1916

105. ДАЛЬНИЙ СВИСТОК ПАРОВОЗА

В тишину ворвался
Этот стон:
Паровоз взревел
Три раза кряду
Так, как будто
Жаловался он
На возникшую пред ним
Преграду.

И, в ночную
Вглядываясь муть,
Не найдя просвета
Среди ночи,
Ставит паровоз,
Прервав свой путь,
Черных сгустков дыма
Многоточье.

Прогудел,
Затих локомотив,
Тишь и тьма над миром.
Только где-то
Притаилось,
Силы накопив,
Зарево
Великого рассвета.

Путь разрушен,
Прячутся сычи
В опустевшем
Станционном зданье.

Тишина.
Лишь слышится в ночи
Паровоза
Жаркое дыханье.

1916

106

Внезапно все свечи задуло
И в мрак погрузился Тифлис,
Как будто с самим Вельзевулом
Недобрые ветры сошлись.
Внезапно задуло все свечи,
Гроза пронеслась надо мной
И напороочила встречу
С глухонемой чертовней.
И маятник громче затикал,
Нашло колдовство на Тифлис...
Но стоило ветру затихнуть —
Все свечи мгновенно зажглись.

1916

107

Тот нежный юноша-мечтатель
Погиб по милости молвы.
Теперь я не страшусь, читатель,
Ни бога, ни греха, увы...

Но я гнушаюсь вкусом крови,
Чем оскорбляю общий лад.
И гибели, как послесловья,
Не я хочу — они хотят.

Всеолимпийским безразличьем
К заботам их душа полна.
Но этого нельзя постичь им.
Во все века и времена.

1916

126

108. ЗНАМЕНА

Берег багровый, лиловый залив,
В складках тяжелых горные склоны —
Так

пламенеют

знамена.

Взвейте знамена! Скорее! Знамена! —
Сонные небеса опалив.

Солнце — скорей!

Сердце в груди задохнется.

Жажда гортани, жажда корней...

Жажда свободы всего сильней.

Солнце, скорее! Солнце!

Алые горные складки.

Помни, как сладки

Вольности первые дни.

Мучеников ее помяни

Всех поименно —

Тихо знамена

Траурные наклоны...

Слава борцам дерзновенного стана!

Зарево рдеет на всех облаках.

Знаю: в веках

Празднично так — не светало.

В алых полотнищах и лоскутках

Ширь небосклона —

Знамена, знамена!

(13 марта 1917)

109. МЫ, НИКОЛАЙ...

Все приказы ему диктовала измена.

Мы, НИКОЛАЙ, — и подписывал вместе с нею,

Царь без царя в башке, с душою плебея,

По природе не злой — в крови по колена.

Тряпка и женин муж — жалкого плена
Царство несло печать, — неподвижно рея,
Тень отбрасывала ночью и денно
Птица-ублюдок — две головы — шея.

Душу томил тягостный плач кандалный,
Вздор заукойный, звон погребальный —
Века весна грянула волею неба.

Прочь из когтей державный вырвался хаос.
Имя сладчайшее воли — ТАВИСУПЛЕБА —
Сбудется — как никогда еще не сбывалось.

25 марта 1917

110. ГОРА

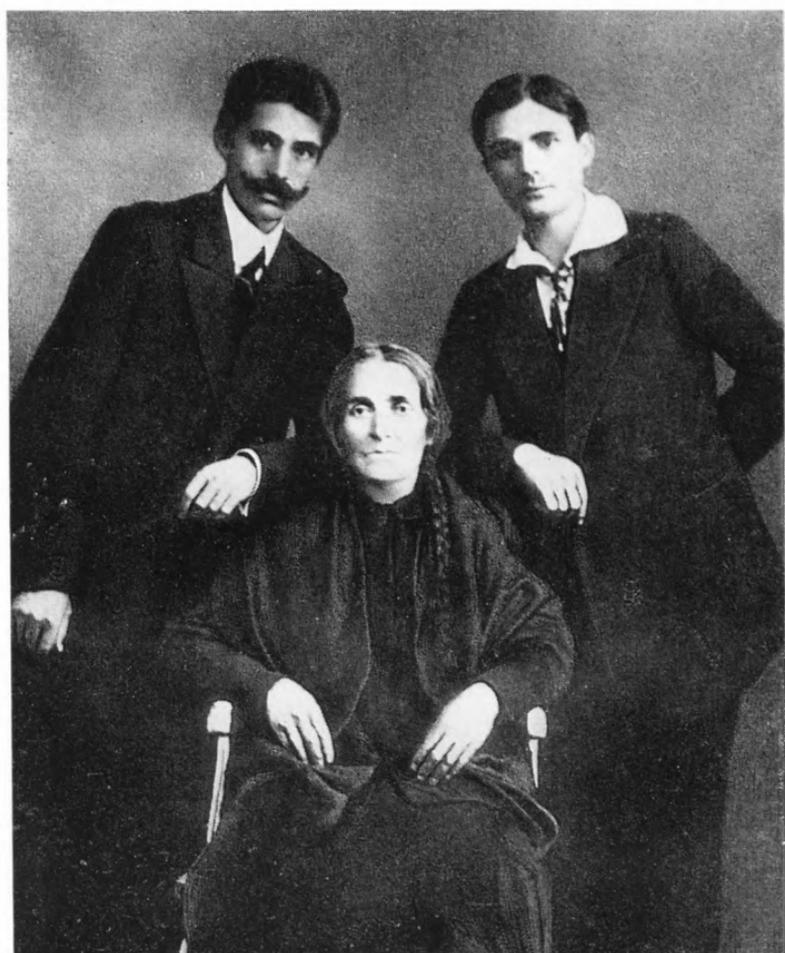
Оторвана от всех, одна,
Стремит свой взгляд сквозь дебри мрака,
Где заповедная страна
Полна опять тоски и страха.
И вот проносится Конь-блед,
И, обволакиваясь тучей,
Спешит мираж ему вослед
И бьется по пути в падучей.
И сотрясается земля,
И льется кровь, и гаснут силы,
И обезглавлены поля,
И стонут братские могилы.

Июнь 1917

111. ПО СЧАСТИЮ ЗВЕЗДНОГО ЧАСА

Над братоубийством витают виденья
Сладчайшего братства — до грехопаденья.
Совпали по счастью звездного часа
И лепет поэта, и лозунги класса.

Зовите — я вас понимаю без слова.
И неизреченностью грозного зова
Я полон.

А слово... А слово — матерья
Лукавая.

Слово — преддверье преддверья.
О, великолепный сквозняк анфилады —
От вечной надежды до вечной расплаты!

Я — словоотступник — вы это поймете —
Учился безмолвью у птицы в полете,
У скорби — свободе,
У жеста — простору.
А слово,
которое в меру и впору...

Опять поперек штормового разбега
Подвинется суша пологостью борта,
Над берегом взмоет широкое эхо
И смолкнет — нигде — одиноко и гордо.

И вы говорите: «Привет разрушенью!»
«Аминь», — говорю.

Череда созиданий
Грядями протяжными облачных зданий
Огромное обозначает движенье.

Я кланяюсь мальчику Аполлону,
Свой обруч катящему по небосклону —
С востока Надежды.

Но смерть на рассвете —
Что это такое?
Ответьте!

1917

112. НЕ ЖАЛУЙСЯ НА ВРЕМЯ

Мужайся, человек. Гляди вперед:
Ты разогнал колеса маховые.
Ты возбудил прогресс — тебя несет
Новорожденная стихия!

Не жалуйся на время — и потерь
Не числи. Адским пламенем и паром
В младенчестве ты обдан. Что ж — поверь,
Что с дьяволом спознался ты недаром.

И всё недаром. И утраты — впрок,
И красное и белое каленье —
Чтобы когда-нибудь ты превозмог
Позор и ужас самоистребленья.

1917

113. ОБРАЩЕНИЕ К СОЛНЦУ

Солнце июня. Вечные плиты.
Немощный речью,
Я на коленях — очи открыты
Свету навстречу.
Словно подернут беглою тенью
Лик милосердный.
Словно томится чуткое зреньё
Кровью вечерней.
Близится смута — дань роковая —
Рядом же с нею
Имени милого не называю,
Будто не смею.
Только б лучи твои осияли,
Солнце, молю я,
Ту, что навеки — рыцарь Грааля, —
Ту, что люблю я.
Знаю, ослепну — ярости правой
Душу открою! —
Ты ж облеку ее ранней зарею,
Тенью полдневной,
Ты обойди ее этой кровавой
Близкой бедою!
Солнце июня. Вечные плиты.
Немощный речью,
Я на коленях — очи открыты
Свету навстречу.

1917

115. В ТЕНИ МТАЦМИНДЫ.

Это с миром прощается окровавленное светило,
Тенью Горы Священной город мой осеня.
Тени цветут — мерещатся мне звериные рыла —
Порождение черного и бесстыдного дня.

Тьма расцветает роскошно — хризантемою
траурной.

Поспешите, ценители, любоваться и обонять!
Невозможное зрелище — совесть земли

отравленной:
Ни унять — ни насытить — ни убить — ни обнять!

1917

116. ОСЕНЬ В ОБИТЕЛИ ОТЦОВ «НЕПОРОЧНОГО ЗАЧАТИЯ»

Звон отдаленный колеблется,
Медлит в пространстве пустом.
День догорает и теплится.
Падает лист за листом.
Мерные звуки истаяли —
В парке померкли пруды.
Мраморные сандалии
Брошены у воды.
В память утраты божественной
Нынче при первой звезде
Абрис колеблемый женственный
Чудится здесь на воде.

Осенью связи расторгнуты.
Осенью страсти мои
Благостным пеплом подернуты.
Осень. Беду затаи.
Книга. Алмазы — с подсвечника.
Вымысел — здесь, наяву.
Скифа, безумца и грешника,
Братом своим назову.
Страстного мира исчадия,
Непоправимая грусть...

В пустынь Святого Зачатия
К старцам прозрачным толкнусь.

На голову покаянную
Копоти мгла опадет.
Не огласится осанною
Каменный тягостный свод.

В душу мою из-под купола
Очи упрутся — колом:
«Прибыло ваших — не убыло!»
Ведает духом и сном.
В угол — ко дьяволу, аспиду —
Фресок пылающий бред.
Будь ты и распят — и распяту
Нет спасения! Нет.

Слава растет колокольная,
Звонницу в пыль разнося.

Гневом создателя
Жизнь озаряется ^{дольняя} вся!

1917

117

О богородица, дева Мария! —
Розой на зыбкой и влажной тропе
Жизнь моя стелется в тщетном порыве
К свету безгрешного неба, к тебе.

Мгла ли расступится в сполохах зарев,
Или свое отпрохочет проза —
Гонит бессонница в пьяном угаре
Блудного сына к твоим образам.

Изнемогая в жестоком похмелье,
Я прислонюсь к косяку, у свечи,
Пламя зажгу, и в церковном приделе
Вспыхнут над иконостасом лучи.

Скажет мой голос: «Пред светлые очи
Птицей, подстреленной в райском саду,
Сбывшейся явью чернейших пророчеств
Вот я к тебе и явился в бреду.

Видь и возрадуйся — праведник ярый,
Сдавшийся ныне на милость врагу,
Изнемогая в бессонном угаре,
Мстительных слез удержать не могу.

Ожесточили хулы и наветы
Сердце мне слабое! О божество,
Дай мне терпения, чистого света
От милосердия твоего!

Или и впрямь предначертано богом
Злобно гасить вдохновенья порыв,
Чтобы певцы в наважденье жестоком
В кровь расшибались, едва воспарив?

Так и со мной. Оклеветанный кем-то,
Я оступлюсь у могильной плиты,
В заупокойных молитвах отпетый,
Не удостоюсь твоей доброты.

В царство теней на свое новоселье
Перенесусь, словно вихрь, на лету,
В пьяном угаре, в бессонном похмелье
Изнемогая, покой обрету.

О богородица, дева Мария! —
Розой на зыбкой и влажной тропе
Жизнь моя стелется в тщетном порыве
К свету безгрешного неба, к тебе».

1917

**118. ЗДРАВСТВУЙТЕ,
ПЕРСИКИ В ПЕРВОМ ЦВЕТЕНИИ!**

Небо, снежинками звезд запушенное,
Глухо бормочут колеса вагонные —
Слышу сквозь дрему их песню унылую,
Грузию вижу, родимую, милую;
Вижу на персиках лунные теи я, —
Здравствуйте, персики в первом цветении,
Здравствуйте! Сердцем я ваш!

Вмиг оборвалось, как сны обрываются,
Всё, о чём в детстве незрелом мечтается,
Треснуло что-то... Но в шум утомительный
Новые звуки ворвались стремительно:
В них ликование, в них утверждение...
Вижу на персиках лунные тени я, —
Здравствуйте, персики в первом цветении,
Здравствуйте! Сердцем я ваш!

Снова душа, словно птица небесная,
Страха не зная, летит в неизвестное;
Снова я тот же, в пустыне затерянный
Путник, сквозь ночь проходящий уверенно.
Прочь, безнадежность, неверье, смятение!
Вижу на персиках лунные тени я, —
Здравствуйте, персики в первом цветении,
Здравствуйте! Сердцем я ваш!

1917

119

Сад цветущий снится... Ты, как прежде, — там...
Снова — как убийца... Снова — по пятам...

Солнце — в тех же тучах... В листьях — та же
тишь...
Мучишь, мучишь, мучишь... И не пощадишь...

Вечно, как однажды... Потому что — ты...
Жажду, жажду, жажду... Слышишь — как воды...

Что ж, тебя потешит... Мне — погибель, яд...
Похороны те же... Та же ектенья...

1917

120. АНГЕЛ С ПЕРГАМЕНТОМ

Свиток в ладонях сжимая пергаментный,
Ангел на землю взирал безутешную.
Что же, прощай! Зря поверил я в памятный
Вечер с сергою алмазною грешною!

122. ОСЕНЬ

Лишь тебя приглашаю, поэт. Я в слова твои вник,
Твой собрат, сопевец твоих нот, книгочей твоих книг,
Соблюдатель твоей тишины и слуга твоих музык.
Приглашаю тебя: углубись в листопадовый шум.
Я на радостях осени — душу свою отдышу,
Как при слове «ступай!» из тюрьмы выпускаемый узник.

Зываю тебя. Поджидаю тебя. Заходи.
Не полы, а поля в моем доме. И нам впереди
Светят рассказы и воркотня пожилого платана.
И — сквозной, продувной лицевей на подмостках полян —
Танцевальник изрядный, недюжинный, даром что пьян...
Я резвее и ветреней сроду не знал шарлатана!..

Так пойдем же вдвоем. Нам дорога — целебней бинта.
Раньше — полчища туч надвигала на нас темнота,
А в дальнейшем, увы, легион их и вовсе несметен.
Мы с тобою поэты, а значит, светилу родня:
Кость от солнечной кости и плотью — огонь от огня.
Пьем во здравие солнца, ему восклицая: «Да светит!»

1917

123. НА ПЛОЩАДИ

Шут на площади,
Где твоя нищая труппа?
Выпал птенец из гнезда — рот разевает —
Белая ниточка тянется — крик одинокий...
Брось балалайку:
Не видишь — колышется площадь под нами?!
Еле ноги уносит пустынный босой — его
Пуля-пчела догоняет —
И так в переулочек загнули.
А вон бежит барабанщик и костью берцовую
машет,
И барабан сам собою
Трепещет, трепещет, трепещет.
А вон бежит и визжит, убегает мясник —
Так от него убегал недорезанный боров.
Площадь колышет Алкея.
В его челноке — я.

«О госпожа, госпожа!» —
Госпожу догоняет служанка.
«Деньги мои!» —
Врассыпну:

всех

догоняет

торгаш —

Десятью десять пальцев широко растопырил... .

«Кто тут бубнит и чья тут посудина?» —

Интересуется некто.

Отвечать ему некогда.

Пусто на площади вмиг.

Выпуклая брусчатка

Блещет теперь янтарями початка.

Я опускаю прозрачное веко,

Чтобы кругом разлилось ханаанское млеко,

Посланы мне

Праздник и бедствие —

Бредни мои наяву.

С красным полотнищем узкое шествие

Двигается через Москву.

Были записаны в книгах великих

Соединившие разноязыких

Неслыханные слова:

БЛИЖНИЕ — БРАТЬЯ — БРАТИШКИ —

БРАТВА!

(Июнь 1918)

124. БИТВА КОЛОКОЛОВ

Эти легкие руки слепца

Над осенним простором... .

Родная!

Что ж заплаканного лица

Запрокинутого

не узнаю?

Я вовек — над твоею судьбой —

Вдаль прозрачнолетающая бездна... .

Ты ли, солнечная невеста,

Стала черной рабой?

Слезы выстудит стужа-зима.

Вся — сиянье и тьма,

Подойдет — пропадет.

То обычай ее —
О заре
Омываться в крови...
Будем сказки рассказывать
О добре,
О воздушной любви.
Это слишком вблизи.
Дай, судьба, отдохнуть.
На глаза наложи мне ладонь.
Вытри кровь кто-нибудь,
Отгони огонь.
Снегу дай кто-нибудь —
Долог совести путь.
А никто не открыл,
Не приветил.
Пусть орел засыпает
Под кровлей насупленных крыл.
Засыпаю. Я, ветер.
(Июнь 1918)

125. ПИСЬМО ДРУЗЬЯМ

О, разве я не жажду вместе с вами
Принять наследье предков и сберечь
Дарованную нам святую чашу?
И быть на страже тех обетований,
Исполненных достоинства и чести?
И разве эта гордость не по мне?
Но, верьте, летописец вдохновенный,
Счастливый очевидец наших дней,
В свои тома многовековой кладки,
В страницы неподкупных фолиантов —
Иные откровенья занесет.
Он засвидетельствует: рухнули громады,
Сорвались скалы с мест тысячелетних,
Над миром вихрем пронеслись самумы,
Достигнув Грузии. И в них,
в их сердцеvine,
Неслыханная зазвучала лира —
Души грузинской праведная песнь!
О, как же я хочу — хотя бы на день
И к нам завлечь крылатую свободу,

Расправить крылья под ее крылом!
Какая злейшая несправедливость,
Чтобы такому, господи, уделу
На белом свете, как моя отчизна,
Не выпал революции удел!
Оркестром вулканическим да грянет
Моя мечтой озвученная лира!

(Июнь 1918)

126. НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ В ПЕТРОГРАДЕ

Метель!
Изменит слово — глаз не выдаст.
К Неве от исаакьевских колонн,
Колеблясь, шел пирамидальный слон
Сквозь призрачную взвихренность и взвитость.

Затем
Серебряная пальма Heine,
Едва ступив на черный гололед,
Вальсировала — ветви наотлет —
Я позавидовал — кому-то — втайне.

Лиловая клубящаяся мгла,
Муаром отливая и атласом,
Над городом — клянусь вот этим глазом —
Летит, срываясь с древка помела!

Свистит и рвется надвое атлас:
Расхоталась — дальше понеслась.
Ну, вьюга! Все на воле — каково им?
Загнем за угол, постоим, повоем:
Изменит слово — горло не предаст.

Там,
Во главе всего —
Крючок басовый.
Там Ладоги просторные меха,
И дышит города орган суровый
Дыханьем петербургского стиха,
Послушным геометрии Петровой,

Знакомый горький иней на губах.
Простоволосая, о чем ты, ива?
Уже враждуют мертвецы в гробах —
Безмерна грусть твоя и сиротлива.

Как море перехвачено проливами,
Так кольцами бессонниц — эти дни.
О, если б мог я плакать с вами, ивами,
Молиться мог: Спаси и сохрани. . .
Напрасно всё. В рыдании органа
Уже предуготована осанна.

Идущий с миром — явится с мечом.
О скрипка ивы — над моим плечом!

Спасите!
Протащите сквозь теснину!
Всегда найдется дюжий костолом.
Куда же я? Сойду с ума и сгину
С моим самодержавным ремеслом.

Меня равнина тянет —
С ветром свиться.
Судьба, я дважды угодил родиться:
Здесь,
В эту ночь,
В ноябрьскую метель —
И там, в раю, за тридевять земель.

Что ж —
На исходе двадцати шести
И я прочел бы моего «Пророка» —
Да некому. . . О господи, прости
Галактиона — вот еще морока!
Порвал на ленточки: лети, лети!

Я стар, как старый шут.
Мне одиноко.

Когда над площадью вошла звезда,
Я спал в снегу:
Тепло, как в колыбели!
Чхендзе досточтимый, Церетели,
Вас унесло неведомо куда.

127. ГОРОД НА ВОДЕ

Лежащий на воде тот город именитый
И пасмурен и тих. Ленивая волна
Дойдет издалека, ударится в граниты
И корабли качнет — и снова тишина.

Вечерний небосвод почует осторожно
На тусклых куполах, на мачтовой игле.
Дредноут — как скала. Как будто судно
брошено.

Угрюмые стволы обращены к земле.

Обманчивый покой. Отчаянная вера,
Что новой стариной не станет новизна.
Незыблемо стоит железная галера —
Идет издалека высокая волна.

(Июнь 1918)

128

Сквозь жлочья пен неудержимо
Корабль моя рука вела,
Как траурные серафимы,
Стремилась в даль его крыла.

Я знал, что это лишь начало,
Что впереди девятый вал.
— Земля! — мне вахта развещала,
Но я пути не прерывал.

(Июнь 1918)

129. МЕЧ И ПЛАМЕНЬ

Гордам и мирам возвещаю: отныне и днесь
Нету радости той, что была и которая есть.

Только та, что — да будет! Отныне из тысяч имен
Нарекаю тебя — Меч и Пламень — до новых времён.

Пусть зола, и руины, и рухнул отеческий кров.
Меч и Пламень теперь твое имя. И Пламень.
И Кровь.

(Июнь 1918)

130. ОФОРТ

Над лесом пустым проходя невысоко,
На эти снега, где живу одиноко,
Всю зиму косилось тяжелое око
Синюшного, сиднем сидящего бога.
Зима, вы глядели, как дремлющий рок.
Окружие леса — прощальный веноч,
Повергнутый у алебастровых ног.
На радостях полоз визжит, как щенок.
Он тему повел, как моцартова флейта, —
Красавицу душу спасем от погонь! —
И вихрь серебристый нескромного шлейфа
Лицо обдает, будто влажный огонь.
Широко летят снеговые разливы,
Что были недвижны и так молчаливы,
И поле поет, и серебряный куст
Расцвел от дыханья неведомых уст.
Всё сказка и слезы — и только под вечер
Дымы над деревнею — будто бы свечи.
Румянами инея лик твой расцвечен
И тмится, и меркнет — далече, далече. . .
Далече — так вот оно, имя твое,
О родина — стужа, погоня и воля —
Равнина твоя — кто обнимет ее,
Как лес обнимает стемневшее поле?

*(Июнь 1918)
Царское Село*

131. ВЫМПЕЛ ПОЭЗИИ

Что мне надо, баловню, на свете?
Просто так я закидываю сети,
Я у рыбки золотой ничего не прошу —
Отпущу на волю,
Сети отрушу.

Что мне сети или хитрые удочки?
Мне довольно и глиняной дудочки,
Чтобы странница Психея
На камне морском
Расцветала голубым цветком.

А другая — лиловая — Сирена:
«Всё прекрасно, всё блаженно, всё бренно...»
И, в душе моей
Губительные сея семена,
Всё мирит и равняет она.

На краю земли, и моря, и рая
Обитаю — блаженно умираю —
И поэтому, наверно, никогда не **умру**.
Яхта белая кренится на ветру.

На камнях чернокожих и соленых
Я ведь тоже — лепесток — совсем зеленый!
Только лепет или клекот мне гортань холодит —
Оттого что бьется вымпел
И лепечет — и летит!

(Начало июля 1918)
Одесса

132. УСЕРДИЕ ПОЛУДНЯ

Полдень усердствует...
Даль — нараспашку.
Сотни стрекоз стрекочут окрест.
Воздух царапает, словно стекляшку,
Слаженный стрекозиный оркестр.
Полдень вином опьяняет весенним.
Розами выслан сухой небосклон.
Этим горячим, нежным цветеньем
Облак —
        пингвин белоснежный — сожжен,
Заполыхавший запад заполнен
Безукоризненной голубизной...
Стих, как бокал, подымаю за полдень,
За лазурный, звенящий зной!

24 июля 1918
Батуми

133. КОРАБЛЬ «ДАЛАНД»

Зной этой ночи нарушил мой сонный регламент.
Розами сад был укутан до самого горла.
Всюду виднелся разрушенных теней орнамент.
Море дремучее пело и камни прибрежные терло.

Медленно плыл я, и «Даланд» стоял над волною,
Словно Нарцисс, очарованный собственной тенью.
Темные лавры томили меня и влекли за собою,
Лунные лилии их стерегли в отдаленье.

Я возвращался на родину новой дорогой.
Поднят с постели, томился и хмурился малость.
Отчая кровля казалась такой бесконечно далекой.
Да и была ль она? Может быть, лишь вспоминалась?

Воспоминаний толпа вслед за мною летела.
Ленин, Москва, Петроград, Кремль... И в дрожанье
и в стуке
«Даланд» волну рассекал, и Черное море кипело...
Взгляд затуманили первые слезы разлуки.

1918

134. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Пустыней овеваны камни нагорья.
Спускается Фазис к прохладному морю,
А Мтквари— к другому, и оба теченья
Пустыне возвышенной — вздох облегченья.

Я слышу, как плачет разбитый Мухрани,
И камни Тамар, и мертвый Гелати...
И Картли, молящая о состраданье,
О славе скорбит — об утрате...

Я помню, в горах над ветшающей Мцхета
С моею душой разговаривал ветер —
Он слышал ибера и хетта,
А времени он не заметил.

Слова, будто пламя, сносимое ветром,
Слетали порывистым метром,
Ущелие Итрии у перевала
Волчицею мне подвывало...

Но дивное солнце, четвертое в хоре,
Широко рассыпало стрелы Эрота
По всей усыпальнице отчей,
И сонная нега Средиземноморья
Туманит грузинские очи —
Я славлю беспечность народа!

Как часто я слышал: мой Джвари старинный,
Где ныне безлюдно и поло,
Звенел на скале, будто арфа Эола,
И пел, как фарфоровая окарина!

Вечернее теплое море кругом.
То ль облако, то ли большая вершина,
Как рыба, стоит на востоке ночном.
О родина, горы твои не видны,
И в сторону ночи торопится «Даланд» —
Я вижу любимые сны.

1918

135. МИРОВЫЕ БУРИ

Что мы именуем так пышно...

А это —

Легчайшие прикосновенья богини:
Гармония тайная мир поверяет.
За всё

я спокоен —

и бунту подобно

Спокойствие духа в миру помраченном,
И ясность покоя

людей соблазняет.

Но солнце восходит. И — солнце за солнцем —
Над миром идут чередою свободной,

Шорох обоев — как будто тишайшая
В доме разбитом слышна лития.
Резкая, трепетная, высочайшая
Над Петроградом — звезда бытия.

Шаг торопливый и тень соглядатая.
Дом полумертвый — с ружьем часовой...
Всё это видел и помнил когда-то я.
Воля — бездомный прерывистый вой.

Даром ли вызнала голь перекатная
Птичье — такое короткое — «пли»?
Даром ли — помнишь — бутоны пранатные
На гимназических блузах цвели?

В небо взлетает видение Города —
Огнеобъятого — в тучах ночных.
«Стой, кто идет?» О, как знобко и молодо
У парашетов твоих ледяных!

1918

138. ПО БРЮСОВУ

Уэллс и Джек Лондон — и лучшей
оснастки
Юности шхуна на всех парусах,
Мачты согнув, вылетает из сказки —
Прямо на рифы — и небо в глазах.

Из огня — в польмя!
Что же, я выпью
Чашу, Россия, — и в путь роковой.
Всё раскачал колоссальною зыбью
Марш

петербургский
трагический
твой—

Будто исконные связи наруша
Косного камня и гибкой воды.
Сердца восторг и потайная стужа.
Цвет облетит — и созреют плоды.

Роза ветров — на дыбы —
и пожаром
Искры мятежные ввысь взнесены.
Над ледяным и ночным полушаром
Света полоска — кромка весны.

1918

139. ОЧИ У МЕРТВОГО СОЛНЦА ОТКРЫТЫ

Солнце в июне — затменье, затменье!
Умерло солнце, очей не смежив!
Гаснет июньское солнце в смятенье,
Гаснет светило, а я еще жив!

Очи у мертвого солнца открыты!
Господи, очи открыты в гробу!
Дух испустив на враждебной орбите,
Солнце в глазах затаило мольбу!

Ловят глаза за событьем событье,
Болью и мукой полны голоса.
Очи у мертвого солнца открыты!
Светят у мертвого солнца глаза!

Господи, что же творится? Откуда
Траурных скрипок прощальный азарт?
Но надрываются струны, и чудом
Светят у мертвого солнца глаза.

Боже, откуда доносится пенье,
Словно отходную солнцу поют?
Рухнув у паперти в изнеможенье,
Тихо шепчу я молитву свою.

А серафимы тревожней запели,
Болью и мукой полны голоса.
Очи у мертвого солнца прозрели!
Светят у мертвого солнца глаза!

Я ухожу. Переполнена мера.
Падают тени на бархат полян.
Где-то беззвучно рыдает Церера,
Сонные рощи укутав в туман.

Гиблый июнь неживая истома
Заволокла у осенней межи.
Снова я в Грузии, снова я дома,
Но для чего, моя радость, скажи?

Но для чего предвещает тревогу
Новая жизнь у родных берегов,
Если пора собираться в дорогу
Торною тропкой средь чуждых гробов?

1918

140. ЗАБРОШЕННЫЙ БАЛКОН

Хан-петух у платана
                                водрит свои шпоры гусарские,
Там, где некогда царствовал
                                я — в хлебосольном кругу.
Не к нему ль — по балкону —
                                горянка, горячка, цесарочка?
Ах, да что вы, да что вы,
                                она ведь спешит к роднику! . .

Нынче сушая сушь:
                                всё повыжжено и обезвожено.
Огород как гербарий, — ,
                                бескровные листья и пыль.
Остается одно:
                                безнадежно просить невозможного,
Припадая к тебе,
                                в кукурузной соломке бутылъ.

Был красив мой балкон,
                                пестроткаными юбками метеный.
Нынче он обветшал! . .
                                А вдали над рекою Курой —
Франты-олухи шаркают,
                                шлепают пулями меткими
И возводят курки —
                                пир горой, пир горой, пир горой.

Здесь я плачу один,
                                отгороженный старыми стенами.

В захолюстье дремучем
октавы мой не в чести.
Только кислый сосед
гостеприят в моем запустении:
Вашлованский князек
горе мыкать ко мне зачастил.

Заходи, дорогой!
Есть вино педурное по осени.
Я стишок отложу,
над которым прилежно тружусь.
А в Тифлисе — дворец шоколадный,
засиженный осами...
(Я горжусь тобой, Грузия!
Я, безусловно, горжусь!)

Ай да рыжие осы в Тифлисе —
с заморскими жалами!
Горожане все в жалобал:
лакомки входят во вкус...
Заходи же, любезнейший!..
Милости просим пожаловать!
(Просим милости мы...
Я горжусь, безусловно, горжусь!..)

1918

141. ХОТЬ ТЫ ОДНА

На родине моей хоть ты одна
Не скажешь так, как говорят другие...
И будешь даже к Каину нежна,
Раз он поэт и баловень стихии.

И будут мной еще обращены
Те, что кадят передо мной кадилом,
Хотя не им, увы, посвящены
Тревоги предзакатного светила.

Прими мой дар. И строго же суди,
Как не судила ты мой первый выход.
И пусть твоя улыбка пощадит
Дарителя и дарственную прихоть.

1918

142. ВИНОВАТО ВСЁ ВИНО

Господи, куда б на свете
ни направил я шаги —
Мчатся мне вдогонку ветры
семилетней той пурги.

Где бы ни нашел я кровлю,
всюду потчуют вином,
А тоски своей не скрою —
виновато всё оно.

Милая моя! Я распят!
И душа моя в огне!
Ты одна мне в жизни радость —
но до радости ли мне?

1918

143. КАК В ЛЕСУ СМЕРКНЕТСЯ...

Как в лесу смеркнется,
луч колышет — скроется,
Ветер нож вытащит —
беретась, рощица!
А река-реченька —
до того скромница! —
Вышивает-шьет
и не морщится.

То листву палую
заметет в горнице,
То плывет жиденько,
вся в сырой слякоти.
А потом — вздыбится,
а потом — вздернется,
Закипит, вспенится —
и спугнет всякого,

145. РЕВОЛЬВЕР

Ледяное, вороное,
Сизое.
Дальнозоркое, видать,
Око.
Вот и свиделись с тобой
Сызнова.
Никого вокруг меня
Около...
Что уставился опять
Пристально?
Не пристало тебе так
Пялиться.
Да господь с тобой, разве ж
Мыслимо?!
Просто пальцем, говоришь,
Пальцем?
Будь ты проклят! Отойди!
Верую!
Вороненое.
Револьверное.

1918

146. ВЕТЕР-ЛУЧНИК...

Ветер-лучник, ветер-воин
изогнул дугою тополь.
Тени, тени, двое, двое,
конский топот, конский топот...

Погадай по картам ночи,
где маяк пронижет морок?
Что за путь, слепящий очи,
предначертят метеоры?

Осиянную — да úзрят!
Вечно Женственная — ты ли?
Это слиток, это сгусток
слезной соли, звездной пыли...

Но спите — и огонь средь ночи
Походкой женской входит в дверь.

В дверь ваших гор и облаков
Кулак оранжевый стучится,
И знает, что беда случится,
Семейство прозорливых сов.

Но спите вы, как детвора,
Там, в ваших сумерках неверных,
И трубы ваших снов военных
Молчат, не говорят: «Пора!»

О пламя, не обидь орла!
Спасутся маленькие птахи,
Меж тем как обгорят на плахе
Два величавые крыла.

Но поздно! Перья их на треть
Ожог губительный отметил.
Не дай мне бог, как птицам этим,
Проснуться, чтобы умереть.

С веселой алчностью орды
Плясал пожар, и птиц оравы
Взлетали, и у вод Арагвы
Поникли головой орлы.

«Я видел ворона. Дрожа
От низости, терзал он тело,
Что брезговать землей умело
И умерло», — сказал Важа.

1918

149. ДОВИН-ДОВЛИ

Так пером блаженно водит
Ангел третьего завета,
Ибо женщина выходит
На дворцовый лед паркета.

Прочь отброшено введение
Книги путаной и странной

Ради этого мгновенья
Красоты обетованной!

Дай блаженному пружину
Опрокинуть возле трона
Всю цветочную корзину
Золотого Трианона!

Это презилось в картинных
Галереях сей столицы,
В глубине зеркал старинных
Собиралось по крупице...

Боже мой, какая мука,
Блажь какая и блаженство —
Изваять — увы — из звука
Вас, о Ваше Совершенство!

Неустанно, неустанно
Возношу хвалы Киприде.
Как версальские фонтаны
Подражают Вам — смотрител!

Довин-довли...
Дева, дева,
Поглядите-ка налево...

Над грядой дубов и пиний,
Над дорожкой райской, синей
Полуночный ветер горный,
Иссиня-седой и черный, —
Конь летит — по коже иней —
Гость незваный, призрак вздорный...

И к чему такая спешность?
О, зажмурьтесь, Ваша Нежность!

Это слезы? Не годится —
И давайте «Довин-довли»
Я спою Вам, — я ведь птица —
Не люблю я птицеловли!

Довин-довли, довин-довли!

1918 или 1919

150. ЖИЛЬЦЫ ВСЕЛЕНИВОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Мы оба — жильцы вселенивой вселенной —
Огарок свечи поздравляли, как факел.
В безвыходном времени — наше вселенье
Свершилось и стало объявленным фактом.

Бессмыслицу мы умножали на числа,
Мыслишки роились, плодились — не счесть их.
Ретивый уродец, хмельной и речистый,
Нас в гости зазвал, чтобы нас обесчестить...

Вернувшись домой, мы очнулись над телом
Пустым, распростертым, недавно убитым...
И счастливо так мы тогда полетели...
Ушедшей душе я служил следопытом...

(19 июня 1919)

151. ПИРИМЗЕ

Ты анфиладу белых зал
Возвысил, зодчий, и связал,
И взмыла к небесам — единой
Станицей белой лебединой!
На щепе процветает мох,
И место забывает бог,
И людям вспоминать не надо...
Луна встает — и колоннада
Подъемлется вокруг палат,
Где свет, где призраки баллад.
И полон свежести фиалок
Возвышенности катафалк:
Веков понурые волны
По плечи средь молочной мглы...

О, свет луны в начале мая!
О, нежных призраков самайа!
Безмолвье — осторожный звук —
Жемчужной туфельки каблук...
Непостижимая утрата:
Былое хороню, как брата,

Осень ближе, ближе,
И за мной гонцы:
В яростном Тифлисе
Царствуют певцы!

(Июнь 1919)

156. ПРОЩАНИЕ

Качнулся экипаж на повороте,
И поклонились яблони в саду.
Осеннее село — и мир в природе.
«Прости, сюда я больше не приду!»
И склон горы в октябрьской позолоте.
И утешенье старого напева,
Где счастья нет и ничего не жаль...
Оборони его, Святая дева!
Такая в мире есть еще печаль —
Полнее счастья, благодатней неба...

(Июнь 1919)

157. ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ОТЪЕЗДУ

Внезапно май настал: прокрался и затих,
Лишь апельсинов ветвь качает ветерок.
А так как у меня нет родины, сей стих
Я сочинил в пути, на стыке трех дорог.

Но синих парусов мой взгляд не находил
И только замечал черневшие стога.
И так как никого я в жизни не любил,
Я Францию люблю, суровых Альп луга.

(Июнь 1919)

158. МОЛИТВЫ РАДИ

Облако
Пролетает,
Будто сорванный парус.
Горный кряж — изваяние
Ветра-и-корабля.

Я заклинаю Хаос: «Цминда арс! Цминда арс!
Цминда арс Хаоси!»
Вечереет земля.
Имени твоему
Отзывается строго и слитно.
Розы жертвенные разбросаны — как мерцанье долин.
На вершинах мятежных
Почивает моя молитва.
Я твой гений,
Я Хаос:
Я форма.
Я твой властелин.

(Июнь 1919)

159. ПАРАЛЛЕЛЬ

Нахлынули волной и залегли
В душе тревоги. Ворошит их ветер.
Слепая ночь и утомленный вечер
В прощальном жесте руки развели.

Какой покой настанет для души,
Лишь только Пан мелькнет лесной загадкой
И ночь навстречу бледному закату
Стремительной походкой заспешит!

В причудливом смешении цветов,
В скрещенье всепрощения и мести,
К бессмертью — от безверья и безвестья —
Я сам границы перейти готов.

И томная медлительность лугов,
И холод ветра — к ясности зывают,
Когда из Боттичеллиевых снов
Изнеженные тени наплывают.

Громоподобен колокола звон.
Виденья Гойи — как причуды Вия.
И демонами Врубель помрачен.
И Сегантини свят: «Ave Maria!»

(Июнь 1919)

180. РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ДЕРЕВО В ТРИПОЛИ

Год — почти что годовалый,
Снеговая косовица.
Сон бесовский, небывалый
Новогодней ночью снится.

Очи слепо уловили,
Застекленные слезами:
Горя горные лавины
С перевалов оползают, —

Ущемленные в ущельях
Гореносные обвалы...
Ночь веселья, ночь прощенья...
Год почти что годовалый...

Вижу: там, в пыли метели,
Притоптали снег повальный
Не рождественские ели,
А рождественские пальмы.

Не горят на ветках свечи,
Нет орехов золоченых,
Есть — людишки-человечки
Да сердечки обреченных...

Ай да пальма — как нарядна!
Мы б под ней псалмы пропели.
Жаль, оглохли, — канонада...
В ухо винтится пропеллер...

Мы столов не накрывали, —
Люд покрошен, перемолот.
Ради бойни — с наковальной
По рукам ударил молот.

Пули, пули, пушки, пушки —
Дух в мехах кузнечных сперло.
А на ветках, глянь, игрушки
Все привязаны за горло...

Тронул ветер что-то душу,
Гаскачал, и стало в шло:

Из нее торчат наружу
Все «убий», «украдь», «завидуй»...

Эко диво — грех не в нове!
Много трачено стараний
Сделать мирных, невиновных —
Дел заплечных мастерами...

Кто на промысел палачий
Не польстился, словно Каин,
Тот слезами сердца плачет,
Пес бродячий их лакает...

Заутрело, прояснилось,
Раздышалось с непогоды...
Ах, бессонница приснилась
Этой ночью новогодней!..

1919

161. ЗА ЧТО?

И губы вспыхнули — рубин!
Я проклят, я убит!
А смысла нет — лишь гнев один
Так праведно кипит...

Мой бог и тысяча богов!
За что? Узнать нельзя?
Гнев — разрешение оков,
Творящая гроза!

И слова молвить не дает!
Пускай проза меня убьет,
Пускай мне кара суждена
Такая, как она!

1919

Луна чиста до белого каленья,
И свет пульсирует, как бы висок.
Стоят деревья, преломив колени,
И тени чертят голубой песок.

Сегодня амфоры времен разбиты
И полон призраков дворцовый парк.
Сыны земли скользят, как селениты,
Из голубого света в сизый мрак.

Войска — знамена — тело на лафете...
И пусто. Женщина стоит — одна,
Как бы душа последняя на свете,
И милосердие, и тишина.

«О, дни мои!..» Но замирают пени,
И слезы светятся, и созданы
Сердца прекрасные во искупленье
Непоправимой роковой вины.

1919

163. «БЕЛЫЙ ПЕЛИКАН»

Духанный отблеск пал на берег
С причалами плотовщиков,
И ворон — важен и толков —
С Мадатова взлететь намерен.

И гонит, гонит зимний вечер
Гул тостов в сторону тюрьмы,
А сазандари рвет и мечет
Во славу пьяной кутерьмы.

Я снегопадом забинтован,
Кружусь — и кругом голова.
О, лишь бы длились Саят-Новы
Тугие, ржавые слова!

Душа куражится и плачет,
И в ожидании весны

Удачу клонит к неудаче
Связь пиромановские сны.

О, лишь бы зиму восвояси —
К Метехи, к дьяволу, к тюрьме,
Чтоб сазандари, горд и ясен,
Слагал осанну кутерьме.

Мы, полуночники, не вправе
Свой жар до времени гасить.
О, сколько еще вольных здравец
Осталось нам провозгласить!

1919

164

Вино туманно-голубое,
Шопена гордая молитва,
Колеблемая над резьбою
Чернофигурного пюпитра.

Пока мятутся
Паганини
Неистовые заклинанья,
Стоят — листа не проронили —
Осинники над Алазанью.

Порыв мятежный и высокий
Равнине той себя вверяет,
И шелестение осоки
Все страсти умиротворяет.

Отчизна песни не отвергнет,
А слезы непроносимы:
Как пламя, вспыхивая, меркнет
В ресницах Алазани синей!

1919

165. ВОТ И СМЕРКАЕТСЯ

Смеркается. И снова на меня
Нахлынуло былое наважденье.
Губительнее яда и огня
Лобзанья мглы, теней прикосновенье.

Рука к руке боготворимой льнет,
Гардины не надышатся дурманом,
И в каждом доме — ночи напролет —
Влюбленные бренчат на фортепьяно.

А сколько женщин в смутном далеке
Укутается в сумерки, как в шали!
Тень промелькнет за ними налегке
И к небу беспечальному отчалит.

Средь суеты и будничных невзгод
Я так мечтал перенестись в Равенну!
Но музыка лишь в ночь под Новый год
Решается вполне на откровенность.

Сплетутся руки на экране стен,
Затмит окно внезапность поцелуя.
Так в «Лоэнгрине» вопрошает тень
Другую тень. Так тишины прошу я.

1919

166. ДЕВЯТЬСОТ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Одну жемчужину дождя
И просветление лазури
Нам оставляют, уходя,
Огонь и мрак грозы и бури.
Нет, не ходи в ученики
К забывчивому просветлению
И временности вопреки
Прильни, поэт,
К иному гению...
И гения в счастливый миг
Не конченное изваянье
Являет совершенный лик —
И пропадает, как в тумане.

Так возникает Петербург —
Видение над топью реет —
И сердце от январских пург
И молодости — леденеет.
Свободой той — искушена
Национальная рутина:
Прозрачны горы — и видна
Вся необъятная равнина.
Я принял черноту небес
И синий снег, цветущий кровью,
И на плечи

наследный крест
Взвалил с надеждой и любовью.
И неминуем и затвержен
Путь восходящий крестный тот...
Горит одноэтажный Нежин.
Там выстрелы: ночной налет.
Огонь — и вьюга — и без крова
Замерзнут погорельцы те.
А тут не легче: катастрофа
От города в полуверсте.
И возникают строфы Данта
Размерные — поверх страстей, —
Пока обшаривает банда
Живых и мертвых вдоль путей.
А ужас — весь — на детском бледном
Лице...

«Нательного креста
Не тронь!
Carthago exegenda!» —
Тебе слетает на уста.
Опомнился — и сторонится,
И пропадает негодяй...
Преображается — и снится.
Останься, время, и пылай
В глазах, отныне озаренных!
Огонь колышется стеной.
На крыльях черных опаленных
Лети, мой ангел, надо мной!

Порядок призрачен — и строг.
Плывут небесные армады
На вечереющий восток —
Без флагмана и без команды.

И в ясность привести пора
Видения, воспоминанья.
Дредноут — синяя гора —
Воинственные очертанья.
Но я представить не могу
Того, что помню... понимаю...
Челнок истлел на берегу,
И борозда в песке — прямая.
Но как торжественно горят
Небес прогалы долевые
И сумрачных и сизых гряд
Края кудрявые кривые!
Так блещет флотская латунь.
Салют победы! Стоп, флотилия!
Нас обнял берег, как июнь,
Как возвращенная идиллия.

Пустой духан. Попутчик хмурый
Не веселеет от вина,
И, очевидно, правы суры,
Что ненависть на всех одна.
На всем разлив ее безбрежен.
«Как холодно», — он молвил вдруг
И поднял взор — и вспыхнул Нежин,
И озарился Петербург.
Ему вина я налил. Бурку
Накинул на плечи. «Мерси, —
В ответ он благодарно буркнул,
Продрогнув на святой Руси. —
Вино без крови, дом без крова...»
— «Мне в Имеретию, а вам?»
А он молчит: примерзло слово
К его страдальческим губам.
Однако верно: дом без кровли,
Совсем пустой — и мы вдвоем.

Лишь филина глухие вопли,
Да небо смотрит ноябрем.
Хозяйка где? Была — пропала.
Кто плачет там? Немой слуга?
Темно и ветрено. Опала
Листва на синие снега.
Какой слуга? Так плачет Демон,
Когда смирится гордый дух.

Душа летит к своим пределам,
Распространяющимся вдруг.
Порою смутною ночью —
Как мальчик в зыбке лубяной —
Рыдает Демон за стеною,
Опомнясь на земле родной. . .

Похмелья легкая прогорклость
И спутник строг — но ясно мне:
Безвыходная твердь расторглась —
Блажен рыдающий во сне!
Так что же делать? Рифмовать
Послушные воспоминанья?
Единственная благодать —
Освобожденное страданье?
Не это, нет, я величал
Свободу — свободы крестник,
И безвременья янычар,
И будущего провозвестник!

1919

167

Когда в Цицамури убили Илью,
С ним нехотя век величавый скончался.
Но мост феерический в небе качался,
Когда в Цицамури убили Илью.
Здесь раньше цвели пасторалей луга,
В садах пожинали плоды просвещения.
Как трудно найти мне слова утешенья,
Как просто я пел и влюблялся тогда.
А время войну предвещало садам,
И дни, как в театре, меняли обличье,
Но славных имен роковое величье
Гремело по весям и по городам.
Настал год восьмой. Но грядущий пример
Маячил мне тенью лишь в снах вожделенных:
Плыл «Даланд» по волнам восставшей
вселенной,
И ветер пророчил мою «Côte aux fleurs». ¹

1920

¹ «Череп в цветах» (франц.). — *Ред.*

168. К ГЮТЬЕ

Вы обитель свою нарекли «Пимодан».
Пусть всегда ее красят цветы Деляроша.
Нас любви и чудес убаюкал обман,
Зеленеющих лавров недолгая ноша.
Это время нам светит, как чистый кристалл!
В каждом жили Лозенов и Брюммелей грезы,
Но куда-то исчезли из праздничных зал
Живописцы, поэты и девы-мимозы.
А слепые потоки тех памятных дней,
А слепые потоки, легки и прекрасны,
Нашу жизнь украшали легендой теней,
Скромный домик сверкал, словно замок алмазный,
В нем мы спорили громко о сути вещей,
В рифмах века искали грузинские ноты,
Где сегодня игравшие в жерле ночей
Эти «крылья валькирий» и эльфов полеты?
Завершен этот путь, весь в колючих шипах,
С той поры по каким нас путям не носило!
А теперь я один, как церквушка в горах,
Провожая предсмертной улыбкой светило.

1920

169. НАСТАЕТ ОСЕНЬ

Горит в огне любовный лепет...
Слова оставили меня.
Клубится мрака черный лебедь
Над красным лебедем огня.

Погибли милого бывшего
Несбывшиеся письмена.
Любовь — как поле Ватерлоо.
Возмездье. Утро. Тишина.

Взывать к прошедшему напрасно,
А будущего — не хочу.
Кругом — растерзано пространство.
Оглядываюсь и молчу.

Горят безумные посланья —
Огнем надежду утоли!
Опять — рекой — воспоминанья
Нахлынули — и понесли. . .

1920

170. ТЫ И ОСЕНЬ

Поэта блажь — он часто вспоминал
Тебя, и вот сравненье: ты и осень.
Напрасно луч я в яхонте искал,
Увы, и он пропал, и ты, и осень.

Сегодня ночь бежит, темным-темна,
И Вельзевул усердно ветры гонит.
А ты сидишь и плачешь у окна,
Любовь ныряет, как челнок, и тонет.

Но памяти в беспамятстве служба,
Пощады друг у друга мы не просим.
Пустыня — сердце, но родник — душа,
И снова: ты и осень, ты и осень.

1920

171. ТБИЛИСИ

Глициния. Лестница витая.
Осыпавшаяся листва,
Чеканная и золотая,
Лежит воздушно — как слова.

Над городом простерта
слабо
Мерцающая пелена,
И ранних сумерек баллада
Тому причина и вина.

Их бледно-розово-янтарный
Меня тревожит колорит

И больше, чем пожар Верхарна,
Воображенью говорит.

Предгорья — караван печальный.
Бредет обитель «Саване»
Вослед сутулой Арсенальной
Неведомо куда
вовне.

Страшись метафор, как навета!
Стояли обе — а потом —
Одни водовороты света
На месте ровном и пустом.

Открылся берег протяженный,
Раскат на северо-восток,
И сумрак сизый, свет тяжелый
На краски города налег.

И ты — единственная милость —
Как я тебя уберегу? —
Мне на мгновение явилась
Седая — в пепле и в снегу.

Разлад, гибель и сиротство...
Не надо!

Боже, ослепи...
Прости...
Дай — видеть,
быть,
бороться,
Благослови и укрепи!

Мтацминды остов.
Небосвода
Свет уходящий — и туда
Ведут ступени эшафота,
Как пишут эти господа.

Не поведут их на закланье,
И Час Судьбы они проспят —
Но, взыскан прежде
и заране,
Пророчествующий раснят!

А свечи гасли и горели,
И, весь сияющий насквозь,
Тонул и плыл Светицховели,
Как бы сиреневая гроздь,
А там отцы мои святые
Без ропота на божий гнев,
Уже по плечи залитые,
Поют, светильники воздев.

А мы убитых отпевали,
Гнев воссылая небесам...

И вторит литургия Джвари
Святым умолкшим голосам.

1920

173. НАД РЕТОРТОЙ, В УГЛУ ПАУТИННОМ

Кто захаживал к Дьяволу в гости,
Пыль будил на шагреновом томе?
Здесь бряцали берцовые кости
На потребу каких анатомий?

Над ретортой, в углу паутинном,
Кто, как Гёте, искривлял губы
И выкачивал спиритус винный
Из глубин перегонного куба?

Кто подкашивал стебли растений,
Роз тепличных, невинных, капризных?
Среди молний, ударивших в стены,
Год двадцатый распался как призрак.

1920

174. ПОЭЗИЯ — ПРЕЖДЕ ВСЕГО

О друзья, лишь поэзия прежде, чем вы,
Прежде времени, прежде меня самого,
Прежде первой любви, прежде первой травы,
Прежде первого снега и прежде всего.

Наши души белеют белее, чем снег.
Занимается день у окна моего,
И приходит поэзия прежде, чем свет,
Прежде Светицховели и прежде всего.

Что же, город мой милый, на ласку ты скуп?
Лишь последнего жду я венка твоего,
И уже заклинанья срываются с губ:
Жизнь, и Смерть, и Поэзия — прежде всего.

12 декабря 1920

175. ПЕСНЯ ДЕВУШЕК

Отпразднуем весны приход
Дождем цветов и апельсинов.
Веранду скоро оплетет
Живая изгородь павлинов.

Мы ночью в темный лес вошли.
Но среди вспышек и свеченья,
Как ни старались, — не нашли
Цветка, чье имя — Утешенье.

А юноши искали клад.
По птицам били из двустволок.
Перепугали всех подряд,
Выскакивая из-за елок.

Был нами улей разорен.
А юноши оленя гнали.
Ланенка раненого стон
Раздался вдруг... и все рыдали.

12 декабря 1920

176. ТЕНИ ЛУННОЙ НОЧИ

Тени лунной ночи, склоны
Гор над ними, темный ряд
Тополей — и восхищенный,
От вина горячий взгляд...

Вдруг; недолгое виденье:
Жаркий летний день, Версаль
И Манон Леско — смятенье,
Страсть и вечная печаль.

И неслись галопом мерным
Наши кони и сердца:
Площади, дворцы, таверны,
Вновь таверны без конца,

И лучей рассветных ласка,
И, как в призрачном кольце, —
Светло-голубая маска
На единственном лице. . .

12 декабря 1920

177. НЕПОГОДА

Туман тумана гуще — без изъяна,
Без отмели малейшей. На ветру
Прыжки кустов сравнимы с кенгуру,
В осиннике бунтуют обезьяны.

Лес обречен костру, как еретик.
Огнеопасны лиственные ткани.
И ураган, что ранее возник,
Находит силу в новом урагане.

Того гляди — весь лес испепелят,
Пока откуролесят и умчатся.
Ах, дал бы бог — пусть остров, пусть

Камчатка

Окраинная мнимая земля! . .

7 мая 1921

178. НА СМЕРТЬ БЛОКА

Умолк навеки менестрель —
Певец Прекрасной Дамы.
Да будет боль моя острее
Бессонными ночами.

О, послушай, любимая! Знаешь ли ты,
Что за птица кричит — Алконост или Сирин?

Опустилась вещунья каких катастроф
На граниты Невы, на извечные камни?
Перед полчищем искр от солдатских костров
Даже полчища звезд попригасли покамест.

Распахнулся пожар. Чтоб поведать о нем,
Допустимы слова моей истовой речи —
О повадках воды, напоенной огнем,
О повадках огня, негасимого в речке.

Мною будет описан восторженный гнев,
Раз мы жили стремглав и светло умирали.
По горящей земле в полноводном огне
Как ты свято скакал, о мой добрый Мерани!

1921

181. ВО ЗДРАВЬЕ СОЛНЦА

Не та ли приснопамятная осень
(О, не мороз, не стужа, а она!)
Решила навсегда вопрос вопросов —
Быть иль не быть? И выжила страна.

Во здравье солнца и себе в награду
Подъемлю чашу, полную огня.
Поверх барьеров Родины и Лада
Мой демон вновь напутствует меня.

1921

182. СТРОЙ НОВЫХ МЕРАНИ

Крыльями новые машут Мерани,
Смотрят с надеждой в крылатые дни,
Жаждают паренья мечты, и заране
Чуют наездников смелых они.

Чуют, что стали дороги короче,
Чувствуют века гигантский прыжок...
Вой проводов телеграфных клокочет —
В воздухе ветер зарницы зажег.

Споры о будущем, вести Версаля
В гомоне радио, в грохоте рельс
Эхо до нас донесли, разбросали...
Всё остальное доскажет Уэллс.

1921

183. ЖИЗНЬ МОЯ

На веселом пиру я, поэт, сообщаю вам это:
Нет бессмертия, кроме бессмертия слов.
Только слава моя будет вечно основой основ.
Всё иное — ничто, кроме славы поэта.

Раз мне крылья даны, перестану летать ли?
Кто мои самородки продаст или купит?
Пью за ваши таланты, друзья-дилетанты,
Свою полную жизнь,
ее пламенный кубок!

13 февраля 1922

184. РУКИ ОТРУБЛЕНЫ У НИМФЫ КАЛИПСО

Шел шажком да шагом, шел походкой тяжкой.
Словно мокрый хворост, распаялся туго.
Оглянулись — вот он! Увидали — тут он! —
Сводник малой спички с динамитной шашкой.

Всё в округе выжег жаркими делами.
Обуял пожаром сразу всё на свете.
С гор дошел до моря, ненасытный,
вот он!

Оказалось: Факел.
Оказалось: Светоч.
Оказалось: Пламень
Революционный.

Архангельские трубы:
Опалимо — всё,
Руки отрублены
У нимфы Калипсо.

16 апреля 1922. Пасха

185. СЛЫШУ ГОЛОС Я ТВОЙ...

Догорел небосвод,
И заката печаль
Горный ветер несет
В даль, в бескрайнюю даль...

Мы встречаемся вновь
На дороге во тьму.
Снова память, любовь
И надежда... К чему?

Над твоей головой —
Солнца вечного свет,
Слышу голос я твой,
И покоя мне нет.

День прошел и исчез,
Сгинул в небе пустом,
И задумался лес
Величавый. О чем?

17 июля 1922

186. РОДИНА ЧЕРНОГО ЛЮЦИФЕРА

Дождь или снег? Нам старости края
Приснятся, будто край пустынный, отчий:
Дорога жертв — и высочайшая
Звезда над нею в недрах полуночи.

Алмазно-черный мреет Люцифер,
И Вифлеема нет еще в помине,
Еще в потемках безначальных вер
Влачится дух... Горит звезда гордыни!

Отчизна Люцифера, ты песком
Затоплена, бескрайним и безмолвным.
Был Назарянин нам не знаком.
Он шел позднее. Поверху. По волнам...

Беда! И наше дело — сторона...
Как проклятые — меж пустынной солью
Блуждаем мы — и сладостью вина.
Меж сладостью бытия — и крестной болью!

Июль 1922

187. НОЧЬ В УЩЕЛЬЕ

Снег, словно добрый кастелян,
Для праздника раскинул скатерть.
А вышло — буря, гром раскатов,
Опустошенье по столам...
Хрипя, воинствуя и скалясь,
Исчадье этой ночи — мгла
В ущелье всё превозмогла.
И демон корчился на скалах...

Август 1922

188. ЭЛЕГИЯ

Тебе ли, ангел, здесь молиться,
Слетев с небесной высоты,
И траурному платью литься
На горельефы и кресты?

Спасла ли ты Буонарроти?
Прими блаженные слова...
Последняя во всей природе
Святыня теплится едва.

1 сентября 1922
Сигнахи

189. РОДНОЙ ВЕТЕР

1

Черный дым, ночной туман
Застилает Дагестан.
Выше, выше стали башни
Небосвода и Нестан.

Помнишь, как луну качало
Бурной ночи опахало?
«Где же, где же ты сейчас,
И куда судьба умчала?..»

Под вуалью акварели —
Вечереющий Кварели.
Через лозы, сквозь маис
Вьется путь к знакомой цели.

Вечер вспышками всклокочен —
Мчатся тени вдоль обочин,
Воскрешая в тишине
Стоны павших на войне.

Черный дым, ночной туман
Застилает Дагестан.
Сумрак рушит, рушит башни
Небосвода и Нестан.

2

Да, это — ветер мой родимый,
Родная древняя прохлада.
Так отчего лозе и дыму,
Реке и дому сердце радо!

День — в одеянии тумана,
Иду — и ближе стали дали.
Вот — башня под крылом орлана,
И дальше будет Цинандали.

Лозою Цинандали красен,
В багровых яблоках Ахмета,
И в гроздьях длинный ряд балясин
И в связках золота и света.

И лес, что был луною выткан
Из грез искателей Грааля,
Лазоревым накрыли слитком
И серебром заколдовали.

8

Луч, как цветок, лелеем
Бегущей быстринной.
Стал ветерок бореем,
И травы — трын-травой.

И отдан снам на откуп
Ночных полей покой...
Волна колышет лодку
Легенды золотой.

И звук не шевелится
Под сенью навесной,
И парусов глазницы
Полны голубизной.

Но сновидений омут
Не тронут лот и льнь.
В нем ловит лунный обод
Воспоминаний синь.

1922

190. НАТЭЛА ИЗ ЦИНАНДАЛИ

Я птицей был, мне разрешалось,
Как в небо, ринуться в силок.
Я ринулся — и всё смешалось:
Натэла, Цинандали, жадность
К тебе, о виноградный сок.

Зачем я вырвался, Натэла?
Зачем освободил крыла?
Когда я вышел, ночь светледа,
Была уже светлым-светла.

Уже рассветный ветер дунул,
И птиц возникли голоса,
И я о Тинатин подумал
И к небу обратил глаза.

А в небе было звезд так мало,
Там нежно было и светло,
Там всё качалось, уплывало
И повториться не могло. . .

1922

191. КАХЕТИНСКАЯ ЛУНА

Казалось — очень звездно. . .
Светился свод пологий.
Луна всплывала поздно
Из сумрачной берлоги.

Тропа в горах кружила,
Чинара волновалась,
И всё, что с нами было,
Невольно забывалось.

И новой стала тема,
Свежей стиха дыханье,
И новая поэма
Зажгла воспоминанья.

Как волны, чувства эти
Меняются, мелькая:
Одна луна во Мцхете,
В Кахетии — другая.

1922

192

Взгляни — Кахетия! Укрытые ветвями,
Созрели персики. Подкрался август знойный.
И рощи тихие полны тетеревами,
И утки на пруду сегодня беспокойны.

В начале сентября ворвется в чашу стрепет,
И дрофы выпорхнут, и куропаток стая.
Придет пора надежд, и лес наполнит трепет,
На просеки падет тумана синь густая.

Услышим выстрелы и крики на поляне:
«Пиль, пиль, Анзор!» Стрелой умчится вдаль борзая.
И станет солнечной долина Алазани,
Ночная мгла ее покинет, уползая.

1922

193. ПРИХЛЫНУЛ МЕСЯЦ МАЙ...

Прихлынул месяц май, разлил свои моря.
Дух снова ободрен, восторг неопишем.
Минувшего дары, грядущего посулы,
Я всё приму, равно за всё благодаря...

Сжимая свой штурвал бестрепетной рукой,
Всегда я штурман был опасных навигаций.
На сушу ли сойдя, мне шторма испугаться?
Душа моя блюдет восторженный покой.

1922

194. НОЧНОЙ ТУМАН УШЕЛ...

Ночной туман ушел,
И алое светило
В снега одетый дол
Сияньем озарило.

Зеленых гор маяк
Над нивами рассвета!
Я выиграл! О как
Пьянит победа эта...

Что встретившим зарю
Ушедших бурь дороже?
За радость битвы, боже,
Тебя благодарю!

1922

195. ПАМЯТИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Ек. Окуджава

Все слова и все цветы
Отравило колдовство,
Но была спокойной ты:
Пустяки, мол... ничего...

Жизнь ушла в туман, во тьму,
В ней царил хаос слепой.
Но твердила ты ему:
«Успокойся... что с тобой?»

И средь лжи, бездушья, зла,
Средь мучительных тревог
Улыбаться ты могла,
Как никто другой не мог!

Чистый свет своей души
Благородной и простой
Раздавала ты в тиши
Тем, кто обделен судьбой.

...Как любила ты размах
Жизни в мире и в бою!
С Марсельезой на устах
Прожила ты жизнь свою.

Были в ней — и сколько раз! —
Зной и стужа, свет и мгла,
Но и в свой последний час
Ты самой собой была...

1922

196. ВЕТЕР НОВШЕСТВ

Подводит ветви к самому окну —
Ну как не вступишь молодую крону!
Он может в тучи вытолкнуть луну
И только солнца не посмеет тронуть.

Он — ветёр новшеств, и его права
Простерлись там, где вымерли туманы.
И вся округа весело жива,
И все поля цветущи и духмяны.

1922

197. ЭФЕМЕРА

Неустанно, неуклонно мчатся кони от погоди.
Я седлал и я треножил синих коней всех времен.
Разве кто во время оно мог догнать Галактиона?
Кто теперь его догонит, если всех быстрее он? ..
Синегривый конь горячий, топот мерный, всадник первый.
Кто, когда, какую клячей обогнать меня грозил?
Кто скакал со мною вровень? Я — поэт до нитки нерва.
Разве я хоть каплей крови, хоть кровинкой — не грузин?!
Запорошен и завьюжен, путь мой в небе обнаружен.
Конь ретивый, синегривый дышит ветром перемен.
Он не взмылен, не натружен, не теснит его подпругье.
Город должен быть разрушен, если город — Карфаген! ..
Заявляю, что отныне не стоять его твердыне.
Я воздвигну на руине волшебство своей мечты!
Чтоб увидеть, станут люди переваливать пустыни,
Проторяя на верблюде караванные пути.
Состязаний провозвестник, я смотрю из поднебесий.
Победитель мне известен, отвечаю головой:
Посреди стиха — цезура, и молчанье после песен,
И стремглавый конь лазурный на дорожке беговой.
Заболочено, и гнило, и постыло наше горе.
Даже адские горнила все грехи испепелят.
Но, пристрожен и пришпорен от моих фантазмагорий,
Средь небесных плоскогорий конь гарцует не пыля.
Иноходец за границы безграничного стремится.
Грива синяя струится, сила нервная кипит.
Люди, люди блудят, блудят и к нему вздымают лица.
Но напрасно падать ниц им на следы его копыт.
Преисполненная скверны, ночь преступней, чем галерник.
И луна за ней влачится, как чугунное ядро.
Пусть спасенье не случится в этом времени безмерном.
Эфемерно, эфемерно воровское серебро...
Я же сам, по крайней мере, тем богат, в чем разуверен,
И отдам своей химере всё, что видел наяву.

Раздается конский топот с сотворенья до потопа,
И, утопленник утопий, я всплываю и плыву.
Под высоким черным сводом я присвоен преисподней.
Там, где небо расколосось, приближаясь к рубежу,
Прозвучит мой вещий голос, крикнет голос: «Я свободен!»
И ступни свои о полюс я, усталый, остужу.
Как заложник жизни брэнной и наследник суверенный,
Я сойду одновременно и с престола и с ума.
В беспредельной этой муке всё нетленное мгновенно,
Но не ты, к седельной луке притороченная тьма.
Окажусь я в храмах дальних, на границах орбитальных,
Там, где листья облетают на летальные цветы.
Вход одним потусторонним в обитаемые тайны
И в укромные хоромы потаенной красоты.
Это пытка, пытка, пытка — бредят синие копыта.
Посреди громов и зарев, истязуемый тоской,
Я безумными глазами наблюдаю состязанье
Лучезарного азарта эфемеры нелюдской.
В стуче дробном, дробном, дробном мир угроблен
преогромный,
Ничего не слышно, кроме — кроме грома на века.
Мчатся кони, кони, кони на Вселенском ипподроме,
Мчатся синие фантомы по разомкнутым кругам...

1922

198. МОРСКАЯ ЭФЕМЕРА

SOS!

SOS!

SOS!

Хаос и его присные,

Пустынники и бедуины вод,

Корабль наш молит о пристани!

«Надежда» — имя его.

Справа по борту — чайка.

Слева — нет чайки.

Спасенья уже не чаем.

Отчаянье.

Но —

Мы хотим причала.

Мы не хотим на дно.

Наши позывные —

Призывные:
SOS!
SOS!
SOS!
Насосались пустого ветра.
Где надежда, там вера.
Веселей, братва!
В ад так в ад!
Эй, там, на «Надежде»,
Те же,
В тельняшках!
Наляжем!
Сбиты фок и грот.
Вперед!
Море взмылено во все мили,
Море грабит свои могилы.
Право руля! Веселей!
Вперед, на кладбище кораблей,
Со скоростью сто узлов!
Гляди, недурной улов:
Почти совсем новый
Дредноут...
Доискались капитана Де-Лонга...
Ловко!..
Слушай, акульки дети,
Он ведь был где-то,
Берег,
На горизонте суженный.
Назывался — сушей.
Ма-те-рик.
Черт его подери!
Был, а сейчас где же?
Осталась одна «Надежда».
Смыло с нее пушки,
Оборвало канаты.
Что ж мы ее, старушку,
Не отпоем как надо?!
Не проводим в последний путь?
Слава, слава, слава!
Тонуть так тонуть!
В ад или в рай —
Запевай!
Сколько мы волн объездили,
Ногу держали в стремях.

Сколько скитались вместе мы
С гольфстримами и мальстремами.
Сколько нам всем миражился
Остров, заросший пальмами.
Штормы вздымались кряжами
Горными, многобалльными.
Были мы биты грозами,
Видели страны чуждые.
Сколько подарков розовых
Нам припасли жемчужницы...
Что, скучали во время штиля?
Не ты ли
Не находил себе места?
Просил норд-веста?
Кричал: «Норд-веста
Нам бы!»
Всё теперь.
Амба.
Получили норд-ост.
SOS!
SOS!
SOS!
Вымпел
Вверху, на ветру.
Рому бы выпил,
Да затопило трюм.
Как тогда, после абордажа.
Шевелись, братва, приналяжем!
Кто — плакать?!
Какая салага
Считает пробоины?
В голубое,
В голубое,
В голубое
Сначала — корма, потом — нос.
SOS!
SOS!
SOS!

1922

199. СНОВА ЭФЕМЕРА

Колышет ветер кипариса стан.
Но ветра нет. Так что его колышет?
И всё же ветер кипариса стан
Внезапными порывами колышет.
Моя печаль тесна, как эта клеть, —
Обязана высокая чинара
Пред мнимой бурей гнуться и скрипеть
Лишь потому, что ей она не пара.
Поэт — чинары доблестный двойник!
Он жаждет высоты и жаждет света,
Но головой повинною поник
Под тяжестью нелепого навета.
И всё-таки его прекрасен лик!
Он никому не слышимое слышит!
А ветра нет, а ветер снова сник —
А ветер кипариса стан колышет. . .

Мечта Верлена Францией звалась,
Переливалась многоцветьем радуг,
Но женщина внезапно ворвалась
В покой его души и светлый разум.
И закружился огненный буран,
Не знающий приюта и причала,
А женщина неслась, как ураган,
А женщина в беспамятстве кричала.
В бою неравном он как рыцарь пал,
И рухнул вместе с ним Пегас крылатый. . .
Несли гробы. Никто не провожал
Качавшиеся черные квадраты.
Любовь! Ты — пена десяти морей!
Вручите веку молнию, чтоб вещьую
Он высек эпитафию скорей:
«Внезапно в жизнь поэта вторглась женщина!»

И Паганини. . . Диких оргий ночь. . .
Бессвязна речь маэстро и беспорна.
И вот оркестру тянутся помочь
Виолончель и нежная валторна.
Как чародей, он скрипку в руки взял.
Дворцовый воздух наспех заколдован.
Заворожен и зачарован зал
И, как цепями, к музыке прикован.

Но вот мечты — оборванной струной,
И женщины — как смутные виденья.
И выплаканы очи. И слезой
Измерить лишь дано всю боль паденья.
Мечтатель своей муки не скрывал,
И, в поисках сочувствия упорных,
Он не заметил ни кривых зеркал,
Ни закулисной мглы в пустых уборных...

Пока заводы, с пеною у рта,
Слюною брызжут, дым вонзая в небо,
Верхарн, железного столетья Дант,
В стихи переплавляет быль и небыль.
И поезд мчится к цели всё быстрее,
Колеса в пар окутаны и в копоть.
Верхарн! Ты слышишь этот жуткий хохот
Дорожных бесов и нетопырей?
Настал их час! Звенит глагол времен!
Заговорила сталь и ропщут сплавы!
Но, не дождавшись вожделенной славы,
К самоубийству век приговорен.
И он спешит предать, ожесточась,
Того, кто снарядил его в дорогу,
Кто возбудил его. . . Твой пробил час,
Верхарн! Молись безжалостному богу!

И Достоевский. . . Снова круговерть. . .
Воздал равно и Цезарю и Бруту.
Ему вменили в наказание смерть,
Он ждал ее с минуты на минуту.
Молчал перед приходом палача,
Но нечто драгоценнее, чем это,
Укрылось от попа и от врача. . .
Вот каковы черты его портрета.
И топором стучит засова жердь,
И тени лиц уже ничто не значат.
Ему вменили в наказание смерть —
Но что есть смерть? И кто ее оплачет?!
Глазами просветленными смотрел
Он с эшафота, словно с парапета. . .
А ветра нет! Он вспыхнул и сгорел! . . .
Вот каковы черты его портрета.

1922

200. НОВОГОДНЯЯ ЭФЕМЕРА

В немой ночи я долго ожидал,
Когда рассвет мне явит первый признак.
Холодный ветер к лестнице пригнал
Чернеющий автомобиля призрак.
Двух фар застыли желтые зрачки,
И заметались вспугнутые тени.
Заголосили издали смычки,
Моля заранее о снисхожденье.
А над грядою ярусов и лож
Заполыхало радостное знамя,
Чтоб новый Моцарт, новый Делярош
Вернули нас к былым обетованьям.
И колокольчик смеха нас настиг,
И засверкала красками картина,
И кто-то вслух сказал: «К чему унынье! —
Ведь все-таки я мыслящий тростник!»
Рояль исторг рыдающий аккорд
И, вопреки ответному безволю,
Торжественный концерт, суров и горд,
Коснулся зала выплаканной болью.
Тугою тетивую сонм ресниц
Метнув в меня, не дав приободриться,
Ты снова воссияешь, Беатриче,
И я паду перед тобою ниц!
Моя душа, как дерзкий плотовщик,
С девятым валом вступит в поединок,
Чтоб в волнах щепкой-клавишей возник
И всплыл прощальный возглас лебединый.
О, смог бы я хоть что-нибудь забыть!
О, смог бы я куда-нибудь податься!
Зарифмовать с тобою боль и быт!
Иль рифмовать навеки отказаться!
Но я опять должник и верный раб
Букетов, ваз, столов-сороконожек,
Ночных фиалок, модных шлейфов, шляп
И отраженных в зеркалах сережек.
Опять дендизм! Опять не тот пример!
Опущен занавес. Разъезд в разгаре.
И бархатом пустынь замолк партер,
И эхо затаилось в бенуаре.
Но та, что всех сразила наповал,
Та, что сережку в зеркале... простите...

И гасят свечи. Убирают зал.
И не спеша бредет домой служитель.
Вот и пришел веселию конец,
Оставив мне одно воспоминанье:
Луна и белых облаков венец.
В саду невнятный шум и бормотанье.
И колокольчик смеха нас настиг,
И засверкала красками картина,
И стало ясно мне: к чему унынье? —
Ведь все-таки я мыслящий тростник!

1922

201. ПОД ПАРУСОМ МЕЧТЫ

Река души моей, моих надежд и вер,
Впадает в океан. И в этой синей дельте
Я, смелый капитан, силен в моряцком деле,
Бродяжу по волнам, как вечный Агасфер.

Я лег на галс, я стал на этот путь.
И паруса мечты вздохнули полной грудью.
У берега валы прибой стеснил и сгрудил.
О, бешеный концерт, грозовый контрапункт!..

Свободе отдан я, и больше я ничей.
По крутизне морей не всё еще отплавал,
Но как же обветшал надежный мой ковчег!
И чистых нету в нем ни юности, ни славы.

Дряхлеет мой восторг, и тайная напасть
Мой вольный гложет дух, ему внушая робость.
И я плыву, плыву, чтоб там навек пропасть,
Где рухнул небосвод в зияющую пропасть... .

1922

202

Каспия берег — и тигра
Бронзово-ржавые пятна...
Близятся хищника игры,
Ярость и гнев непонятный.

Пройдены заросль речная,
Горные тропы и чащи.
Тигр, сожаленья не зная,
Близится, грозно рычащий.

Гор окровавлены склоны,
Хищник с подоблачной выси
С злобой, в груди затаенной,
Глазом косит на Тбилиси.

1922

203

Был конец октября.
День был строго изваян
Из воздушного янтаря.
Лето теплилось —
Грудой развалин.
Плыло облако —
Словно Версаль,
Падал лист —
Как на сцене сентиментальной,
Где красивая чья-то печаль
Не бывает излишне печальной.

Я бродил,
Нарушая роскошную тишину,
Замирая порою —
Не смея
Разорвать
Паутинки доверчивую струну,
Затаенного звука извлечь не умея.

Там скамья.
Там — она.
Платье темно-лиловое —
Цвет беспокойный, тяжелый.
Золотистые волосы.
Лба белизна.
Вижу, замороженный:
Перебирает страницы —
Движенья руки
Будто снится,

Будто ветер
Ее поднимает
И укладывает на листки...

Шелли, Шелли!
Где же облако — лучезарный дворец?
УЛЕТЕВШИЕ ДНИ — воистину улетели.
Ты придумал грядущее —
Для утешенья сердец.
Обратимся к земле и к Мюссе:
Пара строчек —
За них я всю книгу, пожалуй, отдам,
Ибо жажду мою утоляет лишь горький
источник:

ВАШЕЙ ЧЕРНОЙ ИЗМЕНЫ
Я НЕ ЖДАЛ, О МАДАМ!

От измены лиловой,
Шелли, Шелли,
Обратился я к небу.
Конец кораблю!
Бьет грядущее —
Бьет грядущее в щели!
Погибаю — люблю!

1922

204

Густел туман, грозился шквал.
И пулемет не умолкал.
Нахмутив брови, день сгорел
Над грудой остывших тел.
Взвился нежданно столб огня,
К звездам тяжелый дым гоня.
Но я лелеял этот свет
И вещей ожидал примет.
С тех пор кричу во все концы:
«Я бурей жил, когда певцы
Иные, устрась ветров,
Перепевали соловьев,
Вкушая средь родных долин
И сладкий сон, и горький сплин».

(1923)

200

205. СИНЕВА

Когда стоит поэт у моря на пороге,
Блюстителю кораблю, наставник парусам,
Прав каждый шаг его и каждый окрик строгий.
Его никто другой, лишь бог осудит сам.

От пенистых пучин поэт один успеет
Всевышне глянуть так, чтобы войти как гость
В запретное туда, где всех надежд успеенье,
Где издавна мечты ложатся на погост.

Хоть славы домешай, хоть пряностей азарта,
Равно бесцветен мир, его линялый тон.
Галактионов век наступит, да не завтра.
Ну что ж, повременим, мой друг Галактион...

Есть полости пустот, где в мороке бессонном
Надрывные крыла взметают пустоту.
Глядишь — и воспоют архангельские сонмы
И ну благовестить пришедшему Христу.

Восплачут небеса, когда пригасят светоч,
Себе же воскричат неслыханный укор.
Из пьяной синевы ваять возьмется вечность
Тебя, поэт, тебя — на постаменте гор.

1923
На море

206. ЭФЕМЕРА

Всё кончено. Ты за закрытой дверью.
Прокаркал ворон. Полночь. Вот и я.
Лежишь в гробу — неведомым шедевром,
Загадкой века, тайной бытия.

Лишь небесам дано с тобой сравниться
И прикоснуться облаку дано.
Твой живописец не успел родиться,
А Гойя отшумел, увы, давно.

Кто голод кисти и резца насытит,
Чтоб красота осталась красотой?
И где же, где сегодня тот Пракситель,
Которому под силу облик твой?

Где страсть? Где воодушевление?
Готье! Скорей сюда твои тома!
Не вырваться из рокового плена.
Как Паганини, я схожу с ума...

1923

207. РОДНАЯ ЭФЕМЕРА

Родные не узнать просторы —
Метелью всё замечено...
«Давно ли?» — вопрошаю горы,
И горы отвечают хором:
«Давным-давно! Давным-давно!»

Сошлись замшелые громады,
Доносит ветер чей-то стон...
«Не Амиран ли, бога ради?»
И эхом отвечают пади:
«Не умирал он! Это — он!»

Куда я эту боль припрячу?
Уже не мил мне белый свет...
«Всё ли потеряно?» — я плачу.
И лес, как будто наудачу:
«По-те-ря-но!» — гудит в ответ.

А Терек пену извергает
И, низвергаясь с вышины,
Свергая камни и сверкая,
Спешит в объятья тишины.

А к ясному челу Казбека
Плывут туманы испокон,
И оседает с неба млеко
Под колокольный перезвон.

О Терек, ты моим потерям
Счет не веди и не рыдай,
Но милым незабвенным теням
Поклон мой низкий передай!..

Сошлись замшелые громады,
Доносит ветер чей-то стон...
«Не Амиран ли, бога ради?»
И эхом отвечают пади:
«Не умирал он! Это — он!..»

11 марта 1923

208. Я БЫЛ ВО ВЛАСТИ ЛИШЬ ОДНОЙ ТОСКИ...

Я жаждал вкуса родниковых вод
И ветра над грядами острых скал,
Я шел вперед, и падал, и вставал,
И, встав, опять упрямо шел вперед.

Когда зловеще шелкали курки
И гром орудий не стихал во мгле,
Я был во власти лишь одной тоски —
По травам, по колосьям, по земле!

Вдали мерцала лишь одна свеча
Над старым садом дедовским. А здесь
Шумел свирепый вихрь и, трепеща,
Лес от разрывов содрогался весь...

19 апреля 1923

209

Небо скучной прозой
Силится сиять.
А поют о розах...
Их ли воспевать?

Вот и журавлиный
Протянулся клин.
А строчат терцины...
Нам ли до терцин?

И о чем толкуют
Реки — не понять!
Я тебя целую. . .
Время ль целовать?

1923

210

Идите же с миром! Прощайте отныне!
Стихи мои, время расстаться сейчас!
Но сколько ночей ни промчится, ни минет,
Меня не покинет лишь память о вас!
Желаю удачи в пути небывалом,
В дорогу одно лишь напутствие дам, —
Лишь правда послужит по совести вам
И верным щитом, и надежным забралом.
Примите как должно хулу и нападки
И не отступите в борьбе ни на пядь,
Летите, летите вперед без оглядки,
Неся утешенье успевшим устать.
Скажите уставшим, что жаждет железо,
Что золото спелости — жатве к лицу,
Что клонится колос от силы и веса —
Раздолье и радость жнецу и косцу.
Прощайте, родные! . . . Летите, летите
Сквозь штормы и штили крылатой толпой,
Дыханьем людей и дыханьем событий
Согрейтесь в пути и вернитесь домой.

1923

211. ПОСЛЕДНЯЯ ТЕЛЕГРАММА

Приносит телеграмма весть о смерти.
Дрожит в руках раскрытая газета.
(Ушел. . . Скончался. . . Умер. . . Опочил. . .)
Любое слово — точно выстрел в сердце!
Не тем ли некролог невероятен,
Что не было предчувствий и казалось —
Ты, точно стены крепостные, вечен.
И — вдруг — внезапно — сразу, как затменьё,
Всё заслонило имя в черной рамке.

204

Давно ли в той неслыханной метели
Поэты уходили чередою
От нас, как тени. В этот час над ними
Дымилось кровью зарево пожара
И огненные сполохи разрывов
Высвечивали ночь. Но в этой буре
Ты выстоял. Так отчего же ныне —
В затишье — мы прощаемся с тобою,
Как с воином, как с витязем последним,
Певцом великих наших баррикад?

(9 октября 1924)

212. ВЕТЕР, ПОДНИМАЮЩИЙ ЗАНАВЕС

Почувствовав приближение смерти,
Я окликну своих демонов
И попрошу их захлопнуть все книги,
В которых хоть что-то может напомнить
О пылающих и рухнувших зданиях.
Пусть они приподнимут лишь единственный занавес,
Скрывающий солнце, —
Там, где, кроме тебя, ни единой души.
Мысль о разрушении — мгновенная вспышка,
Когда из души уже выжата жалость
И изгнана последняя любовь.
Разум молчит.
Он околдован и прячет стыдливо свой свет от меня.
Но занавес поднят, и я всматриваюсь
Лишь в одну занесенную снегом тропинку,
Издали доносится гул
Мутных проулков и улиц, мостов, мостовых.
Уже вплотную — туманы, и мгла, и колокольные звоны.
Я чувствую себя продравшим глаза ихтиозавром,
Который спросонья слышит призыв разъяренного
ветра:

«Вселенная, тише!
Вниманье, Земля! . . .»
Яростный клич взлохмаченного оратора,
Сливаясь с волнами людского прибоя,
Самумом и шквалом
Обрушивается на нас.

Кем и когда
Нагромождены эти трупы?
И откуда доносится
Невыносимый смрад разложения?
...О, я не спускался с бумажных небес
На грешную землю...

(1924)

214. ВЕТЕР ВОСПОМНИНИЙ

Август. Ветер, словно крылья,
Вздул края твоей мантильи.
Издали долетало
Эхо южного напева.
Как в душе невинной девы
В горький час грехопаденья,
В сердце буря клокотала...
Море было без движенья.

Ветер заплутался в чаще,
Изумрудной и сквозящей.
Сердце, млея и тоскуя,
Трепетало в поцелуе,
Разрывалось от волненья...
Море было без движенья.

1924

215. ВЕТЕР

Ветра стук, ветра звон, ветра стон,
Ветер листья несет с высоты...
На бегу гнет деревья в дугу, —
Где же ты? Где же ты? Где же ты?..
Ливень льет, снег метет, мокрый снег, —
Не найти мне тебя, не найти!..
Только взгляд твой со мною навек —
Днем и ночью, в дому и в пути!
В тучах скрыт, в тучах скрыт небосклон...
Ветра стук, ветра звон, ветра стон!..

1924

О, не единожды с неба
 Сияла тебе звезда!
 Не раз и не два во гнев
 Оглядывалась беда!
 Но ты ведь постиг отлично
 Суть заверений и прав —
 Скоро окажется лишним
 Твой неуживчивый нрав.
 Тише, голубчик, спокойно,
 Сядь, не бесчинствуя впредь.
 Ты не на игрищах конных,
 Здесь не небесная твердь.
 Господи, что им Гекуба!
 В сердце огонь притуши
 И осуши этот кубок —
 Рядом-то ведь ни души!
 Лучше, как прежде, доверься
 Таинственным мелочам
 И не тай по ночам
 То, что загадано сердцем.
 Даже на кленах — вериги,
 Даже в лесу — фонари. . .
 Хватит, захлопнули книгу
 Этой последней зари.

1924

217. СТИХНИ, ВЕТЕР!

Горы пустынные. Сосны дремучи.
 В башне мерцает, гаснет свеча.
 Ветер холодный. Хмурые тучи.
 Дождик по кровле бежит, стуча.

Что непогода для тех, кто дружен!
 В башне уютно, а ночь долга.
 Мужу горянка готовит ужин
 В пламени жаркого очага.

Среди зеленых трав,
Где шествует страда,
Как этот мальчик прав,
Что говорит: «о, да!».

Как девочка права,
Что говорит: «о, нет!».
И правы все слова,
И полночь и рассвет.

Так в лепете детей
Враждуют «нет» и «да»,
Как и в душе моей,
Как и во всем всегда.

1924

220. ПОЭТАМ ГРУЗИИ

Ожиданье ли сердце тревожит,
Или тайная мучает дума,
Что не раз еще вырваться может
Огневое дыханье самума...

- Вновь мне снятся траншейные ходы,
И, отчаяньем сердце наполнив,
Снится в скалах раскат непогоды,
Снится отсвет полуночных молний.

Это танковых гусениц скрежет.
Это ливней свинцовых работа.
Луч прожектора шарит и режет
Черный мрак по следам самолета.

И в ответ на огонь оружийный,
На рычанье стомиллиметровок
Это стонут седые вершины,
Это эхо ущелий суровых.

Желто-серые, ржавые тучи
Закрывают багряные выси...
Может быть, этот сумрак гнетущий
И прорвется внезапно к Тбилиси.

Нам, поэтам грузинским, не внове
Сумасбродства кровавой метели,
И мы знаем, в какое становье
Занесет Сюареса с Клоделем.

Мы же станем — во имя отчизны —
Там, где огненный ангел простерся.
Новым дням отдаем свои жизни
Мы, грузинской земли стихотворцы.

1924

221. ЛЕНИН

Город изглодан тоскою и горем:
Окна ослепли и скованы скверы.
Ленин недвижим. Но двинулось море,
Круша непогоду.

Хлынуло валом в закрытые двери.
Настежь! Дорогу слезам непокорным!
И голоса, надрываясь, валторны,
Рыдают фаготы...

Я до конца осушу эту чашу,
Выпью до дна, как целебное зелье.
Город изглодан тоской и горчайшей
Отравною вспенен.

Ленин — постыдного выстрела жертва,
Двух сатанинских кровавых метелей,
И всё же: трех революций бессмертье
И сретенье — Ленин!

Знают апостолы ленинской веры:
Снежной мечтой запорошены избы,
На перекрестках железного века
Стоит пролетарий.

Это — весь мир ожиданьем пронизан,
Это — племен угнетенных соцветья
Светом, воистину новозаветным,
Планету одарят.

Клонятся долу победные стяги,
Близятся сроки всемирного лада,
Сбудутся в душах добра и отваги
Земные заветы.

Город повержен, разбита блокада,
Сникли сполохи гражданских пожарищ,
Но приближается время, товарищ,
Восстаний всесветных...

1924

222. ПРОЛОГ К 100 СТИХОТВОРЕНИЯМ

Цари, как тени, канули в безвестность!
И хлынуло возмездье через край:
Земля разверзлась, и умчались в бездну
Карл, Фердинанд, Вильгельм и Николай.
Но не о них повем мои печали,
И не о них скорбит мартиролог —
В тот грозный год к бессмертию отчалил
Сердец державный повелитель — Блок,
Покинул мир Сен-Санс — король созвучий
И Никиш властный завершил свой век.
Настигла многих роковая участь,
Лишь я один погибели избег,
Лишь я один, подхваченный метелью,
В той огненной купели был крещен,
Чтоб донести в грузинские пределы
Благию весть о том, что мир спасен.

(1925)

223. ПО ВОЕННО-ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГЕ

Ползут по Военно-Грузинской дороге
Еще до рассвета в Тбилиси арбы —
С орехом, с вином и с мешками пшеницы,
И с воза переднего смотрит возница,
Наш парень Китеса, на речку и лес.
Вдали показались окрестности Мцхета.
«Какие дома-то!
Кто выстроил это?»

Вдруг взвыла сирена, промчалась машина,
И буйволы смотрят с испугом: «Эхма! . .
Чудовище, видно, свихнулось с ума! . .»
Вдруг кто-то огромный жужжит и вертится:
Смотрите, ведь дом пролетает, не птица!
Но вот рассветает. Опасность прошла.
И громко запел мой земляк из села.

(1925)

224

Страхнув старье листвы, пустынный
В покое почивает мир.
Забыв о бурях, у камина
Ты бережешь тепло и мир.

Но не найдешь отдохновенья,
Ревниво сохранив в тиши
Яд одинокого презренья
И заклеянный бред души.

Но в чуждой дали, в горнем мире
На перепутье удели
Мне пустоту небесной шири
И гнев мятущейся земли.

(1925)

225

Лес в легкой кисее тумана
Почует в мирной тишине.
Смотри, закат в горах — как рана,
Напоминает обо мне.

Пускай корабль вперед стремится;
И в урагане и в тиши —
Везде схоронена частица
Моей мятущейся души.

(1925)

Когда огонь взлетает ало
И ураган зовет к борьбе,
Быть равнодушным не пристало,
Молчанье не к лицу тебе.

Пусть город сумрачный печален,
Пусть Млечный Путь в плену у тьмы,
Из лабиринтов и развалин
На путь просторный вышли мы.

Как мне забыть в такое время,
Что ясность глаз твоих вечна,
Что доблесть, признанную всеми,
Не может омрачить вина!

(1925)

227. НАДПИСИ

О, пери нежная, давно я верую
В один лишь светлый май, но не в мистирию.

Что спорить с бездарью? Схоронят заживо!..
Не надо, братцы, мне бессмертья вашего.

Читать не стану я тома бессмыслицы,
Сам уж я как-нибудь смогу возвыситься.

(1925)

228. ТО ПРОПАСТИ, ТО ВЕРШИНЫ

Снова уступы, провалы, теснины,
Снежных наметов следы ледяные,
Темной завесой прикрылись вершины,
Долам оставив заботы земные.

Снова пройду по тропе перевала
И у Сиона паду на колени...
Жизнь моя, сколько же ты бедовала,
Как неотступны минувшего тени!

Что же ты медлишь, оркестр поднебесный?
Грянь золотыми смычками рассвета
Новую песнь над разверзнутой бездной,
Нимбом зари осеняя поэта.

(1925)

229

Если ты вне игры — не советую тщетно
Поминать вечера фантастических лет.
Это замкнутый круг. Эта боль безответна.
Но ты ловишь ее запоздалый привет.
И сиротства печать проступает на лицах.
Налетает тоска — и на нас нет лица.
Но удастся ли нам с непогодой слиться?
Как без девы Марии дожить до конца?

Или всё — тлен и прах? Или, мне не в пример,
Вам уже опостылел бедняга Бодлер?

Или Шелли уже с бородою Гюго?
А Мюссе? А Верлен?
А отверженный Каин?
Он опять одинок? И, как я, неприкаян?
А Эйнштейна тень над грядую веков?

(1925)

230. ВОСПОМИНАНИЕ О НАШЕЙ РОЩЕ

В сумерках вспомнились вдруг отчего-то:
Вьючная лошадь на дальнем холме,
Роща над тинистой гладью болота,
Призрачность тонких стволов в полутьме.
Краски минувшего небо ночное
Вызвало снова из бездны глухой, —
И до рассвета вздыхали со мною
Ветер да стебли соломы сухой...

(1925)

215

231. АЛЫЧА — СЕМИЛЕТНИЙ МАЛЫШ

Вот мальчугану исполнилось семь.
Май. И — поляна. И — птица. . .
Песенка в лодке — ниспослана всем!
Небо — лазурнее ситца.

Парус, развернутый там, в вышине.
Годы провел в золотистом челне —
Семь или семь с половиной —
Моцарт, и Шелли, и бедный Шенье —
Вдруг накатили лавиной.

С ними еще семилетье ушло.
Заново юный родился:
Сны золотые волной унесло.
В бурю покой обратился.

У кораблей обнажилась душа.
Души — до дна обнажились.
Море зверело, преграды круша.
Вал, бесноватый, унес малыша.
В бездну фрегаты ложились.

. . . Пуля пронзила его сгоряча.
Раненный в битве последней,
Так и запомнится он — алыча
Тонкая, светлая, словно свеча —
Снова малыш семилетний.

(1925)

232. РУССКОМУ ПОЭТУ

Сорвалась легенда потоком, лавиной —
О женщине дальней, умершей, как лебедь,
И мы, паладины надежды единой,
Познали с тобой одинаковый трепет.

Как будто в мороз, сквозь завесу тумана
Мы оба явленье одно увидали,
И вот опьянели мы, брат мой названный,
Ты — снегом своим, я — струей цинандали,

Да слышит Бальмонт — в зачарованном круге
С тобой мы сошлись, не смущенные далью.
И встретились степи немые Калуги
С исконною нашей грузинской печалью.

(1925)

233. СПОКОЙНОЕ МОРЕ

И облако стояло, как фрегат
В спокойном море. Небо было сине.
Воображенье вдоль прибрежных линий
Влекло меня — увидеть бы фрегат!
А там, где мирно высился фрегат
И радуга несла свой хвост павлиний,
Я плыл, надеждой радужной объят,
И облик мира был как облак синий,
И облако сияло, как фрегат.

(1925)

234. НЕТ, НЕ ПОГИБЛО

Не для того ли грузинской иду стороною,
Чтоб оглядеть, как бывало, просторы родные,
Чтоб и сегодня в пути пребывали со мною
Облик твой нежный и кудри твои смоляные.

Вновь мне дарована утра заря золотая,
Снова весна надо мной ворожит хлопотливо,
Чтобы оттаяло сердце, и душу до края
Страсть затопила высокой водою разлива.

Видишь, ничто не погибло! Хребтов вереница,
И вековые деревья, и наши селенья —
Всё уцелело. . . И слышится, близится, длится
Песня блаженная, песня о счастье спасенья.

(1925)

235. ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

Не могут пути отыскать журавли,
И тают воздушные струи вдали,
И арума сонные тени легли
На потемневшую зелень земли.

Где та, что бывала губам моим рада?
Журчание слов ее вспомнить — отрада.
С последним лучом ниспадает прохлада,
И в сумерках слышно мычание стада.

И в заводях лодки вкушают покой.
Ты дома, ты здесь никому не чужой, —
Здесь счастье. Зачем же, гонимый мечтой,
Напрасно бредешь ты сквозь сумрак ночной?

(1925)

236

Как путник, спешу по дороге
Сквозь лес, застилающий Феба.
Привет вам, Кавказа отроги,
Плечами подпершие небо!

Вчера еще воды Дарьяла
Клокочущей пеной мутило
И Терек о дикие скалы
Дробился с неистовой силой.

Душа тишиною объята.
Вот солнца лучи проглянули. . .
В долины стремятся ягнята,
И в горы уходят косули.

(1925)

237. ПОЛЯ

Поет мадонна этих гор и дола,
Над полем пролетают журавли,
Серп на руке — обломок ореола —
Слепит, поблескивая издали.

Клик журавлей и голос одинокий
У полустанка в тишине полей...
Уже я различаю стан высокий,
Отчетливее платье и белей.

А этот блеск — до слез уже, до боли!
А солнце в роще — золотой паук...
И никогда не ведала неволи
Ее душа! Прозрачный этот звук...

А что, неведение — залог свободы?
Но я сегодня думать не хочу,
Я слушаю мелодию природы,
Я улыбаюсь острому лучу.

И ранняя вечерняя прохлада —
Такой свободный, ясный вздох земли...
Поет мадонна, проплывает стадо,
Как в облаке, в оранжевой пыли.

(1925)

238. СНЕГА ВРАЗЛЕТ, НАИНСКОСОК ЛЕЖАЛИ

Снега взалет, наинскосок лежали...
Как в книгах Диккенса, на склоне дня —
Поленьев треск, раздумье у огня...
Вдруг настезь окна, ветер пламя вздул
И кто-то прямо в сердце мне шепнул:
«Бумаги — в пепел! В прах мечты развеи!
И двинь вперед корабль грядущих дней!»

...Снега взалет, наинскосок лежали...

(1925)

239. ВОРОНЕВОК

Ветер, пролетев лесной сторонкой,
Из гнезда похитил вороненка.

Полон лес шуршанья, скрипа, гама;
В нем шатры дубов — как своды храма.

Травы на лужайке чуть примяты —
Ложе из трилистника и мяты.

Плачет ветром схваченный спросонок,
Унесенный в чашу вороненок.

Грохнул гром и, рассыпаясь трелью,
Покатился эхом по ущелью.

Поднялся в овраге хохот, шепот,
Частого дождя немолчный ропот.

(1925)

240. ПЛАТАНАМ ШИНДИСИ

С чем платаны Шиндиси сравню?
С чем сравню той поры несравненность?
Ее утро, ведущее к дню,
Ее детских молитв откровенность?

С чем тебя я сравню, моя мать?
Что ж не брошусь я к скважинам, щелкам,
К окнам, чтобы на миг увидеть,
Как идешь, как белеешь ты шелком?

О, платаны в Шиндиси моем!
Я не понял закона простого —
Да, напомнит одно о другом,
Но одно не заменит другого.

Так о детстве всерьез и шутя
Я заплакал, отверженный странник,
Уж не я, а пное дитя
Его новый и милый избранник.

Нет замены вокруг ничему:
Ни пичужке, порхающей в выси,
Ни цветку, ни лицу моему,
Ни платанам в далеком Шиндиси,

(1925)

241. ДУБЫ

Яблони чахнут, поникли и нежные лозы —
Видно, промчались над ними жестокие грозы.
Но погляди — чем древней великаны-дубы,
Тем они крепче, тем больше в них свежести, мощи.
Несокрушимой твердыней стоят они в роще,
Силы накапливая для грядущей борьбы.

(1925)

242. ИЗ ПРОЗЫ БУДНЕЙ

Чем дольше сон, тем непробудней
Мечтатель грезит и парит.
И ты, мой брат, из прозы будней
Заброшен в мир эфемерид.

Тебя влекут полунамеки,
Обходят сердце стороной
Высокопарные уроки
Нагой премудрости земной.

Напев о родине навеки
Пленяет шелестом листвы,
Но мертвенны библиотеки,
Книгохранилища мертвы.

Не фразы — лишь обрывки речи,
Обмолвки чувства пьются всласть,
И дни — ночей слепей и резче,
От красноречья гибнет страсть.

Глядит, как мальчик на мужчину,
Суровый век. . . Его влечет
Цель ясная. . . Ведет в пучину
Не ослепленье, а расчет.

(1925)

243. О БЫТИЕ, ЛИКУЙ И ДЛИСЬ!

И вышла ты из мглы веков
Воздушными стопами —
Со всею негой лепестков
И тонкими шипами —
Сердца, как розы, обнялись.
Колблемое пламя,
О бытие,
Ликуй и длись!

Сиротства нет.
Со мной, с тобой —
Уже в одной куртине —
Шопен — твой ангел голубой,
Мой демон — Паганини.
В огне моем — прекрасна ты —
И холодна...
Твои черты
В огне моем — отныне!

(1925)

244. В ПОЕЗДЕ

Пестрят пригорки, как жирафы.
Экспресс — со скоростью молвы.
Уже в тоннель войти пора бы —
Не испугаетесь ли вы?

(1925)

245. КОГДА ЛУНА СВЕТИТ ДНЕМ

Клубятся облака — и мысль
Проходит по челу гиганта —
Всей острой тяжестью пришились
Мы прямо на плечи Атланта.

Как собственный на небе след,
Луна там светится дневная,
Как бы незримо пеленая
К ней тя-ну-щи-й-ся предмет.

И день белесо-голубой —
Сквозит, как северная сага.
Потягивает из оврага,
И будет ветер. Листобой.

Свет двойственный и колдовской
Вас очарует и остудит,
И будет вечный день-деньской,
А ночи никогда не будет.

(1925)

246

Ковры, свисающие с башен,
Шелка, завесившие зал,
Где, шкурой тигровой украшен,
Когда-то Тариэл блистал.

Я видел сны, но здесь, по сути,
Роскошней лал и изумруд.
Над стенами дворца Гегути
Века давнишние идут.

Встает Тамара у колонны
Как тень, в плену нездешних дум.
В шатер ресниц, чуть увлажненный,
Уже врывается самум.

Араб, гордящийся тюрбаном,
С щитом стальным у двери стал.
Песнь, занесенная Ираном, —
Как дуновенье опахал.

И сладкозвучен чародейный
Гафиз, прославленный стихом.
Фонтан не молкнет у бассейна.
Мы снова Руставели ждем!

(1925)

223

247. СПИТ ТБИЛИСИ

И беспробудно. Забившись под мост,
Дремлет и бредит Кура, как собака.
Ветер — по черни, по инею звезд —
Душу уносит. . . а бросит, однако.

Чувствую, право: я жив, не убит.
Будто бы жить меня сызнова учит
Старый сверчок, что в камнях свиристит,
Нитку свою бесконечную сучит. . .

И ни о чем не мечтаю. Ничью
Душу собою не обременяю.
Идолы, верованья — дурачью
Ныне в закон и во благо вменяю.

Замки воздушные прахом легли —
Пала роса. И ни слова о Боге.
Мне — всё — равно. А снега расцвели. . .
Черт побери: розовеют отроги. . .

1925

248

Пронесся гневный ураган,
Но тень одна чарует странно,
Хоть не звенит струя фонтана
О тайнах недоступных стран.

И всё властительней дурман
Мечты, томящей неустанно.
Как паланкин, луной венчаный
Тбилиси кутает туман.

Уйдут года, но старых ран
Нам врачевать не будут боле,
И сердцу не избыть той боли!

Где чары недоступных стран?
И страсти стон, что мы ловили,
Не бросит в ночь Сараджишвили,

1925

Легкое облако! Ты сквозь небесную тишь,
Словно горячий скакун по утесам, летишь.

Ветры ущелий несут тебя в дали, и хор
Утренних рек — величаяя музыка гор. . .

Сколько в тебе самобытности, света, огня!
Новый рассвет означаешь ты и для меня.

Пусть же все грозы, метели и всплески мечты
Столь же легки и бестрепетны будут, как ты!

1925

250. ПОЭМА ТИГРА

В этой жаркой дремоте поступь тигра слышна.
Прокричи обреченно все слова, имена:
Всё, чем жив человек, всё в «Вепхисткаосани»
С небом, с грешной землею смешалось сполна.

Где теснятся растенья оживленной толпой,
Тигр проходит своею непреложной тропой.
Милосердный и грозный, он действует властно
И царит и господствует рядом с тобой.
Мастера разрушенья собирают свой съезд,
И огонь за мгновенье всё обуглит окрест.
Кто хотел низвести на горящую землю
Холодок и спокойствие вышних небес?

Но и камни расселись в ожидании слов,
И самум не пугает потрясеньем основ,
Мир, открывшийся вдруг, не моложе санскрита,
Но Восток ведь всегда неразгадан и нов.
Вот мечта без свершенья. Триумф без венца.
Есть ведь песня: звучит и не чует конца —
Так спокоен душой бедуин, осознавший
Равнодушие неба и холод творца.

Маяя, мать мирозданья, подымает главу —
Мутный ливень столетий прошумит наяву.

Род людской будет чередовать поколения,
Словно древние древа листву.
А едва лишь колосья отсекут от корней,
Вихрь помчит их в долины по земле и над ней.
Так зажжем же огонь! И пускай наше пламя
Будет светочем света, огнем из огней!

То ли вновь юго-запад древних зендов повлек,
То ль индийскую лиру встретит юго-восток,
Там, где катится Инд, где Пенджабским ущельем
Пробивается Ганга рычащий поток,
Дым, тяжелый и душный, расстилается вдаль,
Превращается в дымку, в световую вуаль —
И внезапно взорвется, чтобы лира вздохнула
И свободно вдохнула лавр, и мирт, и миндаль.

Но туман Гималаев, бездну с небом связав,
Разве тучи удержит? Ливень хлынул стремглав!
Шестьдесят тысяч войска усталые кости
Запоздало омыты в сумятице трав.
Опрокинувшись в небо посреди бела дня,
Кораблей там, в лазури, дождь коснется, звеня,
И всё небо окрасит цветами пожаров,
Будто сам он исполнен не влаги — огня! . .

Дышат тропики жарко. Пылок Лакедемон.
Друг откликнется другу на зов и на стон.
Вновь крылом шелестит мудрый демон Эллады,
Древний гений Египта кличет с разных сторон.
И вокруг возникает голосов череда —
Тихих-тихих, как брызги, как святая вода.
О, кому только в сердце стрела не вонзалась. . .
Всё вокруг умирало, стихи — никогда!

Лев скачком возникает из чашобы сырой.
Мчит стрелой заостренной конь. За первым — второй.
Элегическим полднем Озирис с Изидой
О страстях беспощадных заплачут порой.

В Аравийской пустыне посреди пустоты
Ждут оазисы вечно, как большие кусты.
В чьем ты подданстве, гордое племя арабов?
— Раскаленного неба и вечной мечты.

Пусть всеядное пламя пожирает посев,
День грядущий подходит, зыбь песков одолев.
Караван отклоняется к новой дороге,
В бубенцах собирается новый напев. . .

Был он рыцарь душою. Как он жил — словно взрыв! —
В мире всадников, четких в остром пламени грив,
В век, который не только собирал фолианты,
Но и сам создавал их, себя озарив.
Что в себя поглощает дух столетья и быт
И под чем от потомков смысл эпохи сокрыт —
Это крыша из дранок — защита от ливней небесных,
Под которой история древность таит.

Как свободна пустыня, как она далека!
Бедуины умчались. И не помнит строка
Тех столиц, что, потягиваясь лениво,
Исчезали навеки в пучине песка.
Всюду новых названий слышен клекот и свист,
И в оазисах новых наливается лист.
Но былых голосов отголосок внезапный —
От жары ли пустынной? — особенно чист.

Караваны верблюдов и отары овец. . .
Где шатры у дороги, там дороге конец,
Там в присутствии призраков гостеприимства
День с янтарным закатом разошлись наконец.
Но затем — сотрясение, вихри пламени, вскрик!
В стан, где сна и покоя ждут и мал и велик,
Бьет поэзия властно, как молния в древо,
И встревоженный хаос взрывается вмиг.

За помни и во здравье! Во имя добра!
За тебя эти чаши, золотая пора!
Твой поэт был судьей, бедуином, солдатом,
А не просто счастливым слугою пера.
Что я молвил! Не знавший ни преград, ни помех,
Он был — гром, сотрясавший всё: и подвиг, и грех.
Необузданный вихорь, любимец народа,
Не утехой он был — утешеньем для всех.

Эту книгу веками охраняет Восток,
Осеньет пергамент, сохранив каждый слог.
Где-то пальмовый лист под кровавой слезою,
Где-то кость под резцом превратилась в листок.

Так и впредь. От становищ, от случайных имен,
От тоски безвременщин и от пыли времен
Витязь дальше и дальше. Не знают провидцы,
На какие вершины подыметса он.

Вот ушел Руставели — счастье скрылось вослед,
Кто нам скажет о небе: озарится иль нет?
За лесами столетий в неизвестной лощине,
Говорят, полыхает невиданный свет.

Мне сдается: надежда не для краха дана.
Но еще мы, случайно разбудив времена,
Причастимся, даст бог, тайнам книгохранилищ,
Так сокрытых искусно, что бессильна война.

1926

251

Свист косы на влажном поле,
Аромат травы кругом.
Косарям теперь раздолье
Под лазоревым шатром.

Время отдыха не просит
И цветы срезает зло.
Час придет — и осень скосит
Всё, что жило и цвело.

1926

252

Они не слышали пророчеств,
Блеск солнечный покинул их,
Им выпал час глухих урочищ
И демонов глухонемых.

И будет снег тяжел и черен,
Когда их снегом занесет.
И станет горек плод, и корень
Не будет сладок. . .

1922, 1927

253. НАРОД И ПРАВИТЕЛЬСТВО

Я вижу Европу —
                    разлеглась у подножья
Двух идиолов,
                    что двуединый уют:
Сверху вниз —
                    плюют
                    из Правительственной ложи.
Снизу вверх —
                    в Правительственную плюют.

(1927)

254. ТЫ ПОВЕРЬ

Ты поверь, коли не веришь
Траурным колоколам, —
Без тебя, в любви изверься,
Мне не петь эпиталам!

Ты поверь, коли не веришь, —
Обошел я шар земной,
И напутственная ересь
По пятам неслась за мной.

(1927)

255. БЕЛЫЕ ВЕТРЫ

Рассвело и заблестало!
Время белое настало.
Горы и село —
Всё белым-бело.

Будут ветры белые,
Сумерки сиреневые,
Будут сказки первые
И стихотворения.

Берег крут, вода черна,
И Зима — на кромке.

Осень, Лето и Весна —
Три сестры-сиротки.

В очаге полено тлеет,
Вяжутся слова,
Клонится и тяжелеет
Бабушкина голова.

Быль не больше, чем изнанка
Сказки золотой. . .
Снег заладил спозаранку
Влажный и густой —

На родимое крыльцо,
На худое деревцо, —
И румянец деревенский
Лег на белое лицо.

(1927)

256. ТАК БЫЛО И ПРЕЖДЕ

И в те далекие века
Был лес угрюм и молчалив.
Под серебром чадры река
Ловила тихий шорох ив.
И шорох ив, и шелест нив. . .
О милый край, как ты прекрасен.
Бег времени тягуч, ленив,
Но лепет молодости ясен!

(1927) .

257

Шла по лугам, как река винного пламени.
Только приблизился, вмиг мертвой прикинулась!
Оцепенел — потекла — и обняла меня —
И, не пропала пока, сердце не двинулось. . .

Сонная дева-река — дымный и дремлющий
Взор обнимает меня — синее бедствие. . .
Солнце высоко — стою — пламяприемлющий,
Помнящий праледника́ грозное шествие.

(1927)

258

Мечта вела его тогда,
Волн молодых разбег и мера,
И — солнце страсти — череда
Родных имен — из уст Гомера!

Он весь отдался им — уснул,
От грома их оглохнув в гроте,
И в Аттику свою скользнул
По синеве и позолоте. . .

Но посуровела игра,
Он времени вцепился в гриву.
А сны сбывались: кровь и мгла,
Восторги и проклятья — Риму.

А нынче снег. Он бел и тих.
Был тих Овидий присмирелый. . .
А на коленях на твоих —
Том золотой и фартук белый.

И черноморская зима,
Что сходит нехотя по склону,
И моря черная кайма —
Всё это видится Назону. . .

(1927)

259

О друзья, наша тайная вечеря,
Может быть, во спасенье векам?
О мой верный Иуда, ведь нечего
Сокрушаться о будущем нам?

231

Кто способен предать нашу искренность
И собратьям подвох преподнести?
А один из двенадцати избранных
Обессмертит учителя днесь. . .

(1927)

260

Возврат веков. Раскрылись двери,
Пока мы ждали.
Явилась ты, обетам веря,
Из светлой дали.

Тебя поток принес могучий
В мятежной пене.
Ты смелый муж, избранник лучший
И светлый гений.

Слух о мечте преображенья
По миру бродит.
И над обломками крушенья
Луна восходит.

(1927)

261

Достиг ажиотаж предела,
Но все бесится партер:
Я — не во сне, на самом деле
И наяву — миллиардер.

Но для кого воздвиг я башни
Воображенья и химер?
Я без тебя — лишь ангел падший,
Банкрот, а не миллиардер.

(1927)

232

262. ДРУГ МОЙ, ЯРАЛИ

«Друг ты мой, Ярали!» — Так звучала проповедь
Из уст Орбелиани. . . И все, осоловев,
Вслед за ним орали, продолжая требовать
Хвалебных излияний — вину и Саломэ.

Время это кануло в бездну, и тифлиссские
Улочки и домики туда же смещены.
А стены Нарикалы пятятся тоскливо,
Железнодорожную волынкой смущены.

Мне с пригорка видится строек чет и нечет.
Восхищен бетонными гигантами и я. . .
Чем развлечь мне витязя? Нечем, милый, нечем!
Времена те канули в поток небытия.

(1927)

263. В ПОЛЯХ

Поля без края, без границ
Усеяны толпою жниц.
Янтарны, золотисто-буры
В глубокой синеве дневной,
Как будто барсовые шкуры,
Они простерлись предо мной.
В далекий край под облаками
Несутся утки косяками.
Моя мечта над высотой
Всплывает в лодке золотой.

(1927)

264

На склонах — снежные отары,
В снегу деревья, всюду тишь.
И в зимний день Тифлис мой старый
Обводит тушью тени крыш.

233

Где бабочки расцветки белой
В мечтах пьянительных весной?
По улице оледенелой
Толпа людей — как рой густой.

Вот купол, еле уследимый
В час вечереющей поры,
Но где она в разливе дыма —
Тень от Давидовой горы?

О, белое великолепье!
Не Русь у нас, и тяжелы
На юге северные степи,
Снега и синь морозной мглы.

(1927)

265. ПО ДОРОГЕ К МЦХЕТА

Цепи гор убегают темною вереницей.
Уж не здесь ли когда-то всемирный потоп прошел?
Под задумчивым солнцем Мтквари легко струится.
Луг цветами оранжевыми зацвел. . .

Как прекрасны сады в густом золотом загаре!
Мать уносит сына в прохладную глушь аллей.
Словно с лестницы, вниз сбегает поспешно Мтквари,
Вырывается на широкий простор полей.

(1927)

266. ПО ДОРОГЕ ВО МЦХЕТА

На праздник во Мцхета спешу, как в былые года.
И снова заходитесь сердце, — какие просторы
Откроются зрению, когда подъезжаешь туда,
Какой стариною поныне полны эти горы.

Да, мы и сегодня дорогу торим средь теснин
К скалистым твердыням и храмам, оставленным
намн. . .

Во Мцхета спешу я. Зари догорает кармин,
И женщина в черном бредет вдоль межи за быками.

Уже Шио-Мгвиме мелькает и рвется назад,
И крепость на взгорье растет отголоском преданий.
Плоты по Куре вереницей плывут на закат,
Теряясь вдали негативами воспоминаний.

Проносится холм островерхий, как шапка Шота,
Дымок паровоза сливается с дымкой тумана...
Закроешь глаза, и вечерних полей немота
В душе зазвучит, нарастая, как гул океана.

(1927)

267

Виноградом и спелым хлебом полны долины.
Ветки ломит тяжесть орехов и крупных слив.
Близ Метехи орлы, орлы — целый стан орлиный.
И Гракали тонет среди скошенных нив.

Солнце осени знойно, зреют плоды от жара.
Над землею синее марево чуть дрожит.
Возле Уплисцихе поваленная чинара,
Разметав листву, вблизи от путей лежит.

(1927)

268. НЯНЯ

Сбились куранты хриплые.
В розовый палисадник
Звуки насилу выплыли —
Семь последних, надсадных.

Утро глядит воскресное
В мутное и растреснутое
Зеркало черно-овальное.
Няня листает Евангелие.

Взгляд поднимает блеклый
К дагерротипам блеклым...
Благовест отдаленный,
Бой — с шипеньем и клекотом.

235

Зубчатая закладка —
Высохшее алоэ...
Больно, сладко
Шевельнулось былое.

(1927)

269. Я СПЛЮ

Я сплю,
Сгустилась ночь, и сумрак тих.
Я сплю...
Усмешка на устах моих.

Иные сны мне видятся во сне,
Не те, что вам. Мое — всегда во мне.

Я сплю — не убаюкали меня,
Я сам уснул, я жду начала дня.

И на мое недужное чело
Недоброе предчувствие легло.

(1927)

270. МОСТ РИАЛЬТО

Блеснет алмазная подвеска,
Стопа увлажнит камень сизый...
И вспархивает арабеска
Ввысь — до зубчатого карниза.

Той — возле — облачной и белой —
Тенеподобные рабыни...
Окрестный свет, живой и целый,
Являет странные глубины.

Стареют грубо и прекрасно
И замок и быки Риальто...
Одухотворено пространство
Затем, что близость ирреальна.

Ковры и чаша благовоний,
Покров воздушный и стыдливый,
Жест плавный и неторопливый
И взгляд невинный и невольный.

Едва рука воды коснется,
Как море вздрогнет в отдаленье!
Стена тяжелая качнется,
Риальто рухнет на колени...

(1927)

271. ПОРА

Осуши эту чашу скорей
И постылую кровь разогрей.
Это все-таки проще, чем прочь
Отгонять леденящую ночь.
Это всё же вернее, чем ждать,
Будто кто-то придет нас спасать.
Времена выдают на-гора
Смерть и скуку. Ну, пей же, пора...

(1927)

272. ОН ЗАПЕР ДВЕРЬ

Он запер дверь — и тем замкнул
Пространство внешнее. В мансарде
Не слышен многоустый гул,
Порывистый, как ветры в марте.

Ударил в крышу град — и стих,
Как барабаны наступленья.
Он обратился к розам — к их
Всеведению и цветенью.

Донесся возглас... Дело в том,
Что упоение безбрачно.
Он затопил камин. С огнем
Всё было ясно и прозрачно —

И мыслей и предметов круг.
Чекань, огонь, свою чеканку!
Пространство замкнутое — вдруг
Вывернуто наизнанку!

(1927)

273. ВОЛНУЮТСЯ

В розах голоса обитали.
Только я вышел в сад —
Заволновались, залепетали
Неуловимо в лад:

«Не укроется от Эрота
Даже Первый поэт!»
— «О, это вы! Это природа. . .
Не укроется, нет.

Посвящаю все мои книги
Первой — только одной. . .»
Поняли и поникли
Тихо передо мной.

Некогда тайных
Я причастился сил:
Я из пальцев хрустальных
Э т о дыханье плл.

(1927)

274

Вот и майские взоры, как встарь,
Опьяняя, лукавят со мною,
Словно стужей не веял январь
И февраль не болел белизною.

И фиалки раскрылись, спеша
Лиловеть на лугах без стеснения,
И от спячки очнулась душа
Для восторга, любви, нетерпенья.

(1927)

275. КОЛЕБЛЕТСЯ АРФА

Исцелится ли сердце?
Бесконечно пространна
Сонного небосвода ленивая арка.
Глуховатого цвета коралла
Розы вянут,
И ветра колеблется арфа.

Содрогаются струны,
А звуки безмолвны.
Потемневшие своды отложе и ниже.
Переходами жизни мучительно полно
Угасание сердца.
Тише, прошлос, тише.

(1927)

276

Приду, расцелую
Мою дорогую
И горькое слово
Скажу ей, ревнуя, —
Чтоб ветры красую
С пути не сбивала,
Чтоб зорькой весенней
В ночи не пылала;
Скажу ей такое,
Чтоб больно задело,
Чтоб век разлюбить уж
Меня не посмела!

(1927)

277. ВОРВАЛОСЬ В ОТКРЫТЫЕ ДВЕРИ БЕЗУМЬЕ

Я жалуюсь песне, сдаюсь и пасую,
Гремлю кандалами грешно и потешно.
Ворвалось в открытые двери безумье
И вырвало с корнем последнюю нежность.

В душе — пыль столбом. Пошатнулась ограда.
Не воскресить замороченной лиры.
Дарую прощенье и миру и граду!
...Ноябрь леденит очесами валькирий.

(1927)

278. ОТКРЫТ ЧЕРЕП ГОРОДА

Череп города открыт,
В комнате распахнут сад,
Дует ветер, как с горы
Дальней песни голоса.

Это синий шум парчи,
Шелест шелковых долин,
Где цветок с цветком звучит
В ветра зеркале недлинном.

Грянет гром. Глядит из глуби.
Рубят во дворе дрова.
Лирик рифму приглубит —
У грозы свои права.

(1927)

279. ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Пятнадцать лет тому назад,
Пятнадцать лет назад,
Как Чарльза Диккенса герой,
Сидел я у огня.
Смеркалось. Тени в полумгле
Метались невпопад.
Мечты о прошлом и вишно
Туманили меня.

Уже отчаялась свеча
Дарить потемкам свет,
И лишь вино в полночный час
Опорой было мне.
Да полно, вправду ли с тех пор

Прошло пятнадцать лет?
Свеча дотлела, и душа
Томилась в тишине.

Под утро ветер налетел,
Распахивая дверь.
И леденящим сквозняком
Продул, как флейту, стих.
Принцессу ирисов я звал —
Да где она теперь?
Мечтал о розах голубых —
Да кто отыщет их?

(1927)

280. ТЫ ОПЯТЬ ГОРИШЬ ВОСТОРГОМ

Забудем старые печали,
Поднимем храмы из руин,
Восторга полными очами
Увидим свет — как при начале, —
Но горизонт перекроим.

Душа летает налегке,
Не зная горя и обиды,
И нежные эфемериды,
Мечтатель, у тебя в сачке!

Тебе подвластно всё на свете
И недоступной нет мечты,
Но плакать так, как плачут дети,
Захочешь — и не сможешь ты.

(1927)

281. МАЙСКОЙ СТРЕЛОЮ

Месяц — розарий! Светятся жарко...
Так опьяняйте, розы!
Побокую распри: недругов жалко —
И подступают слезы.

Сбита стрелою Амура — пара
Лодок, скользящих мимо,
Двигается облачная отара,
Яркой луной гонима.

Землю Амур одаряет лаской,
Радуется долинам.
Здравицы — благоуханной, майской —
Стань нареченным сыном!

(1927)

282. ВЕЧЕР, ЧТО С ТОБОЮ?

Светила в ежечасном
Полоне у химер,
Дней караваны тяжкий
Нам подают пример,
И разум в хаос ввергнут,
И я своей стопой. . .
О, что с тобою, ветер?
О вечер, что с тобой?

(1927)

283. ЧАША ПЛАМЕНИ

Водоросли, колеблемые
Музыкой бездыханной, —
Так движения медленны
У плясуньи странной.

В голубоватом ладане —
Призрачная — плыла. . .
Дайте — вина и пламени
Чашу выпью дотла!

За тебя — за погибшую!
Помни — тебе пою
Песню эту охрипшую,
Славу — и литию!

Пусть над бездною висится
Гений — судьба моя...
За тебя, ненавистница
Сонного бытия...

Складки ветра и пламени
Обрывая, клубя,
На обрыве, на ка-ме-ни
Утверждаю тебя!

(1927)

284. МОЛЬБА ФОНТАНОВ

Соприкасаясь с небесами
волной фонтанной,
Воспоминанья нависают
с небес над нами.
Дробясь на тысячу градаций
души и плоти,
Их струи пеною рядятся
в своем полете.
Сироткам — сестринской подмогой,
слепцам — подачкой,
Фонтаны молча молят бога,
вдыхая тяжко.

(1927)

285. ВОРОНЫ СЛЕЗЫ

Ворон ворону кивает
со своей вершины.
— Погибаем, погибает! —
плачет одержимый.

— Как помочь в беде, решаю,
беспризорным детям!
Что-то слишком сокрушаюсь
о судьбе я чьей-той!

Горести не ведаешь?
Сласти не отведаешь?

Говорит: «Хочу
Снять с души проклятье —
Золотое платье,
Душную парчу».

(1927)

288. ЭТА НОЧЬ...

Вряд ли эта ночь пришла по мне бы.
Солнце предрассветное — по мне.
Души заклеянные на небе
Догорают в медленном огне.
Слушайте! Потихе, если можно!
И нельзя ль унять больную кровь!
Снова Белоснежка, Босоножка
Хоровод заводят понемножку
С рифмою старинною — «любовь»...

А над вами злобно и безбожно
Громы мечет Мефистофель вновь.

(1927)

289. ВАШ ДОМ

Ваш дом, лишь ступлю на знакомый порог,
Встречает меня непритворно и пылко.
Его безыскусной душе невдомек
Глухая досада, сухая ухмылка.

Прибежище мне от мытарств и обид,
Без слов он отпустит мои прегрешенья,
И сердце для радости перекроит,
И горло мое перестроит для пенья.

(1927)

290. ЖДУ УРАГАНА

Не верю Страшному суду:
Здесь гибель — здесь осанна!
Успокоения не жду —
Жду урагана.

В магическом круговороте,
Круговороте лет и тел —
О, я б хотел
Быть ясным, как Буонарроти!

И я глядел во тьму дорог,
Где юный, бледный скрылся август...
Когда б я мог
Осилить хаос!

Погибну сам —
Нет, неужели...
Взлетает к ясным небесам
Корабль Шелли.

(1927)

291. ЕГО ПАФОС

Пафос его чрезвычайно высок,
Он несгорающим пламенем добыт.
Знаниями убеленный висок
Миру являет свой норв и опыт.

Глаз его — высший всему судия,
Он не нуждается в сводах законов,
К мысли жестокой однажды придя,
Рушит Версали он и Трианоны.

(1927)

292. СЕРДЦЕ, ЧТО С ТОБОЙ ТВОРИТСЯ?

Осенью, цветочной пеной
Дни свои позолотив,
Я из старого напева
Напою один мотив,
Слово в славу обратив.

Где могу найти я пристань,
Как мне жить и чем дышать?
Сердце, что с тобой творится?
Что стряслось с тобой, душа?

(1927)

293. ДИТЯ, ЗАВЕРНУТОЕ В БУМАГУ

Семь раз на башне городской часы пробили.
Привычный дворник, что косарь на сенокосе,
Ритмично гонит легкий вал листвы и пыли.
Как много листьев и афиш срывает осень!

Как накануне ветер рвал из рук газеты...
Как ночью хлопали, рвались афиш полотна...
Но почему бумажный лист, метлой задетый,
Вдруг заупрявился, к земле прижался плотно?

Эх, дворник! Что найдешь в пыли? Лежит
подкова...

Сапог, чья кожа иссеклась и обветшала.
Но не случилось на веку твоём такого:
В пеленках свернутых афиш — дитя дышало!

Младенец — малый человек — любви подарок.
...Обычный текст. Высокий шрифт — других
не выше,

Ни бпечаток на бумаге, ни помарок,
О представленьи цирковом твердят афиши...

(1927)

294. УЛИЦА-ПЕВЕЦ

Осталась улица певцом
Из тех годов тридцатых:
Одно лишь рубище на нем,
Но вид молодцеватый.

Его ласкает ветерок
И дождь по шляпе треплет.
Кто он — непризнанный пророк
Или безумный дервиш?

Вокруг о бездорожье все
Толкуют непременно,
А он — не изменясь в лице —
Героем безвременья.

(1927)

295. НЕТ, НЕ ДАНО ЭПОХАМ ПРАВО

О, жалкая мечта о славе!
Сознаемся, что он смешон —
Минутный, миллионноглавый
Расхожей вечности поклон!

Но не дано эпохам право
Запанибрата быть с моей!
Предсказана иная слава
Ей в памяти грядущих дней!..

(1927)

296. РОЗЫ

О, не прогневайся, горькая проза!
Продолжаю первоначальное:
Будет свет и свежие розы:
Красная, белая, чайная.

Вами увенчан праздник Эллады,
Эрос и Флора, музы и грации...

Если бы я писал диссертации,
А не баллады!

Пир несравненного Анакреона,
Не иссякая, длится:
Лиры и лавровая корона,
Розовы лица...

Розы кровавые,
Тернии Пинда.
Тернии ржавые
Прими, Мтацминда!

Время сплошное. Будто не движется
День послезавтрашне-позавчерашний.
Молодость милая, дерзкая книжица:
Череп в цветах улыбается страшный...

Очарования Боттичелли,
Искушения Буонарроти,
Розово-мраморное свеченье...
Ни диссертаций, а паче — пародий!

1927

297. ГОРОД ПОД ВОДОЙ

Трещали мачты, паруса рвались,
И НЕТТЕ штормовал в вечернем море.
Я вижу паруса на ТЕОДОРЕ, —
Борись, бесстрашный!

Слабый, помолись!

Свобода!

Ветер, и стихи,

и ключь-я

Пены бурой,

и душа бездонна,

И судно обхватить и уволочь

Хотят медвежьи лапы Посейдона.

Где море? Или небо? Страшный шум!

Багровый Феб на мрачной колеснице

Проносится куда-то наобум,

И с Хаосом пора бы породниться...

Видения и волны громоздить
Мне весело под шторм неугомонный,
Но этот звук...

Отдельный,
затрудненный,

Он тянется, как золотая нить,
В пути слабеет — долог путь кромешный.
Далекий звук — колеблющийся, нежный,
Совсем особенный:

колокола

Из глубины — а глубина светла!
Ну да, я странствую на ТЕОДОРЕ,
Пустыня мне назначена, и мгла,
И молот в сто пудов: оглохнешь с горя
И ждешь еще...

А глубина светла...

Будь выше бед! — Вы помните? Не я ли
Вам дал пароль надежды и борьбы,
И — пусть не поняли — вы напевали,
Как мне — далекий колокол Судьбы.

Я помню утро небывалой глади:
Дыханье затаил, пропал прибой.
В хрустальной синеве,

в обширной пади

Едва мерцал тот город голубой.
Я башни угадал сторожевые,
И стены, и размытые дома,
И вглубь спускались улочки кривые,
Где тучей сизой залегала тьма.
Но тайным изволением и чудом
Там жизнь была...

Размыты все следы,

И кости камнем стали,

но

под спудом

Бездушного забвенья и беды
Хранится жизнь!

О, доставали клады —

Сестерции и драхмы — пусть их, пусть...
Ни золота, ни света мне не надо,
Когда не разделю я

эту грусть.

Я всё узнаю у ночного Понта,

Едва луна восточная взойдет, —
Мерцанье неба и мерцанье порта.
Никто не помешает, не спасет.
Где оборвутся странствия Улисса?
Не всё ль равно? Я знаю, что в раю
Я различу с небес огни Тифлиса,
Как ныне — Диоскурию мою.

По звездам — час.
Хотите — с вашим сверьте,
Пробившим двадцать пять веков назад.
Пространство времени,
Пространство смерти
В такую полночь проникает взгляд.
И мне, поэту, ангелу печали,
Вы, погребенные во глубине,
Поведаете то, что завещали,
Что там навеки залегло на дне.
Я одарен счастливою судьбою,
Как та великодушная среда,
Где жизнь от смерти ленточкой прибоя
Отделена...

Невелика беда!

Так я восславлю света киловатты
И железобетонную пята
Прогресса...

Погодите...

Дело свято:

Мы разрешаем мертвых немоту.
Еще вы слушаете?

Берегитесь,

Вы не смотрите в море глубоко,
Случайно где-нибудь не оступитесь:
Покажется небожно и легко.
Так было в бурю:

звук уединенный

Позвал меня в такую тишину,
Что вмерз в пучину

НЕТТЕ наклоненный...

Разбил я море —
Возродил волну!

1927

298. ЭПОХА РОДИЛАСЬ И КРЕПЛА

Эпоха родилась и крепла,
В гражданских бурях крещена.
Из грома битв, огня и пепла
Пришла в смятенный мир она.

О боль последнего крушенья!
Мы не забыли ничего.
Мы помним дым уничтоженья
И воскресенья торжество.

Зима, а после — наводненье,
Подземный гул колеблет Крым,
И засухи ожесточенье
Мы на земле грузинской зрим.

Опять мечи кует Европа,
Хоть не снята повязка с ран,
И вот для нового потопа
Незримо зреет ураган.

Ужель не помнят джентльмены,
Как, бросив горны, новый класс
Поход пришельцев дерзновенный
Отбил и честь народа спас?

Ужель так скоро позабыли,
Что нам в беде неведом страх?
О, дни бескрылых эскадрилий,
О, холод в брошенных цехах!

Призывы радио к спасенью
В года, грозившие бедой,
Народ, сражавшийся под сенью
Знамен, украшенных звездой! . .

Во прахе край опустошенный,
Но молоты звенят уже.
И слышен шаг революционный
На перепаханной меже.

Мы невозможного не знали,
Без жалоб тяготы несли,

Свернув с пути, на перевале
Порой тропой обходной шли.

И дом, воздвигнутый руками
Бойцов, уже предстал глазам,
Хотя порой не каждый камень
Ложился, как хотелось нам.

Еще вокруг немало щепок
И бревен, годных лишь на слом.
Но остов дома прям и крепок,
Хоть много рухляди кругом.

Еще шагать у стен не просто,
Еще лесами скрыта даль,
Но дом растет, стремится к звездам,
И труд с бетоном вяжет сталь.

А человек, как дерзкий зодчий,
Разметив заново года,
Провидит всё ясней и зорче
Торжественный венец труда —

Страды великой завершенье,
Воспламеняющее взор,
И недругам наперекор —
Отечества преображенье.

Свод неба, солнцем озаренный,
Сверканье солнечных палат,
Мир, от цепей освобожденный,
И новый лад.

(1928)

299

Когда по вечерам
Мтацминдский ветер дует,
Я радость, как вчера,
На улице найду ли?

Лишь, пролетев горой,
Краснее, чем комета,

253

Автомобиль порой
Швырнет потоки света.

Из дому — никуда!
У вас глаза без дрожи,
Глаза — как изо льда,
Голубизны такой же,

И пальцев белизна
Ценнейших глин атласней.
Но в Грузии у нас
Все женщины прекрасны.

Пусть ветер за стеной, —
Камин наполнен жаром.
Вам в кресле всё равно
Зима не угрожает.

Полулежите в нем,
Поете, согреваясь
Старинных строф огнем...
Под лампой шелк играет.

И в жизни тишина.
И в доме тихо тоже.
И жизни полусна
Ничто не потревожит.

Всё шелест книг глушит.
Вы у луны во власти,
И счастье к вам спешит...
Как зыбко это счастье.

А рядом мир иной,
Совсем вам не известный,
А рядом за стеной
Звучит декрет железный.

И молоты стучат
Гигантскими ночамн.
С Америкой хотят
Бороться англичане.

Быть может, завтра, да,
Восстаний день настанет.
Импери звезда
Закатится в тумане.

За вашу стену
Войной горят луга.
И вам не всё равно, —
Очнитесь, дорогая.

Не всё же в мире так,
Как хочется, чтоб было!
Каких еще утрат
Открыты будут силы?

И свет, что так хорош,
К вам льется на колени...
В том лунном свете дрожь
Грядущих потрясений.

(1928)

300

О, сколько в этой жизни яда,
Измен и лжи, ночей без сна!
Гостиниц тягостны громады,
Больниц ужасна белизна.

Страшней отрав — воспоминанья,
Жильцы с тревогою в душе...
О, граммофонов завыванье
Над чушью, тиснутой с клише!

(1928)

301

Художник здесь малюет доски.
В снегу — изба, в окошке — свет.
Ты — зритель. Но когда подмости
Дождутся, чтоб пришел Манфред?

Здесь учащенное дыханье
И яд в бокале — через край.
Как часто слышал я рыданья
Пришедших в сей жестокий рай!

(1928)

302. НОВАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи! Тебя с чинарой стройной
Я сравню. Засни спокойно.
Не тревожься. Мы живем
В дивный век с тобой вдвоем.
Спи. Над книгой ты склонилась,
Или радио приснилось,
Или снится, что вдали
Песнь моторы завели?
Отдаешь мотыгу дедам;
Водит плуг за плугом следом
Трактор твой по целине.
Город видишь ты во сне.
Говорящий с облаками
Дом, встающий пред глазами,
И соседние дома —
Ты построила сама.
Всходит солнце над тобою,
Над чинарой молодою.
Шум знамен. Рассветный час.
В этот час ты родилась!

(1928)

303. ПОЭТ

Не думай, что голос певца
Судьбой осужден на забвенье,
Что он не согреет сердца,
Печали не даст исцеленья.

Нет, силою дивной полно
Тобою рожденное слово,
И в душах у многих оно
Таилось, проснуться готово.

Ты лире певучей своей
Бессонными внемлешь ночами,
И вьется сильнее и сильнее
Сердца молодящее пламя.

(1928)

304. ПОД СТУК РОТАЦИОНКИ

Под стук ротационки полуночный
Семнадцатый припомнился мне год,
Какой-то гимн, восторженный и мощный,
Какой-то отзвук давних непогод;

Какой-то отзвук маршей похоронных,
Каких-то зорь едва заметный след. . .
И в шелестящих пурпурных знаменах —
Сиянье окрыляющих побед!

(1928)

305. НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Я знаю, громыханье
Сменяет тишину.
Иных времен дыханье
Оно несет в страну.

Грядет она — победа,
И горек, как дурман,
Мистического бреда
Растаявший туман.

(1928)

306

Ты носишь имя человека
Зачем? — постигнуть не могу.
Ты замолчал в преддверье века.
Остался у него в долгу.

Когда б ты каялся, в подмоге
Не отказал бы мир опять,

Но ты уже свернул с дороги,
Тебе уж нечего желать.

О жизнь, нам этой жизни мало,
Мы жаждем тысяч в смене дней,
Чтоб сердце ярче Альп сверкало,
А солнце стало горячей.

(1928)

307. ДУМЫ НА БЕРЕГУ МОРЯ

Простор морской молчаньем скован,
Не поколеблен мрак густой,
И дальний берег обрисован
Едва сиреневой чертой.
Я вижу неподвижность крылий
У парусов, застывших тут.
Ох, быть ли им в покое или
Их бури яростные ждут?

Мы к бурям шли с раскрытой грудью,
И сердце не могло молчать.
Настанет час, мы снова будем
Грозу знакомую встречать.
Бедняжка-лодка! Силой страшной
Над гладью моря поднята,
Волна в стремленье к рукопашной
В твои ударилась борта,
Она почуяла — свобода!..
И, пену взбивши добела,
Гроза семнадцатого года
Тебя в пучине погребла...

Мой дух в той битве закалился.
И из луча в морской тиши
В клинок из стали превратился
Живой огонь моей души.
Но если старого накала
В нем до сих пор таится ток,
Его огонь разрушит скалы
И бросит в огненный поток.

(1928)

308. ГНЕВА И ЯЗВ НЕ ТАИ ОТ НАРОДА

Свежие гвозди — а не загвоздки!
Будут ладони к брусу пришиты,
Ибо не убраны эти подмости,
Чернь не сыта, и Голгофа не скрыта.

Гнева и язв не таи от народа.
Мы, слава богу, больше не дети.
Истина есть музыкальная кода:
Мне тридцать семь. Тридцать — столетью.

Перед народом ты — перед другом
И тишиною исповедальной.
Так не премите ж, нищие духом,
Мелким железом и наковальней!

(1928)

309. ЧТО НЕ ПОКРЫВАЕТСЯ ЗАБВЕНЬЕМ

Нашим стремленьям — тянуться
к вершинам —
Издавна путь преграждала природа.
Там, на горах, в этом крае пустынном,
Разве не чудо шаги пешехода?

Путник на горы глядел из Тбилиси,
Видел величье вершин в отдаленье:
Сквозь времена прорываются выси,
Не покрываясь туманом забвенья.

Вот ты поешь — и колеблются тучи,
Ты в одиночестве, путник счастливый;
Слева — утесы у роши дремучей,
Справа — кустарник и сонные нивы.

Здравствуйте, горы, крутые отроги,
Дальние доли и дымы селений,
Дуб вековой на высокой дороге!
Здравствуйте, скалы — царство оленей!

(1928)

310. РАСЦВЕТШЕМУ ВЕЧЕРУ

Строгие горы к ночи накрылись
Вечером тихим, вечером древним.
Меркнут Казбека белые крылья.
Сонно притихли, смолкли деревни.

Солнце коснулось неба губами
В ласке прощальной. Небо пылает,
Льется на запад легкое пламя,
В тихой дремсте млеет и тает.

Ниже, потоком едким размыты,
Брови нахмутив, скалы нависли.
Тьма проникает в горы гранита.
Краж погрузился в угрюмые мысли.

Девочка бродит, травы срезает —
В маленьких ручках ножик садовый;
Девочка строчки стихов распевает,
Вечер в стихах повторяется снова.

(1928)

311. ИНЫЕ СТРОКИ

Круг ароматов прорвался. И, рая
Память, мне в сердце ринулись вы —
Пастбища, нив молодых обаянье,
Свет, и дыханье, и пламя листвы.

Вечера дымы над лесом нависли.
Под ветерком, колыхаясь, встают
Спелых хлебов сокровенные мысли
Там, где крестьяне «Надури» поют.

Там, где стремительны песня и голос,
Где под смоковницей с красной листвою
Каждую травку и вызревший колос
Осень пронзила тонкой стрелой.

Рощи тебе подплывают навстречу,
Песни дневные ты шепчешь лесам.

Вечер. Открой свою тайну мне, вечер!
Смолкло «Надури». Темнеет. Роса.

Все вы мне ветвью, плодами клонимой,
Кажетесь — юность с сиянием глаз,
Громкий, восторженный смех любимой,
Я не могу оторваться от вас.

Перебираю в памяти вновь я
Всё, что из прошлого бьет горячей:
Жизнь пронизавшие светлые копья,
Стрелы — ресницы спящих очей.

(1928)

312. РАДУГА

Водоворот воды турбинной
Окрашен в радуги цвета.
Вся в ярких перышках павлиньих
Бежит нарядная вода.

И солнце, что огромным диском
Уже скатилось на закат,
Вдруг опускается так низко
На разноцветный водопад.

(1928)

313. БУДЬ ОТКРЫТЫМ И ИСКРЕННИМ И ГОЛОСУ ЖИЗНИ ВНЕМЛИ

Не озирайся вокруг так униженно, жалко,
согбенно,

Словно узник. . .
Друзьям ты доверься,
Не раз и не два
Исповедуй себя.
Ежечасно и ежемгновенно
Обнажай свою боль,
Разрушая плотины и стены,
Чтобы хаос ушел,
Как вода из притихшего рва.

Сам в себе заточенный,
Как джинн, пригвожденный к сосуду
Одиночества,
Знай,
Что не вечна темница твоя.
Будь же честен с собой и с друзьями.
Как вещему чуду,
Внемли голосу жизни,
Что ропщет везде и повсюду,
Отыщи, если сможешь,
Конечную цель бытия.

(1928)

314. БУРЕ — ВСЕ КРАСКИ

Бурю, красную бурю, которая чуть побледнела
От ярости и накала, как пламенное литье,
Ты приветствуешь песней сердца, и славись
открыто и смело,
И песней, песней сердца, отнимаешь у смерти ее.

И звонкие брызги красок рассыплешь ты кистью
дивной,
Чтоб спящий проснулся, чтоб нищий сбросил
железо оков.

И грянут гимны твои, грянут гимны,
И грянут гимны — во веки веков!

(1928)

315. ДЕНЬ МОРЩИНЫ РАЗГЛАДИЛ

Время живое
Колелется — крепнет и рвется.
Славу восславь,
Бесславье его замоли.
В сердце вмести
Белую магию солнца
С черною магией
Безглагольной земли.

Помни:
Мельчайшая неценима крупица
Искренности, добра, простоты, красоты.

Их сохрани:
Чем иным откупиться
Завтра
У вечности трезвой
Думаешь ты?

День морщины разгладил
И блещет, покоясь
На основании мощном:
Новый Атлант,
Твердь подымая,
В землю ушел по пояс, —
Где с головой уходил
Неприкаянный Дант.

(1928)

316

Волна изнемогла в бессилье,
И, взыв, сирена замерла,
И крейсера в дыму застыли,
Цветные зыбля вымпела.

И ты стоишь, в туман взирая,
И даже шороха не ждешь.
Повсюду тишина такая,
Что день с младенцем спящим схож.

Вы страны видели другие
И сны, скитальцы-корабли,
Но для того ль, чтоб в летаргии
Узнать покой чужой земли?

(1928)

317

Ложится первый луч зари
На стены Нарикалы древней.
Гасите фонари! Гори,
Свет солнечный, свет вдохновенный!

Излей свою печаль, Тифлис!
У арфы звук исторгни верно,
Моей души рукой коснись.
И ночь умрет. Заря бессмертна.

(1928)

318

Волны Мтквари журчат, как эклоги.
Вдохновенья непризнанный бог
На Военно-Грузинской дороге
На чело мне роняет венок.
Я — поэт. Ни награда, ни травля
Моего не загасят огня.
«Но куда унести эти лавры?» —
Искушает былое меня.
Мне ли, всаднику новой эпохи,
Мирно дни коротать, не спеша? ..
Словно ветра недолгие вздохи,
К волнам Мтквари несется душа.

(1928)

319

Магия солнца, магия вод —
Скоропостижна — или живет? ..
Путь к этой магии странен и долог!
Вот в темноте
Чародей-рентгенолог
Ищет, к экрану прижавшись лицом,
Боль, нанесенную телу свинцом.
Вот она — магия нашего века!
Солнце, товарищ,
жизнь Человека...

(1928)

С углом привычным разлучает
 Под грохот пушек грозный век.
 В огне закалку обретает
 Металл, а в бурях — человек.

О, лишь бы цели мы достигли!
 К чему укоры слать судьбе?
 Как золото, что плавят в тигле,
 Себя ты обретешь в борьбе.

(1928)

321. ГРОЗДЬЯ ЖИЗНИ

Подними высоко чашу жизни,
 Выжми в чашу гроздья вдохновенья...
 Всё, что не достойно званья жизни,
 Уничтожь, сожги без сожаленья!

Огненною, светлой влагой брызни
 На печаль разлуки, на забвенья!
 Будь глашатаем рожденной жизни!
 Остальное жги без сожаленья!

(1928)

322. СТАНСЫ

Я жду, когда в волненье небывалом
 Душа стряхнет оцепененье сна, —
 Израненная времени кинжалом,
 Она навек народу отдана.

Дни миновали, и уже забвенья
 Обволокло поверженных богов,
 И вспоминаем мы без сожаленья
 Дерзанье душ, хмельное буйство слов.

Мы не парим, как встарь, над облаками,
 Пренебрегая песнями земли, —

Владеет вера новая сердцами,
И с нею новый путь мы обрели.

Нам жизнь открылась в дружеском привете,
В самозабвенном трепете любви,
И знаем мы, что ныне чувства эти
Доподлинны, — они у нас в крови!..

(1928)

323

«Мы победим, мы победим!» —
Так мыслим мы, с зарей вставая,
А вечерами, отдыхая,
Дела былые песней чтим.

Существованья каждый миг
Для нас овеян светлым маем,
И дни грядущие листаем
Мы, как страницы новых книг.

Мы на своем всегда стоим,
Под каждой строчкой дату ставим
И с верой календарь листаем:
«Мы победим, мы победим!»

(1928)

324. В ГОРОДЕ И ДЕРЕВНЕ

Город не спит ночной.
Быстро окно открой,
Чтоб трамваев, авто
Загрохотал поток.

Слышишь, радость звучит?
Звук ликования поймай
И по столу раскидай
Сочные эти лучи.

Улови этот свет,
Дивной музыки ход.
Бремя прожитых лет
Сбрось и иди вперед.

Облако — розовый пар —
В бровь уперлось лесов.
Женщина, кутаясь в шарф,
В город спешит на зов.

Около школы смех,
Сельских девушек рой.
Воля! Радость для всех.
Шире глаза открой!

(1928)

325. АРГОНАВТЫ НОВОЙ ЭПОХИ

Над изумрудными теми долинами
Льды голубые встали на страже.
Любо оттуда оку орлиному
Вмиг охватить низины и кряжи.

Фазис ревет под нагорьями старыми
С грустью и бешенством попеременно,
Словно он, порабощенный чарами,
Рвется к иной судьбе современной.

Некогда в залежах руд ископаемых
Было руно золотое нетленно.
Ныне на светлый путь вступаем мы,
Как аргонавты новой вселенной.

(1928)

326. ШУМ, ПОКРЫВШИЙ ОКРУГУ

В пути недобром, бросив кров,
Я песнь услышал, ибо верил.
Теперь я знаю, кто доверил
Мне голос моря и ветров.

О, выявленный в споре звук,
Отдавшийся другому звуку!
О, шум, покрывший всю округу
И тысячи других округ...

(1928)

327. ЗОЛОТЫЕ ШКУРЫ

Отягощенные, лениво
Под летним ветром гнутся нивы;
Блеснут то серебром, то сталью,
То белой, облачной эмалью.

И снова, солнцем залитые,
Лежат, как шкуры золотые.
О, сколько тигров здесь убито!
И прямо на поле забыто...

(1928)

328. БЛЕЩЕТ ЗОЛОТОМ НАША ЭПОХА

Видишь, набросив на плечи нарядную чоху,
Встав над руинами древних скрижалей и плит,
Золотоволосая, юная наша эпоха
Нового «Витязя в тигровой шкуре» творит.

Видишь, как в хмурых горах, среди вечного снега,
Вешнего утра звенит золотая струна,
Так золотыми лучами на склонах Казбека
Майское солнце выводит свои письма.

(1928)

329

Пойми, что не дается право
Погибнуть иль свернуть с пути!
В Клондайк, обвороженный славой,
Я должен шхуну привести.

268

Широко разольются зори,
Мне возвращенные давно.
Пусть судьба со мною в споре, —
Мне отступить не суждено.

О дух мой, в испытаньях выстой,
В однообразье тусклых дней!
И примирительную пристань
С цветами — воспевать не смей!

(1928)

330. ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Высоко лежит и полого,
Тихо клонится даль ко сну:
Пламенеющая дорога
Рассекает голубизну.
И последней стрелою пламени
Мгла кофейни просквозена...
Эта пауза в памяти,
Незнакомая тишина...
Из-за давности эпизодов —
Звон в ушах и судьбы наплыв.
В расписании пароходов,
Соответственно, перерыв.
Слабо дрогнули где-то около
И застыли колокола...

Гул, толпа — одиночества облако,
Прибывающих — без числа.
С полотна Веронезе, право,
Незнакомка сошла на пирс.
Тихо стала у трапа,
Где мелькали и торопились.
И, угадывая мгновенье,
Подошла сама, назвалась.
Помню пальцев прикосновенье.
Я сказал: «Вот розы для Вас».
Время было вечернее,
И Батум — как сейчас —
То — заоблачное — свечение —
Лебединый полет — Кавказ.

Мы сходились легко и быстро,
Невзирая на разную:
Денди — я и она — курсистка,
Очарованная толпой.
Нет, не облако одиночества
Веронику влекло, увы, —
То врожденное отрочество. . .
Нике — статуя без головы. . .
Я смеялся: «Вэра да вэра,
Нике!»

Полнились колокола,
Зачиналась другая эра,
И граница повсюду шла.
Мы расстались: она — в печали,
Я шутил, как велит мой клан.
Те же розы на том же причале.
Социалистка — батумский Глан. . .
Ах, мы шутили,
Мы всё шутили
Между картами и вином,
Как на судне при полном штиле,
Как на шлюпке — вверх дном. . .
Не печальтесь, играйте
Жизнью, смертью и всем. . .
Восемнадцатый год в Петрограде —
Это лет через семь.
Обращаются в прах иллюзии
И, позвольте сказать, — в помет.
Вдруг слова:

«Нет прекрасней Грузии!

И никто меня не поймет!»
Две подружки в военном, кожаном.
Вероника — спиной ко мне.
Я в жару — в кафе мороженом,
Голова у меня в огне.
«Там сейчас расцвели мимозы,
Там живет один человек. . .
Розы мне подарил — и розы
Оказались — навек.
Хоть на крыльях туда бы рада!
Там бы надо установить
Диктатуру пролетариата
И бандитов переловить.

Сволочь белую к стенке...»

«Белый»

За спиной у нее сидит —
Полумертвый, окоченелый
И, оказывается, бандит.
«Если что... Подруга, запомни:
Дуб над пропастью, там гора...»
— «Хватит, Верка!» — «Нет-нет, исполни
Всё до точки». — «Айда, пора...»

И на улице не узнала —
Долго вглядывалась сквозь снег:
На другом берегу канала
Подозрительный человек...
Как узнать, если всех дороже,
Если в жизни твоей — один?
Извините... Да это что же...
Не бывало... Разбередил...
Мы шутили, мы век шутили
Между картами и вином,
Как на судне при полном штиле,
Как на шлюпке — вверх дном.
Одиночество на чужбине...
Вы не пробовали замерзать?
Неизведанное доньше
Наслаждение, так сказать.
Превосходно! По этому поводу
Парадоксов кладезь — мороз!
Это дух мой бродит по городу
Или сам я — в поисках роз?
Чтоб согреться, надо раздеться,
Уверяю вас... Тут пальба...
Здесь прошла — мимо сердца
Пуля-дура — как и судьба.
Крикнул, падая: «Вероника!»...
Небо — стены — твое лицо
Надо мною тогда возникло,
Слава богу... в конце концов...
Умер я — совершенно счастлив...»

Петроградская сторона,
Воскресения день ненастлив.
Где — она?
Неужели — горячка, грезы?

Кто стрелял? Хорошо бы — ты...
На стекле голубые розы,
Фосфорические цветы.
Или — Верка та — револьверка
Уложила, и все дела —
Полубелого, недоверка —
И метель его замела —
Хоть не ведала, хоть случайно...
Но

была ли та благодать?
Или не было?

Чрезвычайно
Мне хотелось тогда узнать.
Небеса непроглядно серы...
Но — лицо... О господи, нет,
Ничего, кроме чистой веры,
Не прошу на остаток лет!

Мы шутили и нашутили —
Чистой кровью, а не вином...
Нет, конечно!

Ее убили —
В тот же миг, я уверен в том!
А быть может, тогда, в отчаянии,
Что наделала — и сама...
Эти годы необычайны,
И особенно — та зима.

(1928)

331. ЖДУТ НОВОГО МИКЕЛАНДЖЕЛО

Да воскреснет искусство и своры
Палачей в нем конец обретут!
Неподвижные снежные горы
Микеланджело нового ждут.

Тот, кому доверяли мы радость, —
И велик и возвышен. Ужель
Не ему принесем мы в награду
Сердца нашего пламенный хмель?

День сегодня — на диво прекрасный,
Радость в поле, в лесу без конца!
Солнце неисчерпаемой лаской
Согревает людские сердца.

Приобщимся же, други, к сиянью
И поэзии и труда,
Утвержденному солнечной дланью
В нашей родине навсегда!

(1928)

332

С глазами, холоднее стали темной,
Не сетуешь, смотря в былое снова,
Зачем себя большим поэтом помнить,
Когда живешь несчастнее любого?

Стиха ль коснешься, волосы ль оправишь,
Или оглянешься молниеносно,
Повсюду ты в капканы ногу ставишь,
Уж окружен, уже ограблен злостно.

Опять настанет эра, может, скоро,
Что мировой войною назовется,
Опять над нами зашумят моторы
И на людей тяжелый газ прольется.

Он предпочтет, поэт, собрать все вместе
В пространство улетевшие частицы —
Людей, промов, событий: всё он взвесит
И в этот ураганный вихрь включится.

Обвалы снова загремят, нахмурясь,
Ударят волны по дорогам песни,
Глаза в глаза поэт посмотрит буре,
И взгляды друг от друга не отвесьт им.

Им так стоять — и мучиться и мучить
При полной невозможности расстаться.
Но уж ложатся отсветы на тучах
Тех лучших солнц, чья очередь являться.

И новый гром над головой войны,
Я вижу революции движенье,
Простой болид или кусок луны
К земле несется, не сдержав паденья.

Одно лишь чувство с тем паденьем схоже,
Им сердце переполнено, как жаждой.
Оно полно, как это небо тоже,
Борьбою, предвосхищенной однажды.

Пред чем дрожать эпохе этой новой —
Лишь в день победы подвиг будет кончен.
Нет, я тобой, как мир, не завоеван,
Тебя я нес в себе, как сердце, прочно.

(1928)

333. ДНЕМ И НОЧЬЮ

О, этот день ни с чем не схож!
Мелькнула мысль и вновь пропала,
Как в темноте мелькает нож
По следу желтого металла.

Но днем и ночью, напролет:
«Алло! Гараж!» — неслось в трезвоне.
И сторож створками ворот
Играл, как будто на гармони.

(1928)

334. ВЕЧЕРОМ, КОГДА ЛОЖАТСЯ ТЕНИ...

Вечером, когда ложатся тени
И звезда над сонной Сеной всходит,
На бульвары, в горе и смятенье,
Сгорбленная женщина выходит.

Вся в морщинах, хрупкая, седая,
В черном платье, выцветшем и старом,
Как во сне, бредет она, не зная
Цели, по сверкающим бульварам.

Скована своей немой тоскою,
Не глядит, крестясь, на дверь собора,
Не стоит с поникшей головою
Около церковного притвора.

Полная печали и страданья,
Вся она погружена в былое.
Гложущее, горькое мечтанье
День и ночь ей не дает покоя.

Темные, глубокие морщины —
Скорби след и тайного мученья.
Из идущих мимо — ни единый
Ей не скажет слова утешенья.

Холодно ей в мире и пустынно...
Лишь одно и было счастье — дети.
Но пришла война... Убили сына,
И уж нет ей радости на свете.

(1930)

335. ОСЕНЬ В ТРАНШЕЯХ

Осенний вечер мерил дали
Свирепых странствий,
Траншей шеренги озирали
Хребтов пространства.
И в этот месяц золотистый,
Пропахший прелью,
Стебли манса голосисто
Свистят свирелью.
О куропатке, с маху взятой
На перерезе,
Явившись желто-полосатой,
Собака грезит,
И всё свистят стебли, как струи,
Свистят, янтарны, —
Весь в ароматах и поцелуях
Закат недаром.
Как будто в шляпе из соломы,
Гора уходит,
И дрожь смертельная больного
По стеблям бродит.

И побледневшего вояки
Сознание гаснет,
Он ранен. Падает во мраке —
Ласкать напрасно.
Мелькнула мать, любовь и детство
Пред ним недаром,
Но всё свистят маиса стебли,
Свистят, янтарны.

(1930)

336. ПУТНИК СТОЯЛ, ПОДЖИДАЯ ТРАМВАЙ...

А. М. Горькому

Путник стоял, поджидая трамвай у столба,
Ждал, что вот-вот заскрежещут трамвайные дуги...
Слился с бессмертьем семнадцатый год навсегда
В гуле восстанья, под свист обезумевшей вьюги.
Мчались пролетки... Сквозь изморозь, словно плоты,
Плыли трамваи.
Дома и прохожие плыли,
Как негативы, летящие из темноты,
Чтобы мелькнуть на мгновенье в искрящейся пыли.
А под сугробами по неприметным путям
Сетью извилистой тронулись талые воды —
Русло за руслом, но всё не терпелось ручьям
Хором могучим воспеть пробужденье природы.
Как быстротечно закончилось царство зимы!
Жажда возникла услышать сквозь снежные бури
Голос, идущий из недр пробужденной земли
И сквозь метели летящий к небесной лазури.
О, половодье, когда не видать берегов!
Время разлива, разгула и преображенья!
Вешние воды услышали времени зов
И в бездорожье открыли пути для движенья.
О, это время! Вчера лишь о нуждах оно
В праведном гневе и в ярости так голосило!
Тысячи речек обрушились в русло одно,
В сотнях сердец ощущение единства сквозило!
Нет, не сильфиды, не эльфы исчезли во мгле
И не бесплотные тени, а, словно лавины,
Рухнули с грохотом на матерьяльной земле
Зримые дамбы, одетые плотью плотины.

Здравствуй и празднуй отныне в весенней ночи,
Сердце поэта, познавшее времени ветры,
Сердце, прозревшее в зимних глубинах ручьи,
Залежи злата, до срока укрытые в недры.
Глас вопиющего — ты возвещал обо всем,
Что прорвалось в восклицании тысячегласном,
Всё, что растаяло в сердце твоём и моём
И воплотилось в стотысячном хоре прекрасном.
Ныне и присно и дальше во веки веков
Пусть же полощутся в полдне счастливого мая
Наши знамена, как тысячи майских венков,
Как вулканической лавы пурпурное пламя.
...Мерз пешеход в ожиданье... Мятущийся снег
Падал на плечи, на землю ложился привычно.
Утро сияло, и в утренний час человек
Мог улыбнуться и даже вздохнуть иронично,
Слыша, как старый вагончик едва дребезжит,
Тяжко груженный укладом вчерашней России...
«Где это время?» — когда бы его вдруг спросили,
Он бы ответил: «Где снег прошлогодний лежит...»

(1930)

337. РЕВОЛЮЦИОННОЙ ГРУЗИИ

Революционной, неслыханной и небывалой,
Великой волей своею, свершающей подвиг,
Мыслью высокой явившей воочию мощь Человека
И тысячью нитей со всею страной сопряженной,
Воодушевлению масс, несущихся миллионноволным
Могучим потоком навстречу творимой легенде
И натиском бешеной страсти взломавших и смывших
Преграды, скрывавшие вольную ширь горизонта,
И разрушенью — о да, разрушенью, —
И сокрушительной ломке всего, что отжило век, —
Чтоб замкнутый круг был разорван и вышли мы
к солнцу! —
Неотвратимому, необратимому бегу времен,
Революционной Грузии,
Прыжку исполинскому, ошеломившему взгляд,
Революционной, неслыханной и небывалой
Грузии новой, — слава! И созиданию — слава!

(1930)

338. РУКИ

Вот западный ветер
Несется по небу.
Багряного шелка
Влекутся за ним облака.
А вниз посмотри:
Коллектива
Опромные руки,
Хозяева жизни,
Лежат на бескрайних полях.

О сверхчеловеческих,
О невероятных делах
Твердят эти руки:
Бупры и мозоли,
Могучие пальцы,
Персты гладиатора,
Как корни
Столетнего дуба,
Врываются в землю они.

Как жаль,
Что доньше
Еще не умеет
Художник
Этюд начертить
Этих невиданных рук!
Упорным трудом
Этих гигантских ладоней
Возделаны
Долы, поля и луга.

Эти прекрасные руки
Плавят
Руду и железо,
Всё, что лежало мертво,
Делают снова живым.

(1930)

Отважный, истинный поэт,
 Большую утверждая веру,
 На стройке наших бурных лет
 Уподобляйся инженеру!

Иссякнул мутных дней поток,
 Поток, исполненный отравы.
 В назначенный зажегся срок
 Свободы факел многоглавый.

Пусть созидание трудней,
 Но манят новые пределы.
 Поэт — строитель новых дней
 И первооткрыватель смелый.

Не льет он в старые мехи
 Вино мечты вольнолюбивой,
 Он строит, как дома, стихи,
 И строф он вспахивает нивы.

Исчезла узкая межа...
 Поэт — глашатай бури страстной,
 И в день великий мятежа
 Трубит он в рог свой громкогласный.

Поэт вниманьем окружен,
 Вниманьем, тайно восхищенным:
 Самозабвенной песней он
 Дарует радость миллионам.

(1930)

340. АБХАЗИЯ

От Европы до Азии
 Море — из малахита.
 Блещут горы Абхазии
 И отроги Колхиды.

Побережье усеяно
 Чередой белых точек.

Всюду игры затеяны,
Всюду юность хохочет.

В отдаленье от берега,
Где песка целлулоид,
Скромный родственник Терска,
Чалибаш землю роет.

Вот табачница славная,
Солнцем ярким согрета,
Ниже листья янтарного,
Темно-желтого цвета.

Вот она — моря Черного
Необъятная чаша,
И блестит Калифорнией
В ней Абхазия наша!

С добрым утром, акации,
Я в Абхазии снова...
С добрым утром, плантации
Табака золотого!

(1931)

341. НЕ ОСТАВЛЯЙ ЕГО, КАК СИРОТУ...

Твой стих с тобой брал века высоту,
Решал бесстрашно и судил пристрастно.
Не оставляй его, как сироту,
Вне времени и вне пространства!

Одни проваливались без следа,
Другие, отступаясь, шли куда-то...
Ты сам об этом написал тогда.
Ставь день и час! Где подпись — там и дата!

Твой стих не мост между добром и злом,
Он — цвет знамен и ран на поле боя.

Как в скалы врублен времени излом,
Так врублен в стих ты сам с твоей судьбою.

В твоей эпохе всё, что есть, — твое,
Твой герб, твой серп, твой молот, твое знамя,
Твоя решимость доконать старье,
Спалить его индустрии огнями!

Твой стих с тобой брал века высоту,
Решал бесстрашно и судил пристрастно.
Не оставляй его, как сироту,
Вне времени и вне пространства!

(1931)

342. ПРЕССА

Покою — война и рутине — война!
Источена полночь огнями ЗАГЭСа.
Созвездья во власти глубокого сна.
Спит буря, молчаньем ночным пленена,
Спят горы, над ними плывет тишина...
Но сну не покорствуется пресса.

Пишу в типографии. Ей не до сна,
И сердце машины работает звонко.
Меня ли встревожит полночная тень,
Коль в полночь бессонная ротационка
Готовит газеты на завтрашний день?

Машина влагает великую силу
В свой гром, законную ночь оглушив
(Так воины кличут, мечи обнажив:
«Промолви хоть что-нибудь, если ты жив,
А если ты труп, возвращайся в могилу!»).

Как волны стремительных рек
Ломают неподвижность застоя,
Так в омут полночный врывается этот разбег,
Так, старое руша и новое строя,
Стремится в грядущее век.

Тут пресса быстрее,
Чем крылатый Мерани;

Мы теснѣйшѣ узами связаны с ней,
Она, точно луч, просквозивший в тумане,
Летит к изголовью очнувшихся дней,
Уже возвестив пробуждение древней
Бесплодной земли и холодной деревни.

«Темп!» — слышат призыв рудники и леса.
«Темп!» — слышат призыв города и заводы.
По слову ее среди степей расцветает краса
Желтеющей нивы,
Шумящей, как полые воды,
Машины, большие как зданья, проходят по сети
дорог.

«Темп!» — пульсирует электроток.
«Темп!» — кричат коллективы.
По слову ее водопад ниспадает со скал.
Он, как Ниагара, — в клокочущей пене.
И поит побегι могучих растений
Прохладной водой Алазанский канал.

О, нерв бытия, электрический провод!

Я помню, как — десятилетье назад, —
Когда уже Марксово имя звучало повсюду как
довод, —

Очаг богача был неприкосновенен
И свят
Любой из листков буржуазной печати.
И неприкосновенными не были разве тогда
Остатки последние землевладельческой знати?
Владели помещики — вспомним былые года? —
Землею, которой цари богачей одаряли.
И были газеты вассалами при феодале,
Когда нашей Грузией, точно проезжей дорогой,
Владели разбойники чуждой страны.
Их время свилось кинолентой, им крикнули громы:
«Не трогай!»
И дни их печати исчезли, испепелены.
К еще неокрепшему голосу прессы рабочей
Мы слухом тянулись,
Но в опустошенных домах
Не лампы горели, а шашки светили среди ночи,
Кинжалы свистали впотьмах.

И слышен был голос, охрипший в селеньях озябших
и хмурых,
И эхо гремело среди гор и долин:

«Ударь его! Будь беспощаден! Он — тюрок!»
— «Грузин!»
— «Осетин!»
— «Армянин!»
— «Пускай он рабочий, пускай он крестьянин,
Ударь иноверца, да будет он насмерть изранен!»
О, страшное время, когда
И братский кинжал забывал сожаленье,
А пресса дрожала, как зданье от землетрясения.
Огонь неприяни горел.
И народы губила вражда.

А пресса богатых
Кровавые дни восхваляла.
И лужи дымились—багряные на мостовых.
Кого это время во прах с перерезанным горлом
швыряло?

Одних бедняков и голодных одних.
А пресса богатых боролась
За дело позора, за дело кровавых обид:
«Да будет амбар богача, — заклинал ее вкрадчивый
голос, —

Всегда до отказа набит!»
Покуда в палатах
Наемные лиры звенели,
Томила трудящихся рабства кромешная тьма,
По воле богатых
Великие ржавели цепи,
И пред коммунарами дверь отворяла тюрьма,
И наши селенья кострами восстаний горели.
Дорог, протянувшихся в Азию,
Здесь обозначился стык,
И горло крестьянина петля стянула тугая.
Рабочим
Принес угнетенье
Английский отточенный штык.
На марево месяцев черных глядел не мигая
Метехи двусмысленный лик.

На прессу рабочих
Враги кандалы наложили,
Рабочее дело не знало тяжеле времен:
С усталостью в каждой ремнем перетянутой жиле
Народ задыхался, врагом полонен.
Волнения не прекращались.
Уже динамитом пахнуло.
Готовились, вооружались —
И взрыв прогремел как призыв:
То грозное солнце
Бездонную тьму захлестнуло,
Как бомба взрываясь,
Как знамя победное взмыв.
По-революционному
Биться артерии стали,
И революционная пресса
Ударила яростней стали.
И вражеской лжи укрепленья
Повергла во прах.

Так сгнула жизнь, протекавшая в черных ночах.

То было ль очей мановенье,
Огонь, промелькнувший в очах,
Проклятий и гнева мгновенье —
Когда провалилась в расщелину
Крепость немыслимых мук
При возгласах ожесточенья,
И Грузия рабства исчезла
Под взмахом карающих рук.
По скалам отвесным
Дорога легла перед нами.
Свободная Грузия,
Путь по горам проведи!
Иди! Утверди
Справедливости красное знамя.
Твое достояние — зёмли,
Дворцы на пути впереди!
Стать гордым владыкой соседних народов
Пусть ни один не захочет народ!
И пресса колонны кует,
Ворочает мрамор для арок и сводов,
Несет она известь, и сталь, и железо туда,

Где дни поднимаются, вооруженные ею,
Ударником стройки, героем труда.

Какому злодею
По силам теперь уничтожить
Подобье грузинских небес —
Синеющий блеск: ферромарганец;
Мерцающий светоч — ЗАГЭС,
Могучего леса подобье —
Грузинской индустрии лес?

Рабочие дни.
Лоб открытый,
Распахнутый ворот
И сабельный шрам на широкой груди.
Селенья поют, запевают за городом город:
«Долой равнодушие! Не медли!
Прямую дорогой иди».
Свободная пресса —
На необозримой арене,
Строительный камень в ее мускулистых руках,
Она громоздит этажи грандиозных стросений,
Восходят промадные зданья в лесах.
Стать новым владыкой вселенной
Ремень захотел приводной,
Шумят маховые колеса —
То голос поет вдохновенный,
То песня судьбы мировой:
«Мои города трудовые! Мои молодые селенья!
Труда молодая страна!
В тебе — новизна,
И сила в тебе, и движенье;
Смирняя залстные бури,
Ущелья буди ото сна!»

Рабочая пресса не любит болотного ила,
В крови ее мудрость и воля живут.
Застой нарушает ее беспощадная сила,
С недвижимостью борется труд.
Дороги страны освещает
Печати кристальная призма,
В ее многоцветных лучах
Народ завершает
Строительство социализма,

Заботясь о главном,
Заботясь о мелочах.
Ты, пресса, возводишь
Десятки заводов и фабрик, —
Зови же воителей в бой!
Изношены трюсов шарманки.
Искусство строителей храбрых,
Победа теперь за тобой!
Цемент, нефтяные цистерны, сирена
Идущего вдаль корабля.
Пред взорами прессы клубится пространство
вселенной

И дышит родная земля.
И пресса зовет нас. Призыв ее — громче набата.
Она открывает богатства подземных глубин:
На месте, где хмурая церковь стояла когда-то,
Теперь добывают барит и гумбрин.
К станку на заводе приходит рабочая пресса,
Беседует с нами в пастушьих шатрах,
И мы минералы находим в горах,
Где сизые тучи висят, как завеса.
Глаза молодые смеются.
Быстрее крылатых ветров,
Быстрее экспресса,
С ликующим радио рядом
Идешь, большевистская пресса,
Бесстрашный боец революции
И каменщик мирных боев.

(1931)

343. СМОЛЬНЫЙ, 1917

... Однажды ночью мы сквозь снег
Шагали — грудь дышала вольно,
И вдруг пред нами, как во сне, —
Виденьем небывалым Смольный.

Бессмертный Смольный той поры —
И грозный меч, и молот ярый;
Сплотилась с ним в один порыв
Шестая часть земного шара.

Бессонный Смольный, страж времен,
В пылу уверенной работы,
Могучей думой озарен,
Казался символом заботы.

И, встретив пулеметный ствол,
Зиявший дулом из расщелин,
На окрик: «Кто вам нужен? Стой!» —
Не дрогнув, я ответил: «Ленин!»

(1932)

344

Янтарный, красный и лиловый взлет!
Ложится листопад на горные откосы.
Так дни твои, о тридцать третий год,
Вихрь на поля истории относит!

И я с тобой в одном сливаюсь ритме:
Как ты, лечу и дней дыханье пью!
Со звездами грядущих дней творил ты
И звездную поэзию мою.

Я — спутник дней твоих, и дней совсем
недавних,
Еще не потускневших, звонких лет.
Ведь по сердцу мне был неукротимый нрав их.
Таков и ты. Прими же мой привет!

Поэту твоему немало жить еще ведь!
С потомками твоими будет он
Живописать пылающую повесть
Под сенью победительных знамен.

Вот, задрожав, земля,
что вечным сном объята,
Открыла дверь и из глубин горы
Вернула миру светлые богатства,
И миллионы рук берут ее дары.

Вы, гордецы, Эльбрус или Казбек,
Противостали молча нашей силе;
От нас вы кое-что, наверно, утаили,
Как в латы, облачившись в лед и снег.

Как рыцари легенд, окаменев,
Безмолвны вы; сокровища сокрыты
От хитрого геолога, но гнев
И любопытство — свойства динамита!

А в небесах — искусственные молнии,
И синева их отблеском полна.
Пришли в пустыню люди неумные,
И бархатным ковром становится она.

... Янтарный, красный и лиловый взлет!
Ложится листопад на горные откосы.
Так дни твои, о тридцать третий год.
Вихрь на поля истории относит.

1933

345

Что за вулкан извергается это?
Что за огонь среди мрака клубится?
Что там за кровь? Это песня поэта
Рвется из сердца и кровью сочится.

Что там за тучи полнеба закрыли,
Солнце в свои заключили объятья?
Это, поэт, твою песнь омрачили
Речи враждебные, крики проклятья!

Что там за вихрь, что за гром, что за пламя?
Что это — даль озарилась пожаром?
Нет, это песнь твоя бьется с врагами
И на удар отвечает ударом!

Что за волнение и сполохи света?
Вспыхнуло ль снова дневное светило?
Да, это правда ликует поэта,
Да, это песня твоя победила!

1933

Море неистовствует во мраке —
 Бедное море, страшное море.
 Волны друг друга рвут как собаки —
 То-то свобода бешеной своре!

Сильный ликует — мается робкий,
 А без тебя — всё мне едино.
 В этой крошечной давке и трепке
 Я — безучастная середина.

И не жалею меня. . . Буйной природе
 Дань моя нынче слишком печальна.
 Будто бы к смерти, а не к свободе
 Море уносит вечного Чайльда.

Как я измучен злобой и дурью!
 Где-то глубоко воды безмолвны. . .
 Славил я волю, славил я бурю,
 Только не эту! Слышите, волны?

Если пирует злобная сила,
 Кончится дело низостью рабьей.
 . . . Ты б эту бурю преобразила —
 Я бы обнялся с бешеной хлябью!

6 марта 1934

Черное море, теплоход «Ленин»

347. МОЯ ПЕСНЯ

Иной хранит розу, красотка, твою,
 Иной золотую парчу иль скуфью,
 Над чьим-то портретом шепчет: «люблю», —
 Каждый имеет любовь свою.

Письмо, над которым лишь слезы льют,
 Кольцо ли, что пламени льет струю,
 Сережки ли в сладкой тени, как в раю, —
 Каждый имеет любовь свою.

Локон ли, клад ли, земли на краю,
Правду ль, добытую им в бою,
Вещь ли, прославившую семью, —
Каждый имеет любовь свою.

Тебя обожая, отчизна, пою,
Ни с чьей не схожую песнь отдаю,
Сердце в огне, и огня не таю, —
Каждый имеет любовь свою.

(1934)

348. МУЗЫ В ПЕТЕРГОФСКОМ САДУ

Муза вьется, как змейка на знос,
Жметя, нежится в недрах ночей,
Ибо знает она — всё земное
Испокон подотчетно лишь ей.

С ядом яд, словно с атомом атом,
В полумраке сливает, грозя. . .
Где же совесть твоя? — Да куда там, —
Муза шепчет, — иначе нельзя!

Ищешь правды у красной халтуры,
Хмеля — в красном, с водицей, вине?
Муза, муза! Соваться в амуры
Этих спутников совестно мне!

Классик с ней ли завел переписку
Или наш современник — роман,
Ищет выгод, пугается риска,
От беды убегает в туман.

Рифмы копит! Да ключ к ним проглочен,
Нипочем не отдаст ни одну,
Но успевай надавать ей пощечин —
Все полсотни отсыплет в мошну.

Жребий после Мюссе невозможный —
Томно грезить при блеклой луне,
И лишь музе тревожной, дорожной
Сантименты любезны вдвойне,

Плачут камни, прошедшие обжиг. . .
Эта дама небрежной рукой
Тост поднимет за здравье усопших
И живым посулит упокой.

(1934)

349

В ворота Грузии вошло
Предвестье славного почина,
Когда увидело село
Революционную дружину.

И жалость охватила нас:
Вам, непреклонным, предстояло
В походе пересечь Кавказ —
Снега, ущелья, перевалы.

«Назад вернитесь, смельчаки! —
Хотелось крикнуть им. — Не надо! . .
Обрывы, бездны, ледники,
И ночь темна — кругом засада.

Здесь триста лет сидит дракон,
Из пасти серный дым клубится. . .
Нарушившим его закон
От гнева чудища не скрыться!

Он кровожаден. В этом суть.
Но, хоть не дремлет царь проклятый,
Он знает сам: когда-нибудь
Ему не избежать расплаты. . .»

И замолчала гор гряда.
И хор ущелий был утишен,
И скалы замерли, когда
Стал голос Ленина им слышен.

Идите дальше, смельчаки,
Под пенье «Интернационала».
Вам не опасны ледники,
Вас не пугают перевалы.

(1934)

350. МОЕ СЕРДЦЕ СЕГОДНЯ — ЧЕРНОЕ МОРЕ

Мое сердце сегодня — Черное море,
Зарывшее голову в берег Аджарский
Громы, обрушившиеся на меня,
На мирные ваши суда да не грянут!
А если останутся недруги глухи,
Поймут хоть твои кипарисы и ели,
Что я не каменное изваянье,
А лишь человек и с неверьем и с верой
И что я и впредь готов испытать
Ненастье и жажду, недуги и холод,
Лишь только маячил бы предо мною
Мерцающий луч вожделенной надежды...
И наважденья любых ограждений,
И леденящий ужас наветов,
И оскорблений поток неумолчный —
Всё вынесу, лишь бы и впредь видеть ясно
Звезду путеводную — смысл вдохновений —
С вышки моей ненаглядной отчизны.
И одиночества горькую участь,
И груз недружелюбных вниманий —
Лишь бы с высот ненаглядной отчизны
Видеть тот зыбкий мерцающий луч.

(1934)

351. ВЫ ТОЛЬКО ВЗГЛЯНИТЕ

Круглый год лепестков разноцветье
И бутонов соцветья мы зрим...

Шота Руставели

Как сплетаются тени кочующих гор
С вереницами чайных июньских плантаций!
Заходящего солнца слабеющий взор
Тщится ввысь по отвесным тропинкам взобраться.

И меня словно кто-то толкает — врасплох
Захватить эти огненно-ржавые тропки,
Кровь стучится в виски, я ослеп и оглох
В объятьях таинственной светомаскировки.

Существует ли сила, которой дано
Укротить эту нежность во мне, эту тягу?

Посвятил я лазури аджарской давно
И безумье мое, и перо, и отвагу.

Только здесь, под покровом аджарских небес,
Я увидел впервые морскую пучину,
И воспрянул душою, и телом воскрес,
И возжаждал добра и любви беспричинной.

Покажите мне море такое и в нем
Опрокинутых гор караваны и крижи!
А навстречу им с берега, как волнолом,
«Хасанбегуры» гром и раскат «Алипаши»...

(1934)

352. ПОКА НЕ РАЗОБЬЮТ...

Пока не разобьют
Всех арф и лир вселенной,
Не отступлюсь и я
От лирики презренной.

Пока не отцвели
Во тьме все розы сада,
Ни небу, ни земле
Жалеть меня не надо.

Постройки строк моих
С эпохой вровень встали.
А основанья их
Из самой чистой стали.

(1934)

353

Так лодочник у старого причала...
Душа так душу, руку так рука...
Я сразу вас узнал, мой начала,
Река и лодка, лодка и река.

Давнишние... Душа их забывала,
И все-таки надежно берегла.
О, это ощущение штурвала
И юности святые берега!

Теперь бы в лодке (это не причуда)
Сто лет проспять, воспрянуть ото сна
И поглядеть на мир — как и откуда
Здесь воцарились солнце и луна.

(1934)

354. В ЛЕНИНГРАДЕ

Бессонный как младенец,
я перепутал ночь и день,
и стала светотень
важнее всех безделиц.
Рассеян свет зари,
и свет самой земли
исходит тихо изнутри —
смотри, душа, смотри
из теплых полотенец!

Я очарован светом
серебряным, как пшат.
Львы на ступенях возлежат
в разрыве парапета,
и ночи таковы,
что Пушкин бродит у Невы,
и не воротит головы
кумир его при этом.

Не давит взгляд на темя.
Я снова здесь, мне так легко
пить розовое молоко,
и в недрах Академии
безумной лирою греметь,
и в паузах неметь, неметь,
как тусклая тугая медь,
когда взрывают время.

Здесь каждый камень вправлен
в сияние зари,
возвышен и прославлен.
Смотри, душа, смотри:
там, где залив оплавлен,
где высока вода,

там человек. —
Зачем? куда? —
В зарю июня вкраплен
отныне навсегда.

1934
Ленинград

355. МАМЕ

Свежая ночь от вершин отлегла —
Что это, мама?
Лес незнакомый, дорога и мгла,
Клубы тумана.

Та ли дорога — с грязью, с песком,
С мерзнущим следом,
Где я однажды прошел босиком —
Землю изведаль?

Что это? Дерево стонет во сне,
Молнией разбитое?
Сердце печалится обо мне
Чье-то забытое?

Что это? Прошлое стонет ли так?
Смерть ли тоскует?
Это собака дичает в горах,
Совесть взыскует. . .

Мягко ступают подковы коня
Ночью туманной.
Одолевает меня
Слух окаянный.

(1935)

356. МИСТЕРИЯ ПОД ДОЖДЕМ

Мне привиделся Нотр-Дам,
И в бреду под рокот хора
Ангелы летали там
С крыльями из коленкора.

Пыль и ветер у дверей,
Но в тени большого храма
Шла мистерия «Страстей»,
Шла «Страстей Христовых» драма.

Выплыл абрис райских куш.
Но виденья скрыла скверна.
Змеями кишачий плющ —
Ужасы неимоверны.

Шелестели облака,
Рая белые знамена,
И спустились с потолка
Ангельские легионы.

Ну а справа был дракон,
Грозный и зеленоглазый,
Взгромоздил на плечи он
Башню храма, словно вазу.

Башня! Из ее окна
Ад смеялся многолицый,
Сам коварный сатана
Ухмылялся из бойницы.

И плевался черный ад
Огненными языками,
Словно рожки чертенят
Спьяну изрыгали пламя.

И вступало пенье в дом,
И, органно-богомолен,
Песнопений тихий гром
Слился с гулом колоколен.

Вдруг как бы рукой сняло
Лицедейства грим скоромный,
Стало от грозы светло
И ударил дождь обломный.

Обломались клинья крыл,
И зонты раскрыли дамы.
Ливень с треском провалил
Всю эстраду у Нотр-Дама.

Сон обрушился в провал,
Взмыли ввысь куда как скоро
Ангелы. . . Кто их видал,
С крыльями из коленкора!

Убежали облака,
И, как дымные колонны,
Сквозь отверстие потолка
Откатились легионы.

(1935)

357. МАЯКОВСКИЙ

Бессчетны, бесконечны. . . Без каштанов
Окрестности. . . Так это ты, Париж?
Окраины огнем кафешантанов,
От страха озираясь, озаришь.

А Маяковский — разве не в Багдади,
Чьей лирикою светлой светел он?
Заходит солнце. Золотятся пряди.
Заходит солнце. Льется небосклон.

Глаза озер в глаза мои сверкали
Смеющейся, прозрачною водой. . .
Но где еще река, как Ханисцхали,
Нигде я не встречал реки такой!

Там утонуло золото. И целость
Его сохранна вся во глубине,
Взглянул я пристально, оно виднелось —
Сверкающее золото на дне.

. . . Вдруг свет и цвет — глубинный, ясный,
броский,
Как в той реке. . . Преобразился весь
Внезапно озарившийся конгресс
Одним упоминаньем — Маяковский.

(1935)

358. В ТОТ ДЕНЬ В ПАРИЖЕ

В тот день
Бушевала буря
В Париже,
Ливень бубнил:
«Всё смою, снесу!»
С домов,
Грохоча,
Срывались крыши. •
Валились деревья
В Булонском лесу.

Листья
Бились на ветках
И зябли,
Тополя клонились
До самой земли.
Попрятались птицы,
И дирижабли
Бороться с бурей
Не могли.

Вихри кружились
В бешеном танце,
Тучи справляли
Чудовищный пир.
В Версале
Разбило радиостанцию,
И был весь день
Безмолвен эфир.

Исхлестаны градом,
Бульвары стыли.
Ливень
Плетьми мостовую сек.
Таща фиакры
И автомобили,
Бежал по торцам
Гремящий поток.

Но стих ураган...
И казалось —

В лазури
Торжественной меди
Гулы неслись.
В тот день
В Париже,
Овеянном бурей,
Знамя конгресса
Взметнулось ввысь.

(1935)

359. НЕ ПОЙМУ

Горе в сердце вошло —
С гордых губ не слетит никогда.
Принимающий зло
Ненавидеть не может. Беда!

Безоружен стою,
Мерзнет кровь и немеет язык.
На долину мою
День за днем наползает ледник.

Сердце бедное — в нем
Всё вверх дном, как в разбитом доме.
«Что с тобой? Не пойдем».
— «Не поймете — я сам не пойму».

18 января 1935

360

Слово скажи — и пустыня тебе отзовется.
Белый песок шелковистый сквозь пальцы прольется.
Слышишь? Ты слышишь, как здесь отзывается эхо?
Ты это место запомни — и облако это.

Ты это место запомни: здесь будем одни мы,
Сенью небесной и матерью места хранимы.
Помню приметы твои и тропе доверяю.
Я это место ищу — нахожу — и теряю.

Что-то случилось — колеблется будто окрестность.
Облако тронулось — темное око отверзлось. . .
Дни мои — как на ладони их бред и немилость.
Время стоит, и терпенье мое утомилось.

«Переживи!»

— «Не могу: всё шатается».

— «Выстой!»

Льется летучею струйкой песок шелковистый.
Где это место и что же случилось с пространством —
С доброю этой землею и небом прекрасным?

1935

361. ДИАГОНАЛИ ДОЖДЯ

Взгляд косой. Кафе стеклится,
Незнакомый рой теснится,
Двух иль трех французов лица,
Чех, венгерец — левый фланг.
Гул. Лоснящиеся щеки,
Отблеск в небесах высоких,
Возгласы из стран далеких,
Где живет орангутанг.

Было мне в тот день понятно
Всё, о чем не очень внятно
Сотый прогремел оратор,
Подтвердив цитатой речь,
Что осталась всё ж лазейка, —
Пусть слова лились из лейки,
Паутины вилась змейка,
Но не дремлет острый меч.

Мчатся букв метеориты.
Сединой кудрей увиты,
Люди были с толку сбиты,
Времени нещаден строй.
Дни бегут, пути пустынные,
И подпрыгивают шины,
А Италию за вины
Гневно хлещет дождь косой.

1935

Есть статуя в парке —
 Шедевр вдохновенья;
 В руках ее — череп,
 Протянутый ввысь.
 Томят ее узы
 Земного смиренья,
 Уста словно тайну
 Хранить поклялись.

Весна украшает
 Цветами аллею, —
 Но статуе этой
 Не нужно даров:
 Живые ль, бумажные ль
 Розы пред нею —
 Ей чужды гирлянды
 Весенних цветов.

Когда же туманы
 Оставят аллею
 И время настанет
 Заре полыхать
 Над людом фабричным,
 Она, молодея,
 В толпе начинает
 Кого-то искать.

Любимца отыщет
 И руку протянет:
 Он — вестник свободы,
 И это не сон.
 Узнала. На прочих
 Она и не взглянет.
 Он — вестник свободы
 Грядущих времен.

1935

Лазурное небо
И ширь полевая.
И облако тает,
Вверху проплывая.

Вся в гроздьях тяжелых
Лоза винограда.
Какое обилье,
Веселье, отрада!

Ковром золотистым
Украшены склоны,
Свисают с ветвей
Апельсины, лимоны.

• На листьях зеленых
Росы ожерелье.
Какое обилье,
Отрада, веселье!

Какое богатство
Открыто для взора!
Малыш, ты в молчанье
Застыл у забора.

Всё, всё здесь чужое;
И гроздь винограда,
И великолепье,
И блеск, и отрада!

1935

366. РЕЙМС

Чуть рассвело,
И снега завеса
Спустилась, пронзая
Милльонами игл.
Умурились улицы.
Кончилась месса.

Старого Реймса
Колокол бил.

Глухо рыдал он
О том, что не время
Мирной улыбке.
Новое бремя,
Медленной тенью
Подкравшись — час пробил, —
Грузно ложится
На плечи
Европе.

1935

367

«Веди же, Миндия, вперед —
Не дрогнут львиные колена!» —
Так пели вы, но постепенно
Запели вы наоборот.

Возвысился простой народ,
Поскольку справедливо чудо;
Вы скатываетесь покуда
Со всех божественных высот.

А эстетическая часть
И вовсе уж грустна в итоге:
Покинуть царские чертоги,
Чтобы в лакейскую попасть.

И, пресмыкаясь от души,
Сбивая львиные колени,
Уж вы дождетесь откровений
От лизоблуда и ханжи!

Любоначалие — как страсть —
Томит и гонит вас жестоко. . .
Прочь отойди. Стань одиноко.
Ты сам себе указ и власть.

1935

304

368. ОЗЕРО В ГОРАХ

Голубые травы и цветы
Родились и выросли высоко,
Кладезь синевы и черноты —
Озеро — мерцающее око
Каменистой серой высоты.
Опрокинутые мачты пихт,
Яркий луг и сумрачный кустарник,
Россыпь мхов рубиново-янтарных,
Малахитовых и всех иных,
Россыпь откровений ювелирных —
Озера оправа и оклад. . .

Явь и холод областей надмирных,
Память молодости, вещей хлад. . .

Просыпающиеся тюльпаны,
Плачущий — хрустальный — теплый снег
И с ружьем сутулый человек,
Уходящий гиблыми тропами. . .

Что моя охота? Сны и сны.
Птичий взор, рассеянный и точный.
Рыцарственный профиль крутизны,
Блеск дневной и ветер полуночный!
Эта всячина и пестрота,
Этих волн раскаты — плоскогорье!
Это черно-голубое море —
Опрокинутое —
Высота!

1935

369. ВЕЗУВИЙ

Земная вздыбленная кора —
Вот что значит эта гора.
Рисовал ее — сатана.
Видишь, вот где стоит она.
Громоздится скала к скале.
Камень к камню плотно прибит.

И вокруг на голой земле
Словно каждый камень вопит.

Сердца в теле у камня нет,
Бессердечен он, как и та,
Что известна на целый свет,
Незабвенная суета.
Только вдруг из горных глубин,
Тайны девственной не храня,
Как от взрыва тысячи мин,
Заклокочет поток огня! . .

У поэта — судьба горы.
Это слишком известно мне.
И молчанье его до поры
Душу давит, как груз камней. . .
Но огонь пройдет сквозь гранит, —
Так и чувство, сродни огню,
Небо черное осенит
Вспышкой света, пронзившей тьму.

1935

370. МЕЧТАНИЯ У АДЖАРИСЦКАЛИ

И слыхом о силе такой не слыхали
Ни демон из бездны, ни бог свысока,
С какою безумная Аджарисцкали
Летела, как молния сквозь облака.
Ночами не буря мерещилась в шуме —
Как будто безумствовал сам сатана:
Самумы колхидского ила с Батуми,
Крутя, поднимала речная волна.
И лес, оглушенный отчаянной силой,
Казалось, с трудом разбирался вблизи —
С долины ли ветер река приносила
Иль горький душок камышовых низин.
Полет ястребиный предельно ускорив,
Равно приближались к воротам реки
И бешеный вихрь с оголенной Самгори
И с теплой Лазики моей ветерки.
То пряталась вдруг, то рвалась и скакала
Голодной тигрицей шальная река.

Мелькая в поселках, сквозь чащи и скалы,
Как белая молния сквозь облака.
Мосты, и дома, и пастушьи становья
Ровняла она, на бегу вороша.
Бедой проходила походкой слоновьей,
Преграды в пути бессердечно круша.
Но буйную реку окликнул сурово
Пронзительно-долгий фабричный гудок.
Знать, время настало, и время готово
По новому руслу направить поток.
Охвачены волны внезапным испугом,
Они в нерешимости сбились гурьбой,
Как будто о том и толкуют друг с другом,
С какой они новой столкнулись судьбой.
Река обладает повадкой тигриной —
Прижаться к земле, приготовясь к прыжку,
Но меч рассекает на две половины
Взбешенные волны ее на скаку;
Ее ослепляет невиданным блеском
Тот меч, что зажат в исполинской руке,
И волны несутся с испуганным плеском
По раненой, в кровь изъязвленной реке. . .
Но только целехонька Аджарисцкали,
Не думайте, что ее кровь залила:
Цветистая радуга гидроцентрали
Мостом над притихшей водой пролегла.
И новое время для речки настало,
Как будто судьба наша стала иной:
На сборы лекарственных роз и фиалок
На берег цветущий выходим весной.
Мы дань отдадим укрощенью строптивой,
Смотря, как воды усмиренный простор
С собой облака понесет горделиво
И белые выси сверкающих гор. . .

1935

371. УВЛЕКСЯ ОТДЫХОМ

Дворец, очевидец столетий, увлекся отдыхом ты,
А сердце мое склонилось под водокрутьем печали. . .
Небо Версаля укрылось облаком суеты,
Облаком суеты укрылось небо Версаля.

Сколько же раз, о Версаль, небо твое сстрясали
Огненные колесницы, вестницы темноты!
Облаком суеты укрылось небо Версаля,
Небо Версаля укрылось облаком суеты.

1935

372

С пьяным под ливнем шагает со мною
Горе, которому нету исхода.
Сплыл и февраль. По пятам за зимою
Тронулся март — холода, непогода.

Дождь бесконечный льется и льется,
Поздним проходим знобко и хлипко. .
Кто в эту пору нам улыбнется!
Да и зачем мне чья-то улыбка?

Ну, безысходность! Рухнуть покорно?
Скройся, убийца, попусту мучишь:
Нет, наши души не заполучишь!
. . .Хоть умереть бы дали спокойно. . .

1935

373. РЕЙН

Полуночной тревогой
И кошмарами ночи
Я не сломлен, —
И, жгучий как лед,
Пробуждения холод
Освежает мне очи,
И могучее утро встает.
Всем известно на свете:
Мы давно уж не дети,
Где-то плещутся волны морей,
И туманные воды
Сквозь бегущие годы
Гонит к Северу
Траурный Рейн.

1935 или 1936

Безвестный месх, я стихи слагал.
И сколько в прошлом дорог ни легло —
Мой стих меня раньше солнца сжигал,
А солнце раньше стихов сожгло.

Да будет чеканка шаири моих
Напряжена, как звон тетивы,
Грозна, как битва в скалах родных,
Светла, как шелест майской листвы.

В ней бубна стук и пандури звон,
В ней звон воздушных незримых волн.
Мой стих, открытый со всех сторон,
Дыханьем жизни да будет полн!

Как раненый барс в теснинах скал,
По всей стране столько дней и лет
Скитался я и мечту искал,
Безвестный месх, исступленный поэт.

1936

375. СИМФОНИЯ ЦВЕТЕНИЯ

Сколько милости в легком лепете,
В ароматах, кружащих голову!
Белый стебель — как шея лебеди,
В душном трепете — медь и олово.

Здесь прообраз расцвета — растение,
Жизни завтрашней веянье свежее.
Всё слышней хоровое пение
Трав, застлавших ковром побережье.

Мурава колобродит всё болес,
Ковыляет лиана-странница.
Лист блеснет, подмигнет магнолия,
Чайный куст проплывет — не оглянется.

Рассыпая в пути благовония,
Приближаясь к зениту цветения,
Неумолчная мчится симфония
И влечет за собой поколения.

1936

376. ВЕСНОЙ

Деревья в обновлениях нарядных.
Сияют всюду небеса.
Слезой омыт виноградник.
И пятки морозит роса.

Люблю, когда дрожью рассвета
Прохватит поля холодок.
Коснешься сверкающих веток —
И весь ты росой намок!

О, Хвамли, мечта голубая!
Ей любо вдали голубеть.
В сиянии зноя растает —
И буду о чем-то скорбеть,

И буду искать ее взглядом,
И будут пустеть небеса. . .
Ласкает листы винограда
Живительной дрожью роса!

1936

377. МОНПАРНАС

Вашу безнадежную
Сказку слышу в тихий час;
Ваша неизбежная
Пристань — старый Монпарнас.

И сверкают молнией
Вина в старом хрустале,
Словно их наполнило
Блеском солнце Монпелье,

Сизый дым колышется,
Застилает мглой глаза.
Тихий шепот слышится —
То бывшего голоса.

Вижу в переулке я:
Тенью мертвой старины
Омнибусы гулкие,
Дребезжа, уходят в сны.

1936

378. УЛИЧНЫЙ МУЗЫКАНТ

С прекрасною мелодией
В стужу и вьюгу
Он зябнуть привык
Под окном богача.
Но песен ему
Не вменили в заслугу:
Лохмотья на нем,
На богатых — парча.
В удел получил он
Лишь скрипку-подругу,
Что плачет весь век
На плече скрипача.

1936

379. ЗАЦВЕЛИ МАКИ

Елисейские поля,
Синь необычайная!
В маках теплая земля,
Пахнет роза чайная,
Распускаются каштан
И фиалка пармская. . .
Только в сердце парижан
Изморозь январская.

1936

380. ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД

Как колесница жизни и судьбы,
Вот-вот с перрона отойдет состав,
И с ним моя надежда и душа,
Моя звезда, звезда моей судьбы.

Я знаю, как назвать такой отъезд,
Но не до вас теперь, слова, слова. . .
От поезда ли ждать в конце концов
Слов утешенья и участия слов?

А поезд — спящей лавою пока.
А поезд — через пять минут уйдет,
И вот уж провожающим пора
Сойти. Он через пять минут уйдет.

Вот тронулись колеса — лязг и звон.
Бегу я вдоль вагонов, душит плач.
На веки вечные прощаюсь я с тобой!
Прощай на веки вечные и плачь!

Но, господи, за что такое мне, —
В год по надежде навсегда терять!
И почему поэтам суждено
Всю жизнь учиться ремеслу разлук?

1937

381. К РОДИНЕ

Родина! День наступает и близится.
Родина, сердце мое оживи.
Видишь — любовь моя — светится, высится,
Я у тебя научился любви!

Дорого нам достается наука
Чувства, живого с младенческих дней.
Так постигаешь значение звука,
Тихо ступая за песней своей.

Родина — песня! Я всё перепутаю.
Так и оставлю и не разделю. . .

Раны твои я туманом окутаю,
Верой своею тебя исцелю.

Только не ведаю, завтра какие
Песни — колосья мои золотые —
С шелестом тяжким приду уронить
Или молчанье — как память — хранить.

(1938)

382. ИЗ РАССКАЗАННОГО ЛУНОЙ...

К реке подходит маленький олень
И лакомство воды лакает.
Но что ж луна так медлит, так лукавит,
И двинуться ей боязно и лень?

Ужель и для нее, как для меня,
Дождаться дня и на свету погибнуть
Всё ж веселей, чем, не дождавшись дня,
Вас, небеса грузинские, покинуть?

Пока закат и сумерки длинны,
Я ждал ее после дневной разлуки,
И свет луны, как будто звук луны,
Я принимал в протянутые руки.

Я знал наперечет ее слова,
И вот они:
«Полночную порою
В печали — зла и в нежности — слаба,
О Грузия, я становлюсь с тобою.

И мне, сиявшей меж твоих ветвей,
Твоих небес отведавшей однажды,
О Грузия, без свежести твоей
Как дальше быть, как не устать от жажды?

Нет, никогда границы стран иных
Не голубели так, не розовели.
Никто еще из сыновей земных
Не плакал так, как плакал Руставели.

Еще дитя, он жил в моих ночах,
Он был мне брат, не как другие братья,
И уж смыкались на его плечах
Прекрасного несчастья объятья.

Нет, никогда границы стран иных. . . —
Я думала, и, как сосуд, как ваза
С одним цветком средь граней ледяных,
Сияли подо мной снега Кавказа.

Здесь Амирани бедствие терпел,
И здесь освобожден был Амирани,
И женский голос сетовал и пел,
И царственные старцы умирали».

. . . Так и внимал я лепету луны,
И был восход исходом нашей встречи.
И вот я объяснил вам эти речи,
Пока закат и сумерки длинны.

(1938)

383

Из Цхалтубо к Кутаису
Улетевший ветерок,
Если даже утаиться
В Кутаисе дашь зарок, —
Не скрывай, что ты дыханье,
Ну, а чье, как ни таись,
Угадает мой желанный,
Обожаньем обуянный,
Кутаис мой, Кутаис.

(1938)

384. НЕТ, Я НЕ СИРОТА

Недолго мама пела-ворковала.
Мне детства на веку досталось мало.
Я в путь ступил, бродяжил тут и там.
Но белым гребнем ты ко мне взмывало,
Родимое. Нет, я не сирота.

314

Я, в горле не умалчивая песен,
Друзьям был предан, а врагам — известен
(Они меня чернили неспроста).
Но мне-то что! — ведь мы штормили вместе,
Мой добрый брат. Нет, я не сирота.

Я б не стерпел рукопожатья Музы
И отшатнулся от чрезмерных музык,
Когда бы нота — «соль» — не так чиста.
Когда б не так нерасторжимы узы
Волны с волной. Нет, я не сирота.

И что мне все наветы и клеветы,
Хвалы, приманки, происки — тщета!
Что сласти славы! Разве дело в этом?
С тобою рядом я не сирота.

1938

**385. ДМИТРИЮ ГУЛИА — ПЕРЕВОДЧИКУ
«ВИТЯЗЯ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ»**

Руставели — добра венец,
Круговая любви порука
И Абхазия, где певец
Обретает навеки друга, —

Этой встречею воплощен
Дух высокого ратоборства,
Душ взаимность и связь времен,
Подвиг воли и чудотворства.

(1939)

386. НАДПИСЬ НА КНИГЕ «МАНОН ЛЕСКО»

И я окружен глубиной безначальной,
Где сон проступает сквозь сон —
Как повесть иная — сквозь этот печальный
Роман де Грие и Манон.

Столетия летят. На обложке шедевра
Как будто его эпилог —
Тревожные ритмы Парижа и Эвра:
Затянутый узел дорог,

Фиакры, наемные головорезы,
Дуэль, вероломство, тюрьма. . .
И рушится вся богословская теза,
И логика сходит с ума.

А бедствий причина — ясна и невинна!
И праведен тот, кто влюблен.
О, бедный закон! О, печальный старинный
Роман де Грие и Манон. . .

Осенняя стужа, бездомные в роще,
И час их неверен и скор,
И страшно маячит им Гревская площадь —
Толпа и позорный костер.

Но петли уловок и тропы запрета
Уже разрешила, прошла —
Как луч отлетевший — мгновенная эта,
Певучая наша стрела. . .

Утрата — и ужас. И ропот на бога.
И старый аббат поражен —
И рвется — и длится — темно, одиноко
Роман де Грие и Манон.

1939

387

Горы персиков, бананов
Ломят наш дубовый стол,
И для дружеских стаканов
Тост особый я нашел.

Я в застольной древней песне
Тайну братства отыскал,
И за то, что всех чудесней,
Подымаю свой бокал.

316

Посреди пиров и странствий
Мне явилась мысль одна:
Что грузины и испанцы
Не пьянеют от вина.

В бурной пляске тех и этих
Никому не утомить.
Нас на этом белом свете
Сходства связывает нить.

Пусть же крепнет наше сходство
И прославится везде!
Друг над другом превосходство
Обретаем мы лишь в труде.

Но в кафе вошли виденья.
Люди! Слышите меня?
Я заметил в отдаленье
Тучи дыма, блеск огня.

Ведь пока выводит танцы
Скрипка в мирной тишине,
И Мадрид горит, испанцы,
И Валенсия в огне!

1935, 1940

338. ПО ДОРОГЕ В БАРСЕЛОНУ

Трясутся стекла,
Дрожит кабина.
Насквозь промокла,
Но мчит машина.

Изрыто небо
Клинками молний,
И море гневно
Вздывает волны.

Огня и мрака
Чередованье.
Порывы бурн,
Грозы рыданье.

Привал минутный —
И гонка снова.
Машин попутных
Ритмичный говор.

Мой стих, средь рытвин
Пронизан тоже
Железным ритмом,
Стеклянной дрожью.

Он снова звонок
И юн, как прежде,
Хоть и спросонок
Рассвет забрезжил. . .

1935, 1940

389

Смотрю до рассвета
Всё снова и снова,
А Рубенс поэта
Поймет с полуслова. . .
Ползет языками
Цветистое пламя
И под облаками
И над облаками. . .
Всю грудь для такого
Раскрыть бы огня. . .
О Лувр мой, мы оба
Зарницам родня! . .

(1940)

390. ДМИТРИЮ ГУЛИА

Благородный союз
Вдохновенья и буйства!
Пред тобою склонюсь —
Ясный светоч искусства!

Возлюбив свой народ,
И не в пику собрату,
Ты постиг наперед
Его боль и отраду.

Ты единственным счел
Для себя по натуре
Путь, которым прошел
Витязь в тигровой шкуре.

Обожая, любя,
Обойдешь ты полмира,
И абхазская лира
Обессмертит тебя.

(1940)

391. ХИМЕРА

Стою ослепший.
Блеск прянул прямо
Фарфора вспышкой голубою
Из тучи хмурой.

Преобразилась
Вся панорама,
Но пламя скрылось под мглой слепою,
Свинцово-бурой.

Так оглушает
Свет Нотр-Дама,
И кенгуру бегут гурьбою —
Химер фигуры.

(1940)

392

Париж! Будто слышится
Звон в этом звуке,
Гуденье металла,
Зовущий набат.

Бездушная кукла
Раскинула руки,
И золотом угли
В камине горят.

В гостинице янки
Почуяли страх:
Франк падает. Банки
Предчувствуют крах.

(1940)

393. С ПОЕЗДА

Полустанок крохотный.
Румяный свет на склонах.
Почту сгружают. У насыпи —
Мальчик, щенок, теленок.

У горы деревня
За пазухой уютной.
Распеваает голосок
В тишине минутной.

Девочка поет
И в ладоши бьет, бьет,
И прыгает, и туфельки
Так малы и тупеньки!

Сумерки румяные,
Осень полноплодная.
Здесь останется одно:
Душа моя свободная.

Тишина и родина —
Не вспомню ни о ком
И в деревню — с мальчиком,
Теленком и щенком.

(1940)

394. ВЕРНУЛАСЬ ЖИЗНЬ

Сердцу радость, сердцу радость оттого, что
Разминулось с непогодой и метелью

И что с пламени стихов стяхнули пепел. . .
(Знаю, есть на свете жертвы. . . Но такие?)

Я протер свои глаза, стяхнул печали,
Сердце слабо шевельнулось, оживилось.

Снова песней колокольчик захлебнулся. . .
(Знаю, есть и смерть на свете. . . Но такая?)

(1910)

395

Рассвет озарит
Величие лика,
Задумчивый вид —
Вольтера улыбка.

В саду, на глазах
У него, без сомненья,
Трудились в слезах
Не одно поколение.

Но тешится сквер
Детворою стоокой,
И взгляд свой Вольтер
Не отводит с Востока.

(1940)

396

Величественной сединою,
Как древний великан,
Над младшею своей роднею
Возносится Монблан.

В венце сверкающем, прекрасный,
Он солнцем осиян;
Что для него обвал ужасный
И грозный ураган!

Не такова ль и книга эта,
Обнявшая весь мир?
А имя вечное поэта —
Шекспир!

(1940)

397

Так воин из ножен
Вдруг выхватит шашку,
Блеснет она молнией
В белом огне.
Так мост через Сену,
Лежащий в растяжку,
С размаху встает,
Напророчивши мне,
Что в Лувре я вновь Рафаэля увижу,
Что я с Веронезе знакомство сведу.
И мир мне покажется лучше и ближе,
Уже не в горячке,
Уже не в бреду.

(1940)

398

Поверь, не выручит гений
И нервная пальцев дрожь,
Если, во власти сомнений,
Не ставишь ты жизнь ни в грош.

Лишь потому, что прекрасен,
Чувствителен и учен,
Не будешь ты впредь Парнасом
Пригрет и усыновлен.

(1940)

399. ИСКЛЮЧЕНИЕ

Сердца падающие удары
Будто реже и тяжелей.
Опустелые парки, бульвары,
Лунный сумрак в пролетах аллей.

И родною, и призрачной былью
Ты являешься из-за кулис.
Будто сонные белые крылья —
Руки всплыли, переплелись —

Опадают в немой укоризне.
Светом пепельным вся залита —
Ты исполнена трепетной жизни!
И тоске никакой не чета!

Ах, Сен-Санс, безотчетная юность
Тем прекрасней стократ — и она
Этот свет, эту горькую лунность
Не поймет — и понять не должна.

И благое неведенье танца
Так неведенью слова сродни!
Я стихи понимать не пытался —
И меня не убили они. . .

Протанцует и рученьки сложит, —
Счастья слезы заставит пролить —
Но не сможет, вовеки не сможет
Смертной муки моей разделить.

И моя суеверная робость
Подает мне решительный знак,
Что и мне эту узкую пропасть
Перейти невозможно никак.

Наша юность — железная скудость.
Наша радость пошла с молотка,
И расплата за позднюю мудрость
Нескончаема и велика.

Где же радость? Убийца! Разиня!
Или нет? Я ошибся? Я прав?
Выбегает, — ах, солнышко, Мзия! —
Ножкой розовую смерть поправ.

(1940)

400. ВСТРЕЧА

И нет уже той рощи над рекой,
Тех вязов возле медленного брода,
Опять утратам счет ведет природа
И зыбкий воздух просквожен тоской.

Всё заново. . . И надо привыкать,
Что плеск реки, и свет звезды над логом,
И жар земли, и неба благодать
Опять с душой сроднились понемногу.

Чтоб вновь услышать в шелесте волны
Тот голос сквозь невнятицу разлуки:
«Ударьте в бубен, Грузии сыны,
Пусть прежних песен не смолкают звуки!»

(1940)

401. ПЕСНЯ ИЛЬИ

Помню: подстреленным туром
Сумерки пали среди нив
И под дымящимся дулом,
Сердце тоской опалив,
День отмерцал. Упорхнула
Юность моя из гнезда.
Замерла песня. Уснуло
Сердце Ильи навсегда. . .

Давит на грудь из бывшего
Камнем тяжелым тоска.
Жаждало братского зова
Сердце Ильи, и рука
Смело чеканила слово

Правды: любая строка —
Крепче щита дорогого,
Тверже любого клинка.

Даже под тяжестью скорби
Не пошатнулся поэт.
Мощной спины он не сгорбил
В пору гоненья и бед.
Мысли его не туманил
Блеск золотых эполет,
Пел он стране Амирани
Песню борьбы и побед.

Помню: бескрайнее море —
Всё в переливах парчи.
Плеску прибойному вторя,
Песня звучала в ночи.
Слушал я — Сараджишвили
Пел на морском берегу.
Свято я звон этой лиры
В сердце своем берегу.
Звуки над морем роились
И замирали вдали —
С недругом родины бились
Гневные строки Ильи.

Грудью встречающий бури,
Вечно любимый, родной,
Дуб-исполин в Цицамури
Вновь шелестит надо мной.
Молнией был он расколот,
Но уцелевший росток
Вырос, и ныне он молод,
Зелен, могуч и высок!

Пусть в тишине пантеона
Темный надгробный гранит
Стражем немым и бессонным
Черную дату хранит. . .
С нами певец непреклонный,
Нами он поднят на щит,
Дед, сединой убеленный,
С внуком своим говорит.

Нет, затеряться не может
Жемчуг в дорожной пыли.
Всеми наречьями множит
Родина песню Ильи.
Струи вливаются в реку,
В гимн обновленной земли —
Песня любви к человеку —
Вещая песня Ильи.

1940

402. РУСТАВЕЛИ В ПАРИЖЕ

Пылает этот год в душе моей
Неутомимым пламенем свершений.
Он строже, горячее и дерзновенней
Других — и даже как бы чуть длинней.

Год этот для меня венец и цвет
Времен. И главная его примета —
Шум семисот пятидесяти лет,
Звучащий в звонком имени поэта.

Его портрет, знакомый и привычный,
И здесь у друга моего висит.
Каких чудес он только не таит,
Париж, такой холодный и скептический!

1940

403. КАК ЛИСТЬЯ С ДЕРЕВА

Листва опадает, становятся годы землею,
И память устала ходить по безвестной дороге.
Но ты поклялась — и во сне говорила со мною,
Туманно и близко стояла на этом пороге:

«Не высохнут лучшие слезы, запомни: мы были —
Мы умерли вместе. . . Но небо не станет землею
И вера пребудет, а сердце не вынесет боли. . .»
— «Не вынесет», — я повторяю вослед за тобою.

Приходишь всё реже — и я не узнаю подножья,
Куда принести поминальные розы и лилии, —
И замкнуты губы мои, оскверненные ложью.
Печальная правда, блаженная память: мы были!

1940

404. РОДИНА, ЖИЗНЬ МОЯ!

Родина любимая! С гордостью открытой
Мы к тебе любовью воедино слиты.

Родина, ты жизнь моя! Знал я, что жестокий
Враг с тебя не сводит пристального ока.

Было время солнцу светом дня пролиться —
Алая над миром дрогнула зарница.

Сладко спали дети, ветерок скользящий
Ворошил туманы среди горной чащи,

Где ходил с улыбкой лесоруб прилежный,
Утопали реки в зеленах прибрежных.

В час зари весенней мы не ждали грома,
И стоял над лесом птичий свист и гомон.

Вдруг умолкли в мире ветра вздох и трели
И упали птицы, крылья почернели.

С силой бури грянул от валов и трещин
В огненном затишье крыльев шум зловещий.

Было время солнцу светом дня пролиться —
Бомбометов орды встали над границей,

Чтоб пройти посевы и дороги наши,
Города и села, что друг друга краше.

Но врагу, что рвется в наступленье яром,
Мы двойным ответим громовым ударом.

24 июня 1941

405. У ЧЕРНОГО МОРЯ

У Черного моря воздвигнуто стройное зданье,
Фонтаны и клумбы разбросаны зодчим по склонам.
Сады разморило, подходит пора созреванья —
Банан и айва поднимаются рядом с лимоном.

Страда полевая. Рабочие руки проворны.
Машины грохочут. И в сено вонзаются вилы.
На пользу земле — созидания труд плодотворный.
В народе моем пробудились могучие силы.

Быть может, художник панно расстелил по долине,
У солнца похитив оттенки горячего света?
Поля изобильны, и небо прозрачное сине,
Пшеница под ветром колеблется, зноем согрета.

Воздушное облако тенью скользит по оградам.
Над зданием небо опущено синею чашей.
И, мрамор украсив, блестит над высоким фасадом
Сияющий герб возрожденной республики нашей.

О герб величавый, ты нашим сердцам драгоценен!
И молот и серп обрамляют колосья литые
Под алой звездой. И нам улыбается Ленин
С фронтона, который согрели лучи золотые.

О милая Грузия, вечно любимая нами!
Мы скоро отпразднуем славное двадцатилетье
Со дня, когда здесь запылало багряное знамя
И новая жизнь началась на багряном рассвете.

Пунцовый закат догорает над знойною нивой,
Ущелья покрыты руном золотистым и алым,
Как будто художник раскинул рукой прихотливой
Сплетение трав и цветов по воздушным порталам.

(1941)

406. РОДИНЕ

Родина, сердце заботой тревожа,
Мысль о тебе неразлучна со мной.
Лишь о тебе помышляет герой
В смертный свой час: «Ты всего мне дороже!»

Ветер осенний пронизет до дрожи,
Встретит буранами зимняя ночь:
Всё для Отчизны смогу превозмочь,
Преданным быть ей — всего мне дороже.

Скоро нам день улыбнется погожий,
Черная полночь падет на врагов.
Воин сражаться за это готов:
«Наша победа всего мне дороже!»

Силу великую множа и множа,
Славы и доблести воинской край —
Знаменем алым, Отчизна, сияй!
Родина, сердцу всего ты дороже!

1941

407. ГРУЗИНСКИЙ ОРНАМЕНТ

Стрелы языческих солнечных гимнов
И колыбельная нежная вязь,
Звуки, однажды, родясь и погибнув,
В камне воскресли, навек отзовясь.

Если скала сорвалась и упала,
Грохот обвала безмолвствует в ней.
Эхо Эллады — обломок тимпана.
Гул Вавилона. И ветер Пиреней. . .

Тяжко-прямые рельефы Египта,
Индии сладостные вензеля
Соединила певуче и гибко
В чистом орнаменте наша земля.

Туфы Болниси, туманны и сини,
Давних небес берегут колорит.
О позабытой отчизне — донныне
Желтый песчаник душе говорит.

Камень — поэма, и врезана в гнейсы
Линией пламенной наша душа.
О современник, ожгись — обогрейся —
Слушай — гляди — замерев — не дыша. . .

Камушек серый в карман гимнастерки
Перед атакою спрятал боец —
Малую крепость, где строгий и зоркий
Древнегрузинский прошелся резец.

1941

408. ВЕТЕР АРАГВЫ

Всё как было: и восходы солнца и закаты,
На заре вечерней горы пламенем объаты.
Звезды полночью мерцают, их пути избиты —
Не меняются веками звездные орбиты.
И луна плывет всё той же голубой дорогой,
Серебром скользит по лугу, по горе отлогой.
Ветер прилетел с Арагвы, и над спящим полем
Вдруг повеяло прохладой, бодростью, привольем,
Забродили в небе тучи, заиграло пламя.
Оросили в полночь травы теплыми дождями.
Всколыхнулись, освежились молодые ивы.
И цветов коснулся ветер буйный и ревнивый,
Веет голубой пылью, сеет опыление,
Предвкушая сладость, завязь, таинство рожденья.
О, любовь, залог бессмертья, радость и страданье,
Настоящего с грядущим связь и созиданье. . .
Но огнем охвачен Запад, — там раскаты боя,
Зори мрачные пылают над людской судьбою.
Реет полосой багровой, полыхает пламя
Над бойцом, одушевленным смелыми мечтами.
Слышит он родного края пылкие призывы,
В страшном урагане битвы слышит мин разрывы.
Он проходит путь тяжелый вместе с храброй ратью,
От врагов освобождая землю пядь за пядью.
Нет, не сломит недруг наше молодое племя.
Настоящее с грядущим нитью вяжет время.
Юношу волнуют думы. . . буйствуют пожары. . .
Вышли все спасать отчизну — молодой и старый.

1942

409. ДНЕПР

Куре и Арагве ты родич по крови,
Ты хмуришь леса, как нависшие брови.

Ты что-то бормочешь, ты стонешь сердито,
От гуннов, от варваров ищешь защиты.

И, видя страны своей опустошенье,
Ты гулом своим поднимаешь на мщенье.

Но близко весеннее солнце победы,
И буря разгонит несчастья и беды.

Под грозной волны небывалым размахом
Рассеются гунны, охвачены страхом.

И вторят бурливому гневу народа
Дробящие камень днепровские воды.

1942

410. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭЛГУДЖИ

Утром я подошел не спеша к санаторию.
Золотили окрестность молодые лучи.
Пел рожок пастуха, разливаясь в предгорье,
Так естественно, словно журчали ключи.

Словно вкопанный встал я среди старого сада
И не мог насмотреться на прелесть вокруг,
Всею грудью вдыхал золотую прохладу —
Духом сена дышал свежескошенный луг.

В этой местности я не нашел перемены.
Радость в сердце как прежде. . . И вдруг в этот
МИГ

Вижу: девочка прямо по свежему сену
Подбегает ко мне, огибая цветник.

Для нее на деревьях чирикают птицы,
Светит солнце и цвести не устали цветы.
Для нее защищают родные границы
Пограничников сторожевые посты.

Вот она — воплощенье надежд наших смелых,
За нее умереть я готов был не раз!
Вот она предо мной в своем фартучке белом
И не сводит с меня вопрошающих глаз.

Что напомнила мне она чем-то знакомым?
Чьи черты? Или замысел? Или мечту?
Ночь и свист соловья за беседкой и домом?
Вековые садовые липы в цвету?

Нет, не мысль, не видение этот ребенок. . .
Но тогда — чем близка эта девочка мне?
Точно я пробудился и вижу спросонок
То, что только пред этим я видел во сне!

Где? Когда? Почему, если тут не ошибка,
Сколько я эту мысль от себя не гони,
Так мне родственны эти глаза и улыбка,
Так глаза мне и губы ребенка сродни!

Как мне памяты этих движений порывы!
Где я лоб этот видел, и щеки, и рот?
Отчего этой девочки вид шаловливый
Что-то смутное в памяти воссоздает?

«Ты откуда? Из здешних?» — спросил я ребенка.
— «Нет, мы только приехали в эти края,
Мы из дальних, — ответила девочка звонко. —
Старший врач санатория — мама моя.

Я давно сирота. Я отца потеряла.
Это был, говорят, настоящий храбрец.
Как на фронте дела? — не смущаясь нимало,
Вопрошает она. — Вы ведь тоже боец?

Вижу — орден на вас. . . Значит, вы воевали?
Значит, вы, как отец мой, такой же герой?
Вы ж в семнадцатом тоже народ защищали?
Может, вместе застал вас и сорок второй?

Он тогда и погиб. Ведь в аду том крошечном
Нелегко было счастье для нас отстоять!»
— «Как фамилия ваша?» — спросил я поспешно,
Но ответа она не успела мне дать.

На газоны ложилось заката сиянье,
Погружая окрестности в сумрак вокруг.
Незнакомая женщина вышла из зданья,
С главной двери откинувши крюк.

«Вот и мать моя», — вымолвила горделиво
Девочка, переглянувшись со мной.
Я поклон незнакомке отвесил учтиво.
«Мама, видишь, к нам новый приехал больной».

«Хорошо. Погуляй, пока солнце не скрылось».
Но на детском лице показалась печаль. . .
Против воли приказу она подчинилась,
Ей беседу со мной прерывать было жаль.

И с какой-то подавленной досадой
На меня поглядела девчурка в упор:
«Нам, не правда ли, так расставаться не надо?
Мы ведь с вами продолжим потом разговор?»

Я кивнул ей, и маленькая фигурка
Вмиг умчалась, весеннего ветра резвей.
«Вы уже подружились с моею дочуркой? —
Мать спросила. — Все в мире приятели ей».

Мать, как дочь, улыбнулась улыбкой минутной,
Что-то давнее в памяти вновь возродив. . .
Я ловил ощущения эти, как смутный,
И забытый, и некогда близкий мотив.

Сердцем вник я в звучанье былого напева
И в погоне за былью, угасшей давно,
Вдруг припомнилось всё, и воскликнул я: «Ева!»
А она: «Мне Элгуджу увидеть дано!»

Крепко руку друг другу пожали. «Я рада.
Я врачом здесь. Меня пощадила судьба. . .» —
В это время девчурка с букетом из сада
Стала, к нам подбежав, у дверного столба.

«Вы спросили, как звали отца. Я вам тут же
Собиралась сказать, да ушла, не могла.
Но теперь я могу. Папу звали Элгуджей. . .»
А Казбек ослеплял белизною чела. . .

1942

411. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сходят сумерки в долину.
С песней мать склонилась к сыну:
«Спи, тебя я не покину,
Баюшки-баю!

Не коснется сына горе.
Край родимый, горы, море
Бережет отец в дозоре.
Баюшки-баю!

Он сказал мне, уезжая:
«Пусть малыш растет, мужая
И Арсену подражая!»
Баюшки-баю!

Для сыночка дорогого
Сабля есть, ружье готово.
Оседлаю я гнедого.
Баюшки-баю!

Подведу коня к порогу,
Снаряжу тебя в дорогу.
Ждет отец себе подмогу.
Баюшки-баю!

Послужи, сынок, отчизне!
Не жалей, мой мальчик, жизни
За страну свою!
Баюшки-баю!»

1942

412

Раздался голос Леселидзе
в горах раскатом громовым:
«Мы супостатам и убийцам
вершка земли не отдадим!»
Как лев к орде он устремился
и мигом смял ряды врагов.

Свершился подвиг исполинский
богатырей и смельчаков.
Стоит на выступе скалистом,
лучами солнца осиян,
Самоотверженный воитель,
душа своих однополчан.
И подвиг совершен во имя
труда, добра и красоты,
И высится Қазбек, как символ
осуществившейся мечты.
Новороссийском и Таманью
гордится Черноморский край,
Грузин здесь рядом с русским встанет, —
рассвет, лучами заиграй!
Раздался голос Леселидзе
в горах раскатом громовым:
«Мы супостатам и убийцам
вершка земли не отдадим!»

1942

413. С ПЕСНЕЙ ИДУТ ВОЙСКА

Слышится шум знамен,
Медных оркестров хор,
С трубами в унисон
Эхо далеких гор.

Солнцем штыки горят,
Четок пехоты шаг.
Грозен орудий ряд,
Войску не страшен враг.

Ветром обожжены,
Словно кремьень крепки,
Издали всем видны
Рослые моряки.

Слышится шум знамен,
Медных оркестров хор,
С трубами в унисон
Эхо далеких гор:

«Пока солнце нам будет сиять,
Лунный луч долетать с высоты,
Мы верны тебе, Родина-мать,
Нет прекраснее края, чем ты!»

Пролили кровь свою
Братья и сестры здесь,
Чтоб отстоять в бою
Родины жизнь и честь.

Ясен свет ее глаз,
Силы она полна,
В светлый и в грозный час
С песней идет страна.

Дружно припев звенит —
Слышно издавека!
Полдень плывет в зенит,
С песней идут войска:

«Пока солнце нам будет сиять,
Лунный луч долетать с высоты,
Мы верны тебе, Родина-мать,
Нет прекраснее края, чем ты!»

1942

414. БАЛЬМОНТУ

Ты путь нашел к небесной синеве,
Вдохнул в себя на радостях полнеба,
И даже хаос, клокодавший гневно,
К твоей склонился буйной голове.

И солнце венценосное тебя
Пьянило, как и лунное шаманство.
Пленял — и был пленен, погиб — губя,
И отрекался — присягнув на царство.

Ты ливнем падал на земной простор,
А на земле был опален пожаром.
Струной звучал над гиблым полушаром
И радугой соцветья распростер.

И сотни затаившихся корней
Вбирали упительную влагу,
Чтобы взрастить и выходить верней
В сердцах людей надежду и отвагу.

24 декабря 1942

415. ОКНО

Я летаю в эфире,
И меня не найти,
Поднебесного мира
Изучаю пути.

Сверху видимым стало
Всё обличье земли:
Опаленные скалы
И дороги в пыли.

Путь особый, нездешний
Я на небе нашел,
И ни конным, ни пешим
По земле не пошел.

Мир заоблачных странствий
Погребов холодней,
Но земное пространство
Открывает ясней.

Как покров этой ночи
Рассекает стрела,
Рвутся тучи на клочья
От полета орла.

Вот он мчится, ныряя
В облаках, как пилот,
И от края до края
Рассечет небосвод.

Час заветный настанет,
Что предсказан давно,
Скоро, скоро в тумане
Засветится окно.

(1944)

Храню я Родины сады —
 О них моя забота.
 Чтоб враг не преступил черты,
 Спешу закрыть ворота.

Фиалки, цитрусы в саду...
 А вдруг нагрянет буря?
 Чтоб ветер не сломал кусты —
 Спешу закрыть ворота...

Ты слышишь грубые шаги
 Врагов Отчизны нашей?
 Чтоб им не преступить черты,
 Спешу закрыть ворота.

(1944)

Резвятся у моря счастливые дети.
 Им ласточек вторят морских голоса.
 И в звонком, серебряном, солнечном свете
 Вливается горная высь в небеса.

По саду пройдешь — и нагрянет, нахлынет
 Такой небывалый восторг бытия,
 Как будто вовек не увянет, не минет,
 С тобой не расстанется юность твоя.

Так дерево жизни в нетленном расцвете
 Шумит, и его не коснется зима.
 Резвятся у моря счастливые дети,
 И с ними земля молодеет сама.

1944

418. МАЛЬЧИК У МОРЯ

Успокоилось и спит,
 Солнцем высвечено резко,
 Море, кроткое на вид —
 Ни валов, ни волн, ни всплеска.

Одолело маету,
Дремлет, вытянувшись плоско.
Тело смуглого подростка
Бронзовеет на свету.
И от прибережных плит
До полоски окоема
По морю покой разлит —
Дрема, оторопь, истома.
Рыба от избытка сил
Взбила рой соленых блесток,
И от этого подросток
Трепет в теле ощутил.
И когда, плывя рывками,
Загорелыми руками
Он в охапку море сгреб,
Пенистыми гребешками
По воде прошел озноб.
Белый парус, провисая,
Ждет недвижно ветерка.
Только тень его косая
На воде дрожит слегка.
Два растрепанных и тощих
Облака с горы ползут.
Может быть, начнется дождик
Через несколько минут.
Небо цвета сливы спелой
Беспокоит рыбака.
Головой качая белой,
Он глядит на облака
И вздыхает то и дело.

Море крепко спит пока.

1944

419. ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОИНА

Весенние тропы
Пропитаны талой водой,
Домой из Европы
Шагает солдат молодой.

Рассветным туманом
Задержана гор полоса,
Над воином-сваном —
Проснувшихся птиц голоса.

Рассеется скоро
Пробитый лучами туман.
Сванетии горы
Увидит шагающий сван:

Тетнульди и Ушбу
Над сонмом ущелий кривых —
Как вечную дружбу
Безмолвных вершин снеговых.

И за поворотом
Нежданно сверкнет возле ног
Рожденный полетом
Литого потока клинок.

Он станет рекою,
Всю стужу вершин сохраня.
Не трогай рукою
Его ледяного огня!

Спят люди и горы,
Но реки не спят никогда, —
Стремясь на просторы,
Через камни несется вода.

Начало рассвета
Приветствуя гулом волны,
Дождаться ответа
Бессонные реки должны.

И вот из-за тучи
Плеснула заря синеву,
И ветер летучий
Шептаться заставил траву.

В лучах золоченых
Росу отряхнул стебелек,
И белый зайчонок
На солнце погреться прилег.

Гнездо покидая,
Орел настигает орла.
Вершина седая
Под крыльями снегом легла.

Большими кругами,
К восходу, срезая углы,
Летят над снегами
Цари поднебесья — орлы.

Идя по долине,
За ними следить я люблю
И клекот орлиный,
Как вольную песню, ловлю.

Дожей караван
Через горы ведут облака.
На родину сван
Возвращается издалека.

Наполнены мглою
Глаза амбразур крепостных,
В них дремлет былое,
Былины рождаются в них.

Но сила иная
Седого былого сильнее —
Стена крепостная
Стара и бессильна пред ней.

Та новая сила
Моторы машин завела;
Дороги мостила,
Мосты через пропасть вела.

Твердыни стояли,
Недвижны, как встарь, как всегда,
Но в новые дали
Текли мимо них провода.

По-прежнему строго
Хранила красу высота,
Но в гору дорога
Вилась, как нарезка винта.

И счастье рассвета
Окрепло в краю молодом,
Ветрами воспето,
Согрето разумным трудом. . .

Весенние тропы
Пропитаны талой водой,
Спешит из Европы
На родину сван молодой.

(1945)

420. Я КАРТУ ИСПАНИИ СНЯЛ СО СТЕНЫ

Я снял со стены эту карту — нет силы
Смотреть на Овьедо, пожаром объятый,
На смертные муки Валенсии милой,
На пепел полей Барселоны распятой.

У неба глаза помутились от горя,
Охрипли от крика щербатые камни. . .
Но, как непреклонное солнце над морем, —
Сиянье Победы взошло над веками.

Между 1939 и 1945

421. РИЦА

Небо есть небо, земля есть земля,
Вечную эту границу
Рушат абхазские горы, поля,
Синее озеро Рица.

Лирные струны рукой шевеля,
Землю и небо прославлю.
Небо есть небо, земля есть земля.
Вместе я петь их заставлю.

Так и стою я у Рицы, моля
Не оборвать сновиденья. . .
Небо есть небо, земля есть земля —
Не по моим наблюдениям.

Между 1939 и 1945

422. ДАЛЕКО ПАРУСА, ДАЛЕКО ОБЛАКА...

Далеко паруса, далеко облака,
А внизу расшумелась Кодори-река.

Вон скользит по волнам ее тень ястребка,
Вот несется вперед — далека, далека.

Но доплещет до моря Кодори-река
И замедлит свой бег меж камней и песка.

Тихо льется струя, холодна и легка,
Удалилась — и к берегу снова близка.

Не напрасно кипела Кодори-река,
Не напрасно ей горы давили бока.

Того времени память, светла и звонка,
Поцелуем останется здесь на века.

Всех на свете счастливей Кодори-река,
В море памяти нет без нее уголка.

Между 1941 и 1945

423

К чему мне стих, когда средь суеты
Душе не хватит силы и дыханья
Вместить твои раздумья и мечты,
Твои, Мтацминда, скорбь и упования.

Уж лучше песнь на немоту обречь,
Обезголосеть, чем, забыв о чести,
На пустословье растранижить речь,
Пока Мерани топчется на месте.

Летите, строчки, словно птичий клин,
Как конница в последнее сраженье,
Пускай на миг сольется в звук один
И звон кольчуг, и рифм сердцебиенье.

Между 1941 и 1945

424. ВЕСПЕР

Когда отпышет жар заката
И день сойдет в его огне,
Над морем, дремою объатым,
Качнется Веспер в вышине.

В урочный час его свеченье
Окрасит смутный небосклон,
Душе даруя утешенье
И явь преображая в сон.

Покуда дышит ночь лениво,
Он светит, раздвигая тьму,
Над тусклым оловом залива
И над платанами в дыму,

Над ширью без конца и края
Укрытых сумраком полей,
Лучи дрожащие сплетая
С тенями зыбкими ветвей.

Так наши тянутся свиданья,
И нет отрады мне иной,
Чем это тихое сиянье
Звезды, взошедшей надо мной.

Между 1941 и 1945

425. ЗАПАД АЛЕЕТ, И СВЕТИТСЯ МОРЕ

Запад алеет, и светится море вдали,
Но уже темные краски на воду легли.
Южная ночь, опускаясь неслышно с высот,
По морю мягко ступает и в горы идет.
«Доброго сна», — шепчет женщина, глядя в окно.
«Доброго сна. Но смотри: разве море темно?
Где она, ночь? В наших душах рассвет и весна!
Доброе утро! А ты пожелала мне доброго сна...»

Между 1941 и 1945

426. НА БИРЮЗОВЫХ ВОЛНАХ

Пароходу море стелет бирюзовые ковры,
Освещают близкий берег золотистые костры.

Зданий белые фронтоны раздвигают леса мрак,
Реют ветви, как знамена и преображенья знак.

Городским огням ответить порывается всегда
Световым сигналом с неба замерцавшая звезда.

И заботливо укрыта в тишину морская даль,
И наброшена на город дымки легкая вуаль.

Сколько силы в черноморской фосфорической
Осветившей мягким светом побережье в тишине! волне,

Между 1941 и 1945

427

Подернут лиловым цветом
Приморский откос, куда
Любил приходить с рассветом
Я в юношеские года.

Завеса плюща одела
Расселину той скалы,
Откуда кидался смело
Я в пенистые валы.

Но временем не остужен
Пыл юности... И поверь,
С грозой и морем дружен
По-прежнему я теперь.

1945

428. БАРАТАШВИЛИ

Стою и к сердцу прижимаю лиру.
Как бесконечен блеск поры ночной...
И ветер, спутник всех бездомных мира,
Над лирою гремит и надо мной,
И обреченно отвечает лира.

Стою и к сердцу прижимаю лиру.
Бараташвили, я на край родной
Гляжу. . .
О где же, где
Товарищ мой?
Где милая моя?
Без них так сиро. . .
Лишь обреченно отвечает лира.
Стою и к сердцу прижимаю лиру.
Раз ты свободна, Грузия, то я
И мертвый тяжесть вынесу земную.
О будущем поет струна моя.
Прижал я к сердцу лиру дорогую.
Писал я кровью, отстранив чернила.
Сегодня, тенью зыблющийся весь,
Я — прах Мерани, мчавшегося здесь.
Таинственно звучит родная лира.

1945

429

Рыбкой комнатной, пестренькою, разноцветной,
Вот уже Рица блестит!
И апрельское небо зарею рассветной
Склоны гор золотит.

В легкой дымке, в тумане сиренево-синем
Дремлет зеркало вод,
А над ними огромным живым апельсином
Наше солнце встает. . .

День пройдет, и оно за листвою лавровой
Вновь исчезнет во мгле!
Наше солнце — живет любого живого
Существа на земле.

Каждый день как впервые оно начинает
На рассвете свой бег
И до вечера щедро горит, полыхает —
Ныне, присно, вовек. . .

346

Моя касатка,
 Глядел я в море.
 Тебе казалось —
 Я морю вторю.
 Но я-то знаю,
 Как стих внезапноп,
 И мчусь на запад
 Его стезями:
 Встречаю солнце
 И провожаю. . .
 Я — венценосец!
 Я — бард и бражник!

1946

Рассвет за горою — долина во мгле.
 Плывет в небесах золотая трирема.
 Олень на скале, и пуля в стволе —
 Жестокому богу жестокая треба.

Восток пламенеет — чернеет гора,
 И замер олень, красотой очарован. . .
 Без выстрела — видно, такая пора —
 Охотник задумчиво сходит по тропам.

В тумане долина как путь до креста,
 А свет накопился — мгновенье — и хлынет. . .
 И в жизни спасает меня красота,
 И в смерти меня красота не покинет!

1946

435. ЭВКАЛИПТ

Надо мною шелест эвкалипта
 И сквозного света кисея.
 С эвкалиптом сребролистым слита
 В солнечном сиянье мысль моя.

Дерево, в тебе родную душу
Я, поэт, недаром угадал!
Если с моря Черного на сушу
Ночью налетает грозный шквал,

Клонится, шумя, твоя вершина,
Листья осыпаются во мгле, —
Всё же ты стоишь несокрушимо,
Черпая устойчивость в земле.

Сил и соков жизненных набраться
Ты стремишься с помощью корней,
А поэт силен корнями братства,
Нерушимой верностью своей.

1946

436. ПОЭТУ-Трибуну

Георгию Кучишвили

Когда для чести и ума
Был лишь один удел — страданье,
И покрывала злая тьма
Край лучезарный Амирани,

Когда кандалный звон в ночи
Взвивался над сибирским шляхом,
Когда цари и палачи
Героев обрекали плахам,

Когда народ встал против зла
И отживающего мира,
К оружию песнь твоя звала
И, как набат, звучала лира.

Твой подвиг не напрасен был.
Обрел ты счастье — дар народа:
Поэта солнцем озарил
Октябрь семнадцатого года.

И вновь ты звал на труд и бой,
И песнь твоя врагов крушила.
Идут года, и голос твой
Звучит сегодня с новой силой.

Как прежде, будят страсть и гнев
Твои рокочущие струны,
Когда ты, руки простерев,
С народом говоришь с трибуны.

Грядет октябрь. Багряный свет
И тяжесть лоз он нам приносит.
Взгляни, поэт, и дай ответ:
Не сон ли дивный эта осень?

Ласкает тысячи сердец
Звучанье струн твоих нелживых.
Так будь же радостен, певец,
Живи, счастливый из счастливых!

1946

437

Взгляните на небо —
Не небо, а небыль!
Склонилось, объемля
И море, и землю!

А море, а море —
О радость! О горе!
О небо! Не хлебом
Единым — и небом!

1946

438

Не поверх отеческих забот,
Не спокойным мирным побережьем,
А сквозь шторм и бурю вдаль плывет
Наш корабль... И слышен ветра скрежет.

Не мечты, не щебетанье нимф
Нам ласкают слух и тешат взоры —
Ночь, над нами мачты накренив,
Оглушает гулкие просторы.

Мой корабль! Мой верный поводырь!
Снился ли покой нам хоть однажды?
Доносился только гул беды,
Рев воды, не утолявшей жажды.

Но с тобой перехитрим мы всех,
Обернется западня наградой:
Не в эфире, не на небесах,
В Черном море мы найдем отраду.

1946

439

Мы помним путь — неслышанный, былинный,
Которым нас история вела.
Простерся он от Волги до Берлина.
Стремительный и звонкий, как стрела.

Всегда вперед. . . Мы много испытали,
Но не молили время: «Пощади!»
Немыслимые одолели дали,
Невиданные бездны — позади!

Но вижу: у излучины дороги
Лучами мая, как костер, зажжен,
Прямой и статный и, как отрок, строгий,
Шумя листвою, стоит красавец клен.

Он вдаль глядит, красуясь на поляне.
И видит цепи гор под шапкой льдов,
А воздух наполняет воркованье —
Стон голубей и вздохи проводов.

Весь день в кленовой роще шепчут листья,
Навстречу им я строчки разомкну —
Прославлю мир, и землю, и весну.
. . . Вот и Казбек всё ярче, серебристей. . .

1946

Меня с радостным гиком
 Обступают те дни,
 Их порывы благие —
 Звезды, вспышки, огни.

Вижу женский тот облик —
 Страж бессонных надежд. . .
 Опустись ко мне, облако,
 И, как прежде, утешь!

24 мая 1947

Если спросят:
                                   «Вас от грусти
 Что за силы исцелят?»
 Я отвечу:
                                   «Милой Грузии
 Небо, море и земля!»

Если спросят:
                                   «Утешеньем
 Что вам может послужить?!»
 — «Ровно месяц путешествий —
 И уж не о чем тужить!»

27 июня 1947

442. МОСКВА

Глухие помню времена —
 Закутанную в снежный саван
 Москву, когда орлом двуглавым
 Была истерзана она.

Но довелось мою столицу
Увидеть мне совсем иной:
Сама, как гордая орлица,
Глядит она на шар земной.

1947

443. ПОЙДЕМ СО МНОЮ

Хрустальным утром, рано, налегке
Пойдем со мною в сторону Бетани,
Чтоб на родном и звучном языке
По всей дороге птицы щебетали.

Там лепится Ираклия гнездо
И думу думает Орбелиани,
И нам ее достанет лет на сто.
Пойдем со мною в сторону Бетани!

Там постарели липы и дубы
И стебли розовые буйно вьются.
О друг мой, остановимся, дабы
На время прожитое оглянуться.

Тбилиси дышит где-то за горой.
Высматривает место обитанья
Душа моя... Хрустальною порой
Пойдем со мною в сторону Бетани!

1947

444

Чайки — без коршунов —
На небосклоне.
Трель соловья —
Без орлиного крика...

Есть двухголосие
В Новом Афоне:
Сердце тут миру —
И раб и владыка.

Дуб и олива
Шумят надо мной.
Берег тут борется
С мощной волной,
Пламя заката —
С лесов тишиной:
Сердце тут миру —
И раб и владыка.

Не повернуть нас невеждам
Назад.
К берегу горн созывает
Ребят.
Музыка лечит раненья
Солдат.
Сердце тут миру —
И раб и владыка.

Мир без войны!
Без помехи — труды.
Люди —
Без вечной боязни беды,
Свет — без заката,
Вино — без воды. . .

Сердце тут миру —
И раб и владыка.

1947

445. У КАМИНА

Пламя рождает раздумья,
Думами пламя чревато. . .
То веселей, то угрюмей
Пламень трепещет крылатый.

Угли, вы с пламенем вместе
Воспоминаясь объята,
Помните взгляды созвездий,
Рощей вы были когда-то.

Помните солнца орнамент,
Вешней лозы шелестенье. . .
Туры врываються в пламень,
Бьются рогами олени.

Блещет огонь бесноватый,
Красными плещет крылами. . .
Думами пламя чревато,
Думы уносятся в пламя.

Снова прошедшее мучит. . .
Эх! Не сгорают мечтанья!
Вспыхнули сизые тучи.
Сумрак колышется ранний.

В небо вливается солнце,
Росы забрызгали поле.
Буба куда-то несется,
Будто рыдая от боли.

Небо, как шапку, надела,
Смотрит в окно моей кельи
Гордая Шода-Кедела
С профилем Руставели!

Дверь отворяю — и мнится:
Двери зари отворяю. . .
Вот просыпаются птицы,
Радость проснулась былая.

Всадником в бурке мегрела
Туча бежит с небосвода.
Сердце поэта согрела
Музыкой утра природа.

Снова к камину иду я,
Радостью утра объятый. . .
Пламя рождает раздумья,
Думами пламя чревато.

1947

Лиру держа на груди,
 Остановившись в пути,
 Вижу я луч впереди,
 Словно во мгле лабиринта.
 Чудо твой зодчий воздвиг,
 С благостью отчей воздвиг,
 Небом венчая твой лик,
 Тебя, Никорцминда!

Стены украсил резьбой,
 Вещим сплетением чисел
 И горизонт голубой
 С мыслью о вечности сблизил.
 Кто же зажег здесь для нас
 Яростный твой хризопраз,
 Блеск, нестерпимый для глаз,
 Твой столп, Никорцминда?

Что за бесценный завет
 Был нам оставлен веками!
 И безграничен свет,
 И гармоничен камень.
 Кто же над миром вознес
 Граней суровый тес,
 Вытесал твой утес,
 Тебя, Никорцминда?

Словно из области сна —
 В облаке благодати
 Пламенная белизна,
 Плавных порталов объятье.
 Кто же тебя сотворил,
 Гору, любя, сотворил,
 Волею горних сил,
 Гора, Никорцминда?

Ровно двенадцать лампад
 Смотрят в двенадцать окон.
 Что за огни горят
 В доме твоём высоком?
 Чьим же во тьме времен
 Духом воспламенен

Факел земных племен,
Твой свет, Никорцминда?

Высекло здесь ремесло
Дивную фресок поэму.
Благоговейно сплело
Время из них диадему.
Кто же тебя расписал
И по узорам зеркал
Искры свои разбросал
Костер — Никорцминда?

К почве сведя божество,
Линий слиянье изведав,
Славишь свое торжество,
Как исполненье обетов.
Свиток твой величав.
Смерть и забвенья поправ,
Крепко стоит архитрав —
Собор Никорцминда!

Словно шумящий лес —
Купол широкой крыши.
К вольным блаженствам небес
Выше восходишь, выше.
И — за пролетом пролет —
Шаг переходит в полет,
Вышнее благо лиет
Сама Никорцминда.

Здесь твой грузинский взгляд,
Пьющий простор, всемирен,
Заревом красок богат. . .
Крылья простер Сириин!
Крыльев бы, крыльев нам,
Силы — живым крылам,
Правь же пространством, храм,
Цари, Никорцминда!

Храм твой громокрылат,
Своды его непреклонны,
Годы его хранят,
Гулко поют колонны.

Времени круговорот
Зодчества не зачеркнет.
Славя родной народ,
Свети, Никорцминда!

1947

447

С далью, с ветром, с холодной водой
Смело, самоотверженно споря,
Пронесется большой голубой
Альбатрос над поверхностью моря.

Как в далеком и призрачном сне,
На мгновенье в бескрайних пустынях
Небосвода почудятся мне
Две фиалки гигантских и синих. . .

Заколотится сердце сильней,
И душою, полетом охваченной,
Вдруг пойму я, что песне моей
Не в пустыне звучать предназначено.

19 декабря 1947

448

Какие еще суждены мне
Радость и боль?
Каким еще цветом забрезжит
Морской прибой?

В каких еще водах омою
Рубцы от ран?
Спасибо за то, что твой путь мне
В образчик дан.

359

На лбу у меня чернеют
Следы огня.
Прохладной своей ладонью
Коснись меня.

1948

449. ДЕВЯТАЯ СИМФОНИЯ

Там, где волны в отчаянье
Дробятся, змеясь,
Мы сегодня встречаемся —
Бетховен и я.

И, грозой осененная,
Несется, взъярив,
Девятая симфония —
Грузинский мотив.

1948

450. ОТРЫВОК

О Пушкин, твой с Арагвой договор
Навеки заключен, и, путник вольный,
Идешь ты в прежней славе между гор,
В долине, где бегут Арагвы волны..
И счастливы суровые хребты,
Что вольный ветер ласкает твои кудри,
И с новой надеждой смотришь ты
На холмы Грузии, встречающие утро.
Беседуешь с Арагвой, словно друг,
И голос твой, в веках неповторимый,
Торжественно разносится вокруг
Над берегом Арагвы нелюдимой.
Светлеют скал гигантские тела,
Ты очарован далью голубою...
«Мне грустно и легко, печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою».

1949

Почему я при виде
 Покрытых росой стеблей
 Вспоминаю всегда
 Слезы юности ранней моей?

Солнце сушит росу,
 Тишина вечеряющих дней
 Отпускает грехи
 Той поры неумной моей.

Скажешь: всё это было
 И ярче всего и светлей
 Только из-за нее —
 Из-за юности бурной моей. . .

Даже след той весны
 Исчезает. Уйдем же скорей
 От весны отшумевшей,
 От юности чистой моей.

1950

452. НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЗИМА 1911 ГОДА

Какой в Батуме снег! По плечи
 В сугробах утлые дома,
 Шального ветра кутерьма,
 И спозаранок топят печи,
 И вьется дыма бахрома.

Метет зима. И сыплет с неба. . .
 И, пеленая смутный сад,
 Колоду крыш, крапленных снегом,
 Тасует вьюга наугад.

Седые хлопья застыт свет,
 Летят, пока хватает силы. . .
 «К восстанью, к смуте этот снег!» —
 Сулят угрюмо старожилы.

Приволок мой дед
Эти жернова.

Я готов взлететь,
В поднебесье петь,
Да мешают мне
Эти жернова.

Я бросаю взор
На вершины гор,
Давят, как ярмо,
Эти жернова.

Я сказал: «Вперед,
Сила силу гнет!
Отчего ж стоят
Эти жернова?»

Эй, сюда, скорей,
Вихри всех морей!»
.. И пошли живей
Эти жернова.

Жесткий камень крут,
Дети хлеба ждут.
Крутятся, бегут
Эти жернова.

Вихревой порыв
Над раздольем нив,
Подпевают им
Эти жернова.

1952

456

Тот старый договор с судьбой,
Обет Арагве голубой,
Который горы огласили,
Остался и пребудет в силе.

364

До самых сумрачных седин
Я твой поэт и паладин.
Ты боль моя, ты моя правда,
Ты, гордая моя Арагва...

Ты мой огонь и гений мой.
Я помню 908-й.
«С в о б о д а», — мы произносили...
Да будет слово в полной силе:

«Т а в и с у п л е б а!» — Жгли костры,
Мы повторяли, школяры,
А смыслом наполняли сами —
Глаголы гневные Исайи.

Цвело столетье в тех речах...
На брюхе крест иль на плечах
Тогда — и впрок — мы раскусили,
И разница осталась в силе.

Арагвы шум — как зов струны,
И лучшие на свете сны
Сквозь искушенья полувека
Проносит мученица вера.

Со мною мир добра и зла.
А тень торчит из-за угла —
Смелей!.. Со светом тьму смесили...
Вся разница осталась в силе!

1952

457

Надежду с тобою делю,
О пальма, и призрачно-перист
Сухой твой железистый шелест.
О чем ты? О мире молю.

Неистовая синева —
Сквозь ветви — сухие ресницы.

365

Прозрачен и виден едва,
Полуденный город теснится.

Как пламя, колеблется порт.
За город — сквозь горы и горы —
Мой взгляд беспредельно простерт,
Лишенный последней опоры.

Ослеп? Поделом, поделом!
Роскошная меркнет Ривьера,
Вдаль хлынула — вширь — напролом —
Пространства свободная сфера!

Что — горы, когда не крепки
И холмики те, и могилы?
Прозревшие старики,
На что вам — подобные силы?

Но через полдневную ярь —
Волос твоих черный янтарь,
Молящие бледные руки —
Ко мне — через годы и муки. . .

И гасит небесный огонь
Моя ледяная ладонь.
Исчезла — манила рукою. . .
О пальма, о древо покоя!

*Осень 1953
Сухуми*

458. ПРОМЕЛЬК ОЛЬГИНЫХ ГЛАЗ

Ты — соколом — стремглав. . . Но в стих
Ко мне — тоской вплелась.
И не забыть вовек твоих
Мне гениальных глаз.

*28 августа 1955
Кафе «Рустави»*

459. ИЗ ДОМУ ВЫШЛА И НЕ ВОЗВРАТИЛАСЬ

Ночь за окном.
И в уголок забился
Чуть теплящийся свет
Одной свечи
С тех пор, как образ твой
Исчез в ночи —
Из дому вышел
И не возвратился.

Смех,
Взрывчатый и звонкий каждый раз,
И слезы,
И сиянье этих глаз,
И радостный
И нежный их рассказ —
Из дому вышли
И не возвратились.

И гениальных этих глаз
Тепло,
Что тьму любую жалило
И жгло,
Как пламя выстрела, —
Во тьму ушло,
Из дому вышло
И не возвратилось.

И кажется:
С ее глазами мгла
И песнь, и боль,
И месть мою взяла.
И вслед за ней
Вся жизнь моя ушла —
Из дому вышла
И не возвратилась.

1940, 28 августа 1955

460. ВЕСНА МОЯ, ПОДОЛЬШЕ ЦАРСТВУЙ

Зима великая стояла
И море с берегом спаяла.
Шесть месяцев сожрал январь —
Такого не бывало встарь.

То оглушительно и пылко
Гремела, как камнедробилка,
То затихала сразу вся,
Сугробы синие кося.

Снегам я верил и не верил,
Но глубину прилежно мерил,
И не оказывала дна
Порою эта глубина.

Что там таилось и мерцало?
Я всё сказал. О, шен, мерцало,
Судьбы огромной на краю
В ладонь замерзшую мою
Ты бездыханная упала.

Весна! Я жив — я слезы лью. . .
Весна, как грустно мне и чудно —
Как будто спал я непробудно:
Лег молодой, а встал старик,
И сон был грозен и велик.

Весна моя, подольше царствуй,
Храни меня и — благодарствуй.
И, где сойдутся две зари,
Мне двери тихо раствори.

12 апреля 1956

461. НАРОД, И ТОЛЬКО ЛИШЬ НАРОД

Октябрь семнадцатого года.
Весна встревоженной земли.
Слова: «Вперед, вперед, свобода!» —
Тогда планету потрясли.

В понятие Октября навеки
И воплотилось, и вошло
Величье духа в человеке,
И вдохновенье, и тепло.
Сил создающих начало
Вошло в движение: «Вперед!»
И слово в мире зазвучало
И стало знаменем: «Народ» . . .

Смотри на лес, луга, и нивы,
И горы в солнечном дыму. . .
Ты обладатель их счастливый,
Ты в мире как в своем дому.
Твои богатства в недрах горных,
И блеск в снегах твоих вершин,
И ширь небес — везде, бесспорно
Всему хозяин ты один. . .
С душой отзывчивой по-детски
Ты смело движешься вперед,
Сравнить тебя мне в мире не с кем,
Мой пробудившийся народ!

Ты тянешься к истоку знания,
Неутолимого вовек,
В котором тайна мирозданья,
Зачатки трав, рожденье рек;
Ты сам всех родников начало
И сила каждого стебля;
Ты ценишь жизнь былинки малой,
Что в дар дает тебе земля.
Проникнувший в ее глубины,
Ты царь сверкающих высот,
Властитель мудрый и единый —
Народ, и только лишь народ.

Средь слов, поднявшихся высоко,
Берущих в вечности разбег,
Одно есть гордое, как сокол,
Простое слово: «Человек» . . .
Но лишь тому оно дается,
Кто сердцем пламенным своим
Народу верен остается,
Живет и дышит вместе с ним.
Душой стремящийся к свободе,

Всех обездоленных оплот,
Поддержку в будущем находит
Народ, и только лишь народ.

И даже в лирике любовной
Поэт отдаст земной поклон
Величью красоты духовной,
Которой наш народ силен.
Пусть песня, достоянье мира,
Летит, прекрасна и грозна.
Мы знаем — истинная лира
Душой поэта стать должна.
Любовно, гневно иль сурово
До каждого оно дойдет —
Простое, искреннее слово,
Что чутко слушает народ.

От поколенья к поколенью
Передается торжество,
Когда с коротким словом «Ленин»
В нас оживает дух его.
Мы глубже дышим, смотрим шире,
И радугой вослед дождю
Нам слово Ленина о мире,
И эхом — наш ответ вождю...
Наш Ленин! Вечность не остудит
То слово, что в сердцах живет,
И с ним непобедимым будет
Народ, и только лишь народ.

Мир!
Это слово в речи нашей
Несложно, но в него вошли
Движенья рек, дыханье пашен,
Законы жизни и земли.
И нет святее вдохновенья,
Что призвано в сердцах сложить
Ту песню, где одно стремленье —
В подлунном мире в мире жить,
И дух и сила наши в этом,
И мощь растет из года в год,
И славен тем пред целым светом
Народ, и только лишь народ!

25 июля 1956

Всё желтое становится желтей,
И радуга семь раз желта над нами,
И россыпь драгоценных желудей
Всё копит дуб и нежит меж корнями.

Всё — в паутине, весело смотреть,
Как бьется в ней природа пред зимою.
Счастлив рыбак, который эту сеть
Наполнил золотою чешуею.

Пока в дубах стозвонный звон стоит
И шум летит над буркою Арсена,
Прикосновеньем осень осенит
Всё то, что было неприкосновенно.

1956

Тень каштана скользит по стеклу.
Там за нею — за дальнею далью —
Посетителя тень в зазеркалье —
Та же, в том же глубоком углу.

Это утро. Пустое кафе.
Я, входящий в чудесном смятенье.
Это Пушкин!.. И спутницы-тени:
Экатомба и аутодафе.

Пистолет иль костер? Всё равно.
Черный остов — иль малая ранка...
Для избранных э т о г о ранга
Честь жены, честь эпохи — одно.

Где по мраморному алтарю
Жилка мерзлая — Черная речка,
Там тебе — только нож да овечка.
Слышишь, чернь, это я говорю.

Высоты переполненный кубок,
Золотое руно октября.
Величавый обломок — обрубок —
Клен пылает — и пышет заря.

А кора у него камениста,
А листва у него молода
И прорезана нежно и чисто,
И пронзают ее холода.

Будто эти корявые ветви,
У развилки — тропа и тропа.
На зарю оглянись и помедли,
Как заря, как деревьев толпа.

Здесь преданья витают поныне
Над обрушенным утлым жильем,
Здесь бесплодные молят рабыни —
Две рабыни — о чреве своем.

Шум невидимого водостока:
Там речонка в бетоне узды,
Солнце выглянет с юго-востока
Из-за той вон кудрявой гряды.

... Смотрит клен на террасы Самадло,
На угрюмый зубец Кер-Оглы.
Не согнуло тебя — хоть сломало,
Навязало на память узлы.

Будет полдень достоин преданий:
Небольшое усилие ума —
И рванется дорога к Бетани —
Как дыханье, как выстрел — пряма!

Где красуется клен-перестарок —
С легкой ласточкиной крутизны —
Через весь крючковатый кустарник —
Так — летающие — спасены!

А по тропам сходя кропотливо,
Можно храма совсем не найти. . .
Бей, охотник, бездельник счастливый!
Лас-точ-ка, замирая, лети!

1957

466

Смерть не смогла бы
С лирикой справиться.
Тверди и хляби
В честь ее — здравицей!

Тополн, грабы,
Ларикс сибирика —
Всё это ямбы,
Лирика, лирика!

1957

467

Нет, друг мой Георгий!
Не те уже годы,
Чтоб — няньки да няньки
Под видом народа.

Ему мы служили,
Ему и дослужим.
Ему! А не разным
Проходим досужим.

1957

Есть настоящий, сущий —
 Души твоих книг читатель.
 И есть — ему вслед ползущий
 Книжных листов листатель.

Тянет, потянет, вытянет
 Где-нибудь лыко в стрóку,
 Выудит, выдоит, выкопает. . .
 Ни спросу с него, ни проку!

1957

Здесь дорогою от бога
 Встарь любили мы ходить,
 Да покинута дорога,
 Словно некого любить. . .

Что исконно, что старинно,
 Мне желанно и без слов:
 Честный хлеб, златые вина,
 Гость, хозяин, добрый кров.

Славлю древнее застолье,
 Песню славлю, но люблю
 Древа мудрого приволье —
 Так давно ему внемлю!

Осень, жду тебя, родная,
 Где рука твоя? Я — твой!
 Всё простое — принимаю,
 Что издревле — всё со мной!

1957

Блещут красноречием,
И, во имя братства,
Уверяют — нечего, мол,
Прошлым упиваться!

Да, но вдруг пробудятся
Мертвецы и толпами
По тбилиским улицам —
Топотом, потопом!

Бабки, деды, прадеды,
Славные прапращурь,
Всё во гневе праведном
И не перебарщивая. . .

Вот когда вы взмолитесь
Скопом: «Без сомнения,
Жертвы мы невольные
Недоразумения!»

1957

О забвеньё! Пепел древний
Не сметишь с камней Джвари!
Двинут в бок Арагвы гребни,
В грудь ударит пена Мтквари.

Изберешь иные тропы —
И глаза обуглят маки,
Будут путать путь окопы
И раскопок буераки.

Вспять пойдешь, и в котловине
Холод твой растопит Мцхета,
Рассечет, располовинит —
Ни ответа, ни привета.

Безмятежна нега неба,
Но взгляни, как почва ропщет,

Из бушующего склепа
Вышли полчища усопших.

Схватит ржавый меч десница,
Станет сталью половодье,
В поле битвы обратится
Даже кладбища угодые.

Видишь холм Светицховели,
Золотом запыляхавший?
Встали с каменных постелей
Рати павших питахшей.

Враг бежит через пригорки...
Смерть настигнет, бросит наземь,
И не дрогнет сторож зоркий,
Грозный бастион Армази.

Жметя к паперти замшенной
Полумертвое забвенье.
Мцхете юной, обновленной
Я дарю стихотворенье.

1957

472. СО ВСЕХ УГОЛКОВ НЕОБОЗРНОЙ СТРАНЫ

Мелькают весны, лета, зимы,
Земли быстрее поворот,
Быстрее года, и вместе с ними
Быстрее мы движемся вперед.
Застыть на месте? Мимо, мимо!
Дано нам брать, искать, расти!
Для нас и мысль недопустима
В ряду с несмелыми идти.

Из каждой сакли, хаты, дома,
С полей, из чащ, лугов и рощ
Невиданного перелома
Идет невиданная мощь.

Камней сверканье драгоценных
Не так нам поражает глаз,
Как искры мыслей вдохновенных,
Что Ленин высказал о нас.

1957 .

473. СЛОВО О ГРУЗИНСКОЙ ДЕКАДЕ

Утро.
Ветер прошуршал по саду,
Время натянуло тетиву,
И стрелюю песня на декаду
Полетела в этот час в Москву.

Поднялся с утеса Нарикалы
Дух тысячелетний, как орел,
И стальные крылья просверкали
Над простором городов и сел.

Зазвенел ли древний щит Джургая,
Тронулся ли на Казбеке лед, —
Слышу: «Где же Грузия другая», —
Ожидая нас, Москва поет.

Пой, Тбилиси, мой любимый город,
Вторь ему, родная сторона.
У твоей зари расстегнут ворот.
Грудь в загаре золотом видна.

Помнишь, как декада Петрограда
Ленинским искусством баррикад
Белых трутней выжила из сада?
Это было сорок лет назад.

Возмужали мы, стремясь к победам.
День настал и для иных декад,
И в искусство братское Советов
Ныне вносишь ты сыновний вклад...

Наша песнь в веках не устарела,
Надо быть столетия в пути,

Чтобы в танцах преподать «Отелло»,
Чтоб по сцене Ричардом пройти.

Предок горд чеканом Опизари.
А у нас грядущего творцы
Воздвигают у седых развалин
Наши небывалые дворцы.

Платим дань и мы культуре древней,
Но, согреты нынешним огнем,
Наши песни с каждым днем напевней,
И резец искусней с каждым днем.

Вот и стопы книг, где Руставели —
В неизменной славе вековой.
Вот Акакий с песней о Натэле,
Вот Илья с «Отаровой вдовой».

Кровь с веками в нас не стала тише.
Танец наш, он — как морской прибой.
В трепет он бросал сердца в Париже,
И в Москве он прогремит волной.

Зазвенел ли древний щит Джургая,
Тронулся ли на Казбеке лед, —
Слышу: «Где же Грузия другая», —
Так, встречая нас, Москва поет.

Я Москве-столице отвечаю,
Оставляя вдалеке Казбек:
«Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек».

Для любви и горы не преграда.
Край родной, настал и твой черед.
Слушай, мир: грузинская декада
Всем о дружбе и любви поет.

Я желал бы всю Москву засыпать
Лепестками циндальских роз...
Песню и грузинское спасибо —
Мадлобели вар — я ей привез!

1958

474. КТО БЫ ВИДЕЛ

Это не стрела Эрота —
И не надо сердцеведов —
Это смертная дремота
В сердце входит —
Вайме, дедав!

Эти ранние щедроты
Так открыто и раздольно
Входят в сердце — как в ворота —
Тихо-тихо,
Больно-больно.

475. К МОЛОДОСТИ

Прозрачные ткани клубя,
Твой ветер летит надо мною.
Зачем вспоминаю тебя —
Еще небывалой, иною?

В морщинах планеты чело,
И сердце в разрывах глубоких —
Всемирных несчастий число,
Надежда слепых и убогих...

На черном и на золотом —
Старинных холстов кракелюры...
Все счета сведу я потом
С красотами литературы.

Зачем вспоминаю тебя —
Еще небывалой, иною?
Прозрачные ткани клубя,
Твой ветер летит надо мною.

Однажды только
 В тишине
 Произнести имею право:
 «Мне
 Скорбна
 Слава».

Я гений безмолвия.
 В полдневном шуме бытия
 Такая тишина — крамола,
 Но в грохоте моря
 Слышу я
 Молчанье моря.

А эти хлопоты и пир —
 Всё это слишком повторимо...
 Беспмятство Рима,
 Безмолвие лир,
 Пути пилигрима.

477. ДА БУДЕТ ВЕТЕР!

Да будет ветер —
 Тот, который
 Взметаёт траурные шторы
 В домах, где больше не живу я!

Гнет линию береговую
 Дыханье — долгое, прямое.

Да будет ночь!
 Да будет море!
 Да будет небо без просвета,
 И лодка, и весло...

Давным-давно,
 Когда-то, где-то
 Со мной уже произошло
 Всё
 Это.

Истерся медный грош.
 На солнышке щербина.
 Судьба моя, судьбина,
 За всё спасибо... Что ж.

Душа была нежна
 У грубости во власти.
 Доволен всем — отчасти.
 Благодарю — сполна.

За медный бедный грош
 И золото пустыни,
 И призрак благостыни:
 Идешь — идешь — идешь...

Колышется в огне
 Твой крючковатый профиль.
 Спасибо, Мефистофель:
 Тебя — не надо — мне...

Неба не видели,
 Землю заездили,
 Предали тайну площадной огласке.
 Лишь на мгновенье поверил я бездари —
 Быть перестал!
 Обескровели краски.

Кто
 Посвященного небу и облаку
 Галактиона к покорности нудит?
 Или —
 Свободы не ведая от веку —
 Мне о свободе толкует?
 Ну, будет!

Умные люди — пришли на готовое,
 Сердца не тратя,

Планете пророчат
Время без гения — тусклое, вдовое...
Завтра умру!
А планета — как хочет,

480. СМЕРТЬ ФУТУРИСТА

Который день хворает футурист,
И час его последний глух и мглист.
Лежит голодный мастер — нищ и наг,
Товарищи его снабжают пищей
Духовной, а иной он и не ищет.
Здесь Маяковский, здесь и Пастернак,
Напутствуют его с Парнаса оба,
И эпитафией украшена стена:
«Обут я в шляпу, нахлобучил обувь
На голову, и вот уж мне хана».

481

Мерещатся вам ложа и партер,
Ваш давний идеал — миллиардер.
А мне бы — ширь небесной синевы,
Щепотку табака и горсть любви.

482. ПЛОТЫ НА КУРЕ

По Куре — за плотом плот.
Плот плоту — всегда оплот.
За плотиной, над плотвой
Шепчет плот плоту: «Я твой!
Плоть моя жива тобой,
А не плотской ерундой».

В волосах давно уж серебриста вьюжность,
 Старость эту пряжу выткала, спеша.
 Я не обижаюсь, право же, на юность:
 Ведь была она на редкость хороша.

Где же повседневность? Тоже миновала —
 Ведь ее почти не помню на пути.
 Жалобы на то, чего и не бывало,
 Никогда нельзя нам вслух произнести.

Ужас раздвоенья вовсе мне не ведом —
 Никогда не чуял и совсем не знал...
 Я ведь жизнь проведаль, чтоб услышать следом
 Небывалый, горний, горестный хорал,

Мост над Невой...
 Мост над Невой...
 Новой надежды отрада.
 Вот он явился
 Душе мировой,
 Доблестный лик
 Ленинграда...

Помню:
 Доха, ураган над Невой,
 В зимнем взвихрении бурном —
 Город всемирного духа,
 Его
 Всё еще звать Петербургом.

Помню:
 Семнадцатый,
 В Смольном горят
 Лампы и поздно, и рано, —
 Это со мной...
 Петроград, Петроград,
 В мире темно и туманно...

Слава дороге!
Небу хвала!
Сказочен путь твой неспрадный,
О Ленинград,
Чья звезда так светла,
О Ленинград мой прекрасный!..

485. ПОСВИСТ ПУЛЬ НАД НЕВОЙ

Тот крах и гром для слуха — не молва:
Я слышал всё, как слышала Нева
Свист пуль сквозь треск мороза.
Дыханье занималось на ходу —
То дул сквозняк, качавший на мосту
Усталого матроса.
Как символ веры в будущий рассвет,
Вдали виднелся смутный силуэт
Полночного дозора,
И луч по темным зданьям пробежал,
И над домами Смольный возникал
С величием собора...
(Но кто о нем сказал бы просто дом?
Он, как титан, воспрянувший с трудом,
Восставший с дерзкой целью
Попрять старье, пощады не суля,
Попрять старье, хотя сама земля
Сковала ноги цепью.
Он поднялся, разрушив и покой,
И горизонт той ночи городской,
Где тьма — с домами вровень.
Она не для забвения, скорей
Для призраков и для нетопырей,
сам дух ее греховен!)
Тогда поэт в сегодня, в бытие,
Звал свой талант, бессмертие свое,
И грел грядущим душу, —
И в слово обращенная душа,
Всё буйство жизни выразить спеша,
Вдруг вырвалась наружу...
Да, сверстников всё меньше у меня...

Что наша жизнь, как не движенье дня,
Его лишь слепок точный.
Меж трех святынь судьба проводит нас:
Час полуденный, сумеречный час
И грозный час полночный.

486

Не потерял я, странствуя,
Ни самой малой малости,
И что за свойство странное:
Не чувствую усталости!
А песни щедро розданы
С их ритмами тревожными,
А меч во имя Родины
Вовек не знался с ножнами.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании представлены переводы только стихотворений Галактиона Табидзе. Перевод поэм — пока еще дело будущего.

Первыми переводами лирики Г. Табидзе следует считать переводы В. Гаприндашвили, вошедшие в небольшую антологию грузинской поэзии, изданную на русском языке в 1921 г. — в год победы в Грузии Советской власти. В данный сборник вошли более поздние переводы В. Гаприндашвили.

При составлении настоящего сборника был критически пересмотрен весь существующий фонд переводов из Г. Табидзе, который резко делится на две части: переводы, имевшиеся в наличии до юбилейного (в связи с семидесятилетием со дня рождения) издания 1973 г. (Тбилиси, «Мерани»), и переводы, выполненные за период от подготовки указанного издания по настоящее время. Первоочередное внимание было уделено отбору подлежащих переводу произведений, художественному уровню имевшихся переводов, их качеству и наконец самому методу, принципу перевода такой сложной, оригинальной и в известной мере «непереводимой» поэзии, какой является поэзия Г. Табидзе. В значительной степени эта работа была проведена при подготовке издания 1973 г.

При составлении настоящего издания первейшей, отправной задачей стало тщательное изучение всего лучшего, что было создано ранее; в необходимых случаях пришлось заново отредактировать, освежить и обновить имеющиеся переводы. Своего рода золотым фондом явились выдержавшие испытание временем переводы В. Гаприндашвили, П. Антокольского, Н. Тихонова, Б. Брика, Б. Лившица, Н. Заболоцкого, А. Тарковского, М. Талова, Э. Ананиашвили, К. Арсеновой, В. Потаповой, Г. Цагарели, Э. Александровой, О. Ивинской, В. Бугаевского, В. Шаламова, А. Межирова, Н. Гребнева, Е. Николаевской и И. Снеговой, Д. Голубкова и других мастеров разных поколений. Но даже в своей совокупности эти достаточно давно осуществленные переводы составляют лишь небольшую часть включенных в данную книгу работ. Поэтому совершенно особое значение приобретают переводы новые. Для издания 1973 г. были подготовлены переводы Б. Ахмадулиной, В. Леоновича, Ю. Ряшенцева, И. Дадашидзе, М. Синельникова, Д. Беридзе, Г. Маргвелашвили. Эти авторы и в дальнейшем продолжили свою работу над переводами из Г. Табидзе, а для уча-

ствия в данном издании, кроме большинства названных поэтов, были привлечены также Е. Квитницкая, Я. Гольцман, Б. Резников, В. Алейников. Их переводы были большей частью опубликованы в вышедшем в 1982 г. в Тбилиси (изд-во «Сабчота Сакартвело») юбилейном сборнике Г. Табидзе «Лирика». Современное звучание поэзии Г. Табидзе определяют близкие к оригиналу по духу и художественной сути переводы Б. Ахмадулиной, В. Леоновича, Е. Квитницкой, И. Дадашидзе, Б. Резникова и их коллег. Можно надеяться, что настоящее издание будет способствовать «второму рождению» — русскому преобразению — поэзии Г. Табидзе.

Необходимо подчеркнуть, что, как показал опыт составителя настоящего издания, поэзия Г. Табидзе при переводе ее в иную языковую стихию требовала применения принципа так называемых «вольных переводов». Это дает возможность приблизиться не только к ее общему духу и художественному ладу, но и к силе ее воздействия, достичь необходимого художественного эффекта, без которого любая точность перевода теряет смысл. Как известно, принцип этот доказал свою правомочность в мировой переводческой практике и теоретически обоснован многими авторитетными специалистами.

В основу структуры настоящего издания положен хронологический принцип, поскольку уже в прижизненных грузинских изданиях Г. Табидзе состав и порядок расположения стихотворений неоднократно подвергался разного рода изменениям. За основу датировки приняты даты, установленные в последнем (посмертном) 12-томном издании сочинений Г. Табидзе. Работа над уточнением дат продолжается и сегодня. В настоящем издании в некоторых случаях произведены на основании разного рода фактических данных лишь некоторые уточнения. Угловые скобки означают, что данное стихотворение по совокупности имеющихся сведений не могло быть написано позднее указанного времени (как правило, это дата первой публикации). Даты с пометой: «между» означают отрезок времени, на протяжении которого было создано данное произведение. Две даты, разделенные запятой, указывают на существование двух редакций. В конце тома помещено несколько стихотворений, время написания которых не установлено.

Источником разного рода высказываний поэта, приведенных в Примечаниях, является упомянутое выше 12-томное Собрание Сочинений поэта на грузинском языке (т. 12, Тбилиси, 1975), где опубликованы статьи, воспоминания, дневники и письма Г. Табидзе. Используются также архивные данные, которые содержатся в комментариях к другим томам названного собрания. Все эти сведения приводятся без дополнительных ссылок. В Примечаниях комментируются события грузинской и всеобщей истории, мифологические имена и названия, географические наименования, а также грузинские слова и выражения, оставленные в тексте стихотворений без перевода.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1, 2. В авторском примечании к этим двум стихотворениям сказано: «Первые мои стихи «Черная туча» и «Горит луна» были напечатаны в 1908 году — первое в журнале «Чвени квали» («Наш след») и второе в газете «Амирани». Два первых моих стихотворения были опубликованы в один и тот же день, и это был лучший и счастливейший день в моей жизни».

4. Стихотворение было помещено в рукописном журнале «Луч», выпускавшемся в 1908 году учащимися Тифлисской духовной семинарии; его редактором был сам Г. Табидзе. В первый номер журнала (он сохранился), кроме двух стихотворений юного поэта, были включены также три его статьи.

5. Согласно преданию, просветительница Грузии св. Нина совершила обряд крещения грузин крестом, сделанным ею из виноградной лозы, скрепленной ее волосами. Крест из лозы стал для Грузии не только религиозным знаком христианства, но и символом национальной свободы и независимости. Стихотворение связано с судьбой И. Чавчавадзе, классика грузинской литературы, вождя национально-освободительной борьбы и одного из крупнейших деятелей революционно-демократического движения в Грузии второй половины XIX — начала XX в., убитого в 1907 году агентами царской охранки.

8. В одном из авторских примечаний сообщается, что стихотворение было прочитано на нелегальной сходке в Кутаиси. Впервые опубликовано только в 1933 г. в журнале «Мнатоби» («Светоч»); есть основания предполагать позднюю авторскую доработку.

10. *Колхида* — историческое название Западной Грузии, распространенное в древнегреческой литературе с VI в. до н. э.

11. *Цамеба* (груз.) — мұка.

25. *Аврора* (римск. миф.) — богиня утренней зари; здесь — утренняя заря.

32. *Беатриче* — героиня поэзии великого итальянского поэта Данте Алигьери (1265—1321).

36. *Гурия* — область в Западной Грузии, известная своими сводободлюбивыми революционными традициями.

38. *Дэвы* — сказочные существа (злые великаны) в грузинских народных сказках и преданиях.

46. Стихотворение является откликом на первую мировую войну. См. о нем вступит. статью, с. 10. *Конь Апокалипсиса* (библ. миф.) — фантастическое видение, предвещающее гибель мира. *Ниобея* — многодетная супруга фиванского царя Амфиона, наказанная детьми богини Лето Аполлоном и Артемидой за оскорбление их матери. Были убиты все дети Ниобеи, а сама она окаменела от горя. По одному из вариантов мифа Зевс превратил ее в скалу, источающую слезы.

48. *Бодлер Шарль* (1821—1867) — французский поэт, участник революции 1848 г. Предшественник французского символизма, автор сборника «Цветы зла». Так же как Мюссе, Верлен и Готье, был одним из наиболее близких Г. Табидзе поэтов. В стихотворении использованы мотивы поэзии Бодлера.

50. *Зедаше* (груз.) — вино, причастие.

51. *Центифоллий аромат*. Центифольная роза цветет ранней весной, обладает сильным и приятным специфическим запахом.

52. *Церетели Акакий* (1840—1915) — классик грузинской литературы и выдающийся общественный деятель; его жизнь была посвящена национально-освободительному и революционно-демократическому движению в Грузии. О значении поэзии Церетели в творчестве Г. Табидзе см. вступит. статью, с. 14.

53. О своеобразном прототипе условно-романтического образа *Мери* Г. Табидзе в одной из своих поздних записей заметил: «Красавица Мери Шервашидзе жила и живет своей исполненной чистоты, чести и достоинства жизнью — жизнью обычной — не плохо и не хорошо. Издали ее в свое время безумно любил один юноша, но Мери не ведала об этом или смутно догадывалась, но сомневалась в этой любви, да и некому было рассеять ее сомнения». Мери Шервашидзе — бывшая фрейлина русской императрицы, жила в Кутаиси; в 1915 г. (когда и было написано стихотворение) вышла замуж за князя Эристави, отправилась с мужем в Париж и на родину уже не возвращалась. В 1935 г. Г. Табидзе, будучи делегатом Всемирного антифашистского конгресса в Париже, видел ее там. Встреча послужила поводом к созданию стихотворения «Глазами Мери». Мери Шервашидзе жива поныне, находится в переписке с некоторыми своими бывшими соотечественниками. Портрет молодой Мери Шервашидзе написан известным художником Сориним. Образ Мери встречается во многих стихотворениях Г. Табидзе. «*Могильщик*», «*Я и ночь*» — см. стих. № 26, 30.

54. *Мтацминда* (Святая гора, или гора Святого Давида) возвышается над Тбилиси. На ее склоне находится Пантеон общественных деятелей и деятелей культуры. Там похоронены А. Грибоедов, Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели, а ныне — и сам Г. Табидзе. *Метехи* — храм XIII в. в Тбилиси на берегу р. Куры. Церетели *Акакий* — см. о нем примеч. 52. *Бараташвили* Николоз (1817—1845) — классик грузинской поэзии, поэт-романтик.

55. В поисках поэтической родословной этого стихотворения литературоведы обращались и к Евангелию (Откровение св. Иоанна Богослова, или Апокалипсис), и к стихотворению В. Я. Брюсова «Конь блед», настойчиво пытались обосновать его связь с символизмом. Все эти попытки вполне правомерны при условии, что не будет упущено главное: оригинальная, национально-самобытная основа стихотворения. Сам Г. Табидзе, как вспоминает один из наиболее авторитетных мемуаристов Н. Агишвили, говорил: «Когда я напечатал своих «Синих коней», кое-кто из критиков обрушился на меня и устроил разнос за якобы непонятность и бессмысленность стихотворения. «Это же декаданство! — кричали они. — Это же заимствовано у символистов и отпетых европейских упадочников!» Чего еще только не говорилось. . . О синие кони, мои славные кони! Была же нужда у Галактиона вас где-то красть на стороне? Вы же наши грузинские лошадки! вспомните, на каком коне сидел руставелиевский Автандил? На лурдже — на синем, иссиня-черном скакуне! А царь Ираклий — опять на нем же! Бараташвилиевский Мерани был явно таким же, а наш народный герой Арсен Одзелашвили, ведь, помните, только ему исполнилось шестнадцать и появился пушок на губах, как стал

гарцевать все на нем же! Так вот, если угодно, я у них и украд моих коней, чего же вам еще нужно? Ужели Арсен и Бараташвили были отпетыми декадентами, а славный царь Ираклий или Автандил — символистами? .. Побойтесь бога! ..» Образ *синих коней* проходит и через другие стихотворения Г. Табидзе, особенно яркое воплощение он получает уже в послереволюционной «Эфемере» 1922 г. (см. стих. № 197).

56. В одной из записей Г. Табидзе свидетельствовал: «В этом стихотворении конкретно отразилось мое жизнепритие, мое примирение с жизнью. Это было и у классиков, но они не противопоставляли так резко жизнь — смерти». *Яхонт* — древнерусское название ряда драгоценных камней: сапфира, рубина и др. *Книга Чисел* — четвертая книга Ветхого завета.

57. *Нагая* — Афродита (греч. миф.), Венера (римск. миф.), богиня любви и красоты, по одному из мифов возникла из морской пены.

59. *Эдгар По* (1809—1849) — американский писатель. В стихотворении упомянуты героиня его лирики *Линор* и баллада «*Ворон*».

61. *Осанна* (спаси же!) — молитвенный возглас, которым, по преданию, был встречен Иисус Христос при входе в Иерусалим. *Вилье де Лиль-Адан* (1838—1889) — французский поэт, прозаик, драматург; был близок к коммунарам, поражение Парижской Коммуны привело его к мистике.

64. *Пьянят певца венцы ширазских роз*. Шираз — главный город иранской провинции Фарсистан; знаменит розами, которые были воспеты великими персидско-таджикскими поэтами Саади (XIII в.) и Хафизом (XIV в.).

66. *Ниамори* (груз.) — газель.

69. *Гомбори* — село на границе Картли (область Центральной Грузии) и Кахетии (Восточная Грузия).

70. *Пирвели варди* (груз.) — первая роза. *Гавайя* (Гавайские острова) — архипелаг в Тихом океане. *Трифтонг* — редкое сочетание трех гласных звуков в одном слогое. *Эдем* (библ. миф.) — символ рая. *Уку-леле* — национальный инструмент.

73. *Эдем* — см. предыдущее примеч. *Буколики* — жанр античной поэзии, изображающий пастушескую жизнь.

74. *Торквато Тассо* (1544—1595) — итальянский поэт эпохи Возрождения. *Как из Лувра Джоконду похитили там, на чужбине!* Речь идет о картине Леонардо да Винчи (1452—1519) «Мона Лиза. Джоконда», похищенной из Лувра в 1911 г. и возвращенной в 1913 г.

76. *Серафим* — в иудейском и христианском вероучении ангел высшего чина с шестью крыльями.

77. *Зейнаб* — героиня исторической драмы А. Сумбаташвили-Южина (1857—1927) «Измена». *Дориан* — герой романа английского писателя Оскара Уайльда (1856—1900) «Портрет Дориана Грея».

78. *Лакме* — героиня одноименной оперы французского композитора Л. Делиба (1830—1891). *Карьер Эжен* (1849—1906) — французский художник. Известен написанный им портрет Поля *Верлена* (1844—1896), французского поэта, чье творчество было особенно близко Г. Табидзе. Он не расставался с поэзией Верлена всю жизнь, писал о нем, переводил на грузинский язык. *Кантилена* (итал.) — небольшое лиро-эпическое стихотворение, предназначенное для пения. *Тристии* (лат.) — скорби. Сборник Верлена, название которого, возможно, восходит к книге римского поэта Публия Овидия Назона «*Tristiae*».

79. *ТЕРРА!* (лат.) — земля. *Люцифер* — здесь: Светоносец, название утренней звезды (планеты Венеры).

80. *Шираз* — см. примеч. 64. *Ортачала* — район в старом Тбилиси, славившийся садами.

81. *Алаверды!* — восклицание при передаче чаши с вином во время пира.

85. *Мери* — см. примеч. 53.

86. *Домино* (итал.) — маскарадный костюм в виде длинного плаща с капюшоном; ряженный на маскараде. *Требник* — православная богослужебная книга, содержащая тексты церковных служб.

88. *Арагва* — горная река в Грузии, впадающая в долине в *Куру Хевсур* — житель Хевсуретии, горной области Грузии. *Святой Георгий* — христианский святой Георгий Победоносец; изображается на коне, попирающем Диоклетиана (римского императора, 284—305 н. э., гонителя христиан) или дракона. Был особо чтим в горных районах Грузии.

89. *Риони* — река в Западной Грузии. *Зекари* — село.

91. *Галилея* — историческая область в Северной Палестине; по евангельскому преданию, основной район проповеди Иисуса Христа. *Голофа* — холм в окрестности Иерусалима, где, по преданию, был распят Христос. *Мтацминда* — см. примеч. 54. *И если ты подашь мне эту чашу* и т. д. Намек на слова Иисуса Христа: «Отче мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Евангелие от Матфея, XXI, 38).

93. *Лиахви* — река в Центральной Грузии (Картли). *Мтквари* — грузинское название реки Куры. *Алазань* — река в Кахетии (Восточная Грузия). *Иверийские горы*. Иверия — древнее название Восточной Грузии, часто употребляется как синоним всей Грузии.

94. *Тбилиси* — один из древнейших городов СССР. В IV веке н. э. Тбилиси существовал как город-крепость. *Феникс* (др. египетск. миф.) — сказочная птица, обладавшая способностью при приближе-

нии смерти сгорать в гнезде и затем вновь возрождаться из пепла; символ вечного обновления, возрождения. *Над тобой нагнетал Ночь Варфоломей*. 24 августа 1572 г. в Париже в ночь под праздник св. Варфоломея католиками была произведена массовая резня гугенотов; Варфоломеевская ночь приобрела нарицательное значение резни вообще. *Джелал-ад-Дин* (ум. 1231) — последний правитель государства Хорезм. Возглавил борьбу с монголо-татарскими завоевателями в Средней Азии, но его походы в Закавказье и Иран были кровавыми. *Тамерлан* (Тимур, 1336—1405) — среднеазиатский правитель, полководец. Разгромил Золотую Орду, совершал опустошительные походы в Закавказье, Иран, Индию, Малую Азию и др. *Тут и грек и араб* и т. д. В VII в. в Тбилиси вторглись арабы, в IX—XI вв. город подвергался опустошению со стороны хазар, персов, турок-сельджуков. Нашествие в начале XVII в. персидского *шаха Аббаса I* (1571—1629) вызвало народно-освободительную борьбу во главе с бывшим тбилиским моурави (правителем) Георгием Саакадзе.

95. *Тут* (тутовое дерево шелковица) — разводится как кормовое растение для тутового шелкопряда или как плодовое дерево. *Меписчала, Ахалшени* — села на берегу реки Риони в Западной Грузии.

97. *Мери* — см. примеч. 53.

98. *А ветер налетел с Мадатова*. Мадатовский остров ныне слился с осушенным участком правого берега Куры под мостом им. Карла Маркса (быв. Воронцова) и перестал как таковой существовать.

101. *Пронесся в слепом полете стремительный конь македонца?* Имеется в виду поход Александра Македонского (356—323 до н. э.) через Грузию в последней четверти IV века до н. э.

103. *Паладин* — название легендарных сподвижников Карла Великого и короля Артура, обладающих всеми рыцарскими доблестями и всегда готовых жертвовать жизнью за веру, короля и свою даму; в переносном смысле — неколебимый приверженец тех или иных идей и лиц.

106. *Вельзевул* (библ. миф.) — имя сатаны, главы злых духов или демонов.

108. Стихотворение является непосредственным откликом на Февральскую революцию 1917 г. Весть о падении самодержавия застала поэта в Кутанси. Стихотворение было опубликовано 13 марта 1917 г. в первом номере начавшей тогда выходить газеты «Социал-демократ».

109. *Мы, НИКОЛАЙ*. Имется в виду Николай II (1868—1918). *ТАВИСУПЛЕБА* (груз.) — свобода, воля.

110. *Конь-блед* (Конь Апокалипсиса) — см. примеч. 46.

111. *Аполлон* (греч. миф.) — бог Солнца, покровитель искусств.

113. *Рыцарь Грааля*. Грааль, по христианскому преданию, не то священный камень, не то чаша, в которой собрана кровь распятого Христа, символ «божественной благодати». Хранился в сказочном замке. Во французском и немецком средневековом романе Кретьена де Труа (1130—1191) и Вольфрама фон Эшенбаха (ок. 1170—1220) поиски рыцарем Парцифалем святого Грааля — это труд нравственный. Поиски Грааля есть путь познания окружающего мира и самого себя; постижение Грааля — обретение истины.

114. *Купидон* (римск. миф.) — бог любви. Купидоны в переносном значении — красивые мальчики.

115. *Мтацминда, Священная Гора* — см. примеч. 54.

116. *Обитель отцов «Непорочного зачатия»* была расположена на берегу Черного моря близ Нового Афона.

117. *Роза* — символ богородицы. *Придел* — в православном храме небольшая пристройка со стороны южного или северного фасада, имеющая дополнительный алтарь для богослужений.

119. *Ектенья* — совокупность молитв, читаемых дьяконом или священником от имени верующих. Произносится на панихидах и при погребении.

120. *Ангел с пергаментом*, или так называемый «ангел вписующий» появляется в иконографии в средние века («вписующий», т. е. вписывающий в свиток (пергамент) всех, входящих в храм). *Замки Грааля с Лидийской часовней*. Грааль — см. примеч. 113. Лидийская часовня — источник образа не ясен. Может быть, имеется в виду город Лидда (или Лод) по дороге из Иерусалима к Иоппии. Здесь рано образовалась христианская община. Когда, по преданию, апостол Петр исцелил расслабленного Энея, все жившие в Лидде уверовали в Христа. Лидда считалась отечеством св. Георгия (см. примеч. 88).

121. *Инеса де Кастро* — дочь Педро Фернандеса де Кастро из кастильского королевского рода была тайно обвенчана с наследным принцем сыном короля Альфонса IV Португальского. По решению королевского совета была тайно убита. Став королем, наследный принц объявил, что был обвенчан с Инесой с разрешения Папы, приказал извлечь из могилы тело Инесы и оказывать ему королевские почести. Затем тело торжественно похоронили в царской гробнице и воздвигли памятник из белого мрамора, увенчавшийся изображением Инесы с короной на голове. Инеса де Кастро воспета португальскими поэтами от Луиса Камозанса (1524—1580) в поэме «Луизиада» до поэта XX века Кублеса.

123. Это стихотворение, а также стих. № 124—130 написаны в период пребывания Г. Табидзе в Москве и Петрограде (от октября 1917 до конца июня 1918). Данное стихотворение написано в Москве до 25 июня 1918 года. *Алкей* (конец VII — первая половина VI в. до н. э.) — древнегреческий поэт. В его стихах преобладали мотивы

гражданской войны. *Ханаанское млеко*. Ханаан — древнее название территории Палестины, Сирии и Финикии, стало символом земли обетованной.

124. См. примеч. 123. *Каин* (библ. миф.) — старший сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля. *Доре Гюстава* (1832—1883) — французский график, иллюстратор Библии и «Дон-Кихота» Сервантеса. *Наяда* (греч. миф.) — нимфа вод.

125. См. примеч. 123. Жена Г. Табидзе Ольга Окуджава написала в письме к поэту: стихотворение «было написано во время твоего пребывания в Петербурге», т. е. его следует датировать второй половиной июня 1918 г.

126. См. примеч. 123. *К Неве от исаакьевских колонн*. Исаакиевский собор в нынешнем виде был завершен постройкой в 1858 году. *Серебряная пальма Неине*. Имеется в виду, вероятно, стихотворение Г. Гейне «Ein Fichtenbaum». *И я прочел бы моего «Пророка»*. Возможно, намек на стихотворение А. С. Пушкина «Пророк», написанное поэтом в 1826 г. *Чхеидзе Н. С.* (1864—1926) — один из лидеров меньшевизма, в 1917 г. председатель Петросовета, ВЦИКа. *Церетели И. Г.* (1881—1959) — один из лидеров меньшевизма, в 1917 г. министр Временного правительства. С 1918 г. оба на руководящих постах в меньшевистской Грузии. В 1921 г. оба эмигрировали. *Лавра* — Александро-Невская лавра основана в 1710 г. на берегу Невы и Черной речки в честь побед Александра Невского над шведами. Строилась вплоть до 1791 г. К концу XIX века в Лавре было 12 церквей. *Карат* — дольная единица массы, применяется в ювелирном деле.

127. См. примеч. 123. Написано в Петрограде во второй половине июня 1918.

128. См. примеч. 123. *Серафимы* — см. примеч. 76.

130. См. примеч. 123. *Моцартова флейта* — по-видимому, намек на оперу австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта (1756—1791) «Волшебная флейта». *Царское Село* — название (до 1918 г.) г. Пушкина (близ Ленинграда), в котором находится Лицей, где учился поэт, и дворцово-парковый ансамбль XVIII — начала XIX в.

131. В июле 1918 г. Г. Табидзе возвращался из революционной России в Грузию через Украину. Из Одессы он пароходом добрался до Батуми. Из приписки в автографе известно, что стихотворение написано в Одессе. *Психея* (греч. миф.) — олицетворение человеческой души, изображалась в виде бабочки или девушки. *Сирена*, сирены (греч. миф.) — полуптицы-полуженщины, увлекавшие моряков своим пением и губившие их.

133. Стихотворение, возможно, задумано на борту парохода, на котором Г. Табидзе возвращался из Одессы в Грузию. Подлинность названия корабля («Даланд») не установлена. В этом стихотворении Г. Табидзе одним из первых в мировой поэзии упомянул имя

В. И. Ленина. *Нарцисс* (греч. миф.) — прекрасный юноша; увидев в реке свое отражение, влюбился в него и умер от любви. Боги превратили его в цветок.

134. Стихотворение навеяно размышлениями поэта о Грузии в пути на родину. *Фазис* — древнегреческое название реки Риони, впадающей в Черное море. *Мтквари* — см. примеч. 93. *Мухрани* — поселение в Картли (Центральной Грузии), сохранились развалины крепости с башней, построенной в XVI в. *Тамар* — царица Грузии (1184—1207) в период ее наивысшего подъема и расцвета; ей посвящена поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». *Гелати* — поселение в Западной Грузии (Имеретии), известное древним храмом. Был научно-педагогическим и культурно-просветительным центром — академией, основанной в 1106 г. при Гелатском монастыре по инициативе Давида Строителя. *Мцхета* — древняя (до конца V в. н. э.) столица Картлийского царства. Сохранились средневековые памятники архитектуры, в том числе кафедральный собор Светицховели (1010—1029). *Ибер* (иберы) — название восточногрузинских племен, явились основой формирования грузинского народа. *Хетт* (хетты) — народ, живший в центральной части Малой Азии, основал Хеттское царство (XVIII — нач. XII в. до н. э.), охватывавшее в период расцвета обширную территорию. *Ущелие Итрии* — ущелье между городом Сурами и горным краем Лихи. *Джвари* — древнегрузинский храм V—VI вв. на горе близ Мцхета, у слияния рек Куры и Арагвы. Описан в поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри». *Эол* (греч. миф.) — бог ветров. Эолова арфа — древний музыкальный инструмент, струны которого приводятся в колебание движением воздуха. «*Даланд*» — см. примеч. 133.

136. *Химера*, химеры — скульптурные изображения фантастических чудовищ, детали собора Парижской богородицы. *Император Хамелеон* — обыгрывается имя Наполеона I, выдвинувшегося во время Великой французской революции. В ноябре 1799 г. совершил переворот, в результате которого стал первым консулом; в 1804 г. провозглашен императором.

137. *Лития* — христианский обряд, связанный с похоронами.

138. Вольная вариация на тему стихотворения В. Брюсова «Товарищам интеллигентам» (февраль — март 1919 г.). Г. Табидзе повсюду интерпретировал первую половину брюсовского стихотворения, опустив ее вторую часть — гневное обращение к отвернувшимся от народа интеллигентам. *Уэллс Герберт* (1866—1946) — английский писатель-фантаст, автор книги «Россия во мгле» (1920); в 1920 и 1934 гг. посетил СССР, беседовал с В. И. Лениным. *Лондон Джек* (1876—1916) — американский писатель, в его романе-утопии «Железная пята» (1908) отразилось увлечение идеями социализма.

139. Стихотворение написано сразу же по возвращении в Грузию, где Г. Табидзе застал гнетущую атмосферу, порожденную господством меньшевистского режима и резко контрастирующую с московскими и петербургскими впечатлениями поэта. *Серафимы* — см. примеч. 76. *Церера* (римск. миф.) — богиня плодородия и земледелия.

Миф связывает со скитаниями Цереры в поисках дочери, похищенной богом подземного царства Аидом, смену времен года.

140. *Октава* — строфа из восьми строк с твердой схемой рифм. *Ай да рыжие осы в Тифлисе — с заморскими жалами!* Стихотворение сатирически рисует период оккупации Грузии интервентами. В 1918 г. турецкие войска захватили Карс, Ардаган и Батуми, 4 июня 1918 г. меньшевистское правительство заключило с Турцией договор, поставивший Грузию в зависимость от Германии и Турции, затем немецких империалистов сменили англо-американские и французские. См. также вступит. статью, с. 27.

141. *Каин* — см. примеч. 124.

144. *Каралетские дни*. Каралети — селение близ г. Гори.

146. *Паладин* — см. примеч. 103.

147. *В числе его щедрот — Ах, песенная щедрость!*.. Имеется в виду выход первой книги поэта в июне 1914 г., в канун первой мировой войны.

148. Последняя строфа — цитата из стихотворения грузинского поэта *Важа Пшавела* (1861—1915).

149. *Довин-довли*. Название стихотворения не поддается переводу. Это что-то вроде «заумного» припева: «тра-ля-ля!». *Трианон* — дворец с регулярным парком, фонтаном и скульптурами в Версале (пригороде Парижа, бывшей королевской резиденции). *Киприда* — Венера, см. примеч. 57.

151. *Пиримзе* (груз.) — солнцеликая. *Самайа* — грузинский женский танец трех танцовщиц.

152. *Виктория* — героиня романа норвежского писателя К. Гамсуна (1859—1952) «Виктория». *Далила* (библ. миф.) — филистимлянка, возлюбленная Самсона; ночью остригла у спящего Самсона волосы, в которых заключалась его богатырская сила, и предала его филистимлянам. *Леди Годива* — героиня английской народной баллады, жена графа Честера (XI в.); чтобы добиться от мужа сокращения налогов, согласилась на его унижительное предложение и нагая проехала верхом через весь город. Легенда гласит, что ни один житель не вышел в это время из дома.

158. *Цминда арс Хаоси!* (груз.) — Свят, свят Хаос!

159. *Пан* (греч. миф.) — бог лесов и рощ. *Сегантини Д.* (1859—1899) — итальянский художник-неоимпрессионист. В детстве был пастиухом. В поздних произведениях пришел к символизму и мистике. «*Ave Maria!*» — католический гимн, здесь, по-видимому, название картины Сегантини.

160. *Триполи* (Тарабулус-эш-Шам) — город в Ливане. В октябре 1918 г. там высадился англо-французский десант. *Все «убий»,*

«украдь», «завидуй» — призывы, противоположные христианским заповедям. *Каин* — см. примеч. 124.

163. «*Белый пеликан*» — название бывшего духана-ресторана на бывшем Мадатовском острове (см. примеч. 98). *Сазандари* — восточный музыкальный инструмент и человек, играющий на нем. *Саят-Нова* — выдающийся армянский поэт-ашуг XVIII в., писавший стихи на армянском, грузинском и азербайджанском языках; погиб в 1795 г. во время нашествия персидского шаха Ага-Мехмеда. *Пиросмановские сны*. Пиросмани (1862?—1918) — грузинский живописец, гениальный самоучка. *Метехи* — замок-тюрьма на высоком отвесном берегу Куры в Тбилиси, ныне снесен; находился рядом с древним храмом Метехи (XIII в.). *Осанна* — см. примеч. 61.

164. *Алазань* — см. примеч. 93.

165. *Равенна* — город в Северной Италии, известен древними памятниками архитектуры, там же находится гробница Данте. «*Лозн-грин*» — опера немецкого композитора Р. Вагнера (1813—1883).

166. *Нежин* — город на Украине. Г. Табидзе проезжал его по пути в Грузию в 1918 г., когда город был охвачен пламенем гражданской войны. *Carthago exegenda!* Перифраз известных слов римского сенатора Катона Старшего (234—149 до н. э.), который все свои речи заканчивал призывом: «Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен». Карфаген — древний город-государство в Северной Африке (в р-не современного Туниса), был основан финикийцами, стал могущественным государством — соперником Рима, после поражения в Пунических войнах (264—146 до н. э.) был разрушен римлянами. *Суры* (сура) — главы Корана. *Имеретия* — область Западной Грузии.

167. В селении *Цицамури*, недалеко от своего дома в Сагурамо (близ Тбилиси) 30 августа (12 сентября) 1907 г. агентами царской охраны был убит Илья Чавчавадзе (см. примеч. 5). «*Даланд*» — см. примеч. 133. «*Crâne aux fleurs (artistiques)*» — название второй книги Г. Табидзе, вышедшей в Тбилиси в 1919 г. См. о ней вступит. статью, с. 16—17.

168. *Готье Т.* (1811—1872) — французский писатель, один из основателей группы «Парнас». *Делярош П.* (1797—1856) — французский художник, близкий Готье, написал одну из комнат парижской гостиницы «*Пимодан*», в которой обычно останавливался Готье и где собирались писатели-парнасцы. *Лозенов и Брюммелей грезы*. Строка трудно поддается комментарию. Брюммель — возможно, Бреммель Джордж Брайан (1778—1840) — англичанин, законодатель мод. О Лозене ничего установить не удалось. «*Крылья валькирий*» — имеется в виду «Полет валькирий» (воинственных крылатых дев — сканд. миф.) — музыкальный эпизод в опере Р. Вагнера «Валькирия». *Эльфы* — в германских народных поверьях духи природы, обычно благожелательные к людям.

169. *Ватерлоо* — населенный пункт в Бельгии, в районе которого в 1815 г. была разгромлена армия Наполеона I. В переносном значении — сокрушительное поражение, большая неудача.

170. *Вельзевул* — см. примеч. 106.

171. *Верхарн Э.* (1885—1916) — бельгийский поэт и драматург. *Саване* и *Арсенальная* — горы близ Тбилиси. *Саване* в переводе с груз. «обитель»; гора получила название по обители, на ней находившейся. *Мтацминда* — см. примеч. 54.

172. *Беллона* (римск. миф.) — богиня войны, изображалась с мечом или с бичом. *Тавриз* (Тебриз) — город в Иране. *Фазис* — см. примеч. 134. *Светицховели* — см. примеч. 134. *Мтквари* — см. примеч. 93. *Литургия* — христианское богослужение, во время которого совершается причащение. *Джвари* — см. примеч. 134.

174. Это стихотворение, прочитанное в январе 1921 г. на одном из поэтических вечеров, принесло Г. Табидзе титул «короля поэтов». *Светицховели* — см. примеч. 134.

176. *Версаль* — см. примеч. 149. *Манон Леско* — героиня романа «История кавалера де Грие и Манон Леско» аббата Прево (1697—1763).

178, 179. Оба стихотворения явились непосредственным (на другой день) откликом на смерть А. А. Блока 7 августа 1921 г. *Певец Прекрасной Дамы*. Прекрасная Дама — героиня первой книги Блока «Стихи о Прекрасной Даме». *У Пушкинского дома*. Последнее стихотворение Блока имеет название «Пушкинскому дому» (11 февраля 1921). *Феникс* — см. примеч. 94.

180. В стихотворении вновь воскресают впечатления революционного Петрограда. *Алконост* — сказочная птица с человеческим лицом, олицетворяющая печаль. *Сирич* — сказочная полуптица-полуженщина, олицетворяющая радость. *Мерани* — Пегас грузинской поэзии, сказочный конь; с ним связаны главные мотивы стихотворения Н. Бараташвили (см. примеч. 54) «Мерани». Символ устремленности в будущее.

182. В 1922 г. в первом номере журнала «Ломиси» была напечатана статья Г. Табидзе, написанная годом ранее. С некоторыми ее положениями связаны главные мотивы и ряд строк данного стихотворения. *Мерани* — см. предыдущее примеч. *Вести Версаля*. *Версаль* — см. примеч. 149. Вероятно, имеются в виду события, связанные с заключением Версальского мирного договора, завершившего первую мировую войну. *Уэллс* — см. примеч. 138.

184. *Калипсо* (греч. миф.) — одна из нимф, 7 лет державшая в плену Одиссея на острове Огигия. *Архангельские трубы*. По евангельскому мифу, при «конце света» архангелы «трубным голосом» созовут людей на Страшный суд.

186. *Люцифер* (христ. миф.) — падший ангел, дьявол. См. также примеч. 79. *Вифлеем* — город в Палестине вблизи Иерусалима. По христианской легенде — место рождения Иисуса Христа. *Назаретин* — прозвание Иисуса Христа по городу, где прошло, согласно легенде, его детство.

187. *Кастелян* — смотритель укрепленного замка, общественного здания; домоправитель.
188. *Сигнахи* — город в Кахетии (Восточная Грузия).
189. *Нестан* — грузинское женское имя. Нестан Дареджан — героиня поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», заключенная по сюжету поэмы в башню (замок). *Кварели*, *Цинандали*, *Ахмета* — села в Кахетии (Восточной Грузии). *Грааль* — см. примеч. 113.
190. *Цинандали* — см. предыдущее примеч. *Натэла*, *Тинатин* — грузинские женские имена.
191. *Мцхета* — см. примеч. 134. *Кахетия* — см. примеч. 189.
192. *Кахетия* — см. примеч. 189. *Долина Алазани* — см. примеч. 93.
195. *Екатерина Окуджава* — ближайшая родственница жены поэта Ольги Окуджава.
197. Эфемерный — мимолетный, призрачный. Отсюда производное *эфемера*, давшее название целому ряду стихотворений Г. Табидзе. *Карфаген* — см. примеч. 166. *Цезура* — пауза.
198. См. предыдущее примеч. *SOS!* — морской сигнал бедствия. *Де-Лонг Д.* (1844—1881) — американский мореплаватель, полярный исследователь. *С гольфстримами и мальстремами*. Гольфстрим — мощное теплое течение в Атлантическом океане. Мальстрем — сильный водоворот (вихревое течение воды в поверхностном слое моря) у северных берегов Норвегии.
199. *Верлен* — см. примеч. 78. *Верхарн* — см. примеч. 171.
200. *Мыслящий тростник* — о человеке. Выражение принадлежит французскому философу, писателю и ученому Б. Паскалю (1623—1662). *Беатриче* — см. примеч. 32.
201. *Агасфер* (Вечный жид) — герой средневековой легенды, осужденный на вечные скитания за прегрешения против Христа.
202. Конкретным поводом к написанию стихотворения послужил случай, имевший место в 1922 г.: в Грузию из Ленкорани пробрался тигр, которого у села Лелоби убили охотники. Чучело этого тигра хранится в зоологическом отделе Исторического музея Грузии.
203. *Версаль* — см. примеч. 149. *Шелли П. Б.* (1792—1822) — английский поэт-романтик. Г. Табидзе неоднократно подчеркивал свою близость к Шелли, переводил его стихи. *Мюссе А.* (1810—1857) — французский писатель-романтик. В стихотворении звучат мотивы поэзии Шелли и Мюссе.

206. См. примеч. 197. *Пракситель* (ок. 390 — ок. 300 до н. э.) — древнегреческий скульптор. *Готье Т.* — см. примеч. 168.

207. *Амиран* (Амирани) — герой народного эпоса Древней Грузии, родствен мифу о Прометее.

209. *Терцины* — трехстишные строфы с непрерывной цепью тройных рифм.

211. Написано на смерть В. Я. Брюсова (1873—1924); создано вслед за другим стихотворением, посвященным памяти Брюсова, — «Черные колонки».

212. Это стихотворение и № 213—216 были напечатаны во втором номере журнала «Мнатоби» («Светоч») за 1924 год как подборка, под общим заглавием «Ветер» (см. вступит. статью, с. 37).

213. *Ошую* — слева, *одесную* — справа.

216. *Господи, что им Гекуба!* Перифраз реплики Гамлета из одноименной трагедии Шекспира (акт II, сц. 2).

220. *Сюарес А.* (1868—1948) — французский писатель. Предположение, высказанное Г. Табидзе о судьбе Сюареса, не оправдалось: поэт выступал против нацизма и в годы гитлеровской оккупации Франции вынужден был скрываться. *Клодель П.* (1868—1955) — французский писатель; его драмы проникнуты духом католической мистики.

221. *Ленин — постыдного выстрела жертва.* 30 августа 1918 г. В. И. Ленин был тяжело ранен эсеркой-террористкой.

222. *Карл, Фердинанд, Вильгельм и Николай* — перечисляется ряд европейских монархов, потерявших в 1917—1920-х гг. свои троны. *Сен-Санс К.* (1835—1921) — французский композитор. *Никши А.* (1855—1922) — венгерский дирижер.

223. *Мицгега* — см. примеч. 134.

228. *Сион* — здесь: название ряда грузинских церквей.

229. *Бодлер, Шелли, Мюссе, Верлен, Каин* — см. соответственно примеч. 48, 203, 78, 124.

231. *Шелли* — см. примеч. 203. *Шенье А.* (1762—1794) — французский поэт и публицист. Великую французскую революцию встретил восторженно, но уже на первом ее этапе, не приняв идеологии якобинцев и испугавшись террора, перешел в стан ее врагов. Был казнен за два дня до крушения якобинской диктатуры.

232. *Паладин* — см. примеч. 103. *Бальмонт К. Д.* (1867—1942) — русский поэт-символист, первый переводчик на русский язык (через посредство английского) поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Несколько раз приезжал в Грузию, был близок с грузинскими поэтами и другими представителями грузинской интеллиген-

дни, выступал с чтением стихов, отрывков из поэмы Руставели, с лекциями. Г. Табидзе встречался с ним в Кутаиси и в Москве. В 1942 г. Г. Табидзе написал стихи на смерть Бальмонта (см. № 414).

235. *Арум* (аронник) — род многолетних трав.

236. *Феб* (Аполлон) — см. примеч. 111. Во второй строфе стихотворения мотивы, близкие пушкинскому «Обвалу».

240. *Шиндиси* — село близ города Гори.

242. *Эфемериды* — здесь: то же, что эфемеры (см. примеч. 197).

245. *Сага* — древнеисландское прозаическое повествование.

246. *Таризл* — один из главных героев поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». *Лал* — рубин. *Дворец Гегути* — одна из резиденций грузинских царей, расположенная к югу от Кутаиси; здесь сохранились развалины замка *Тамар* (см. примеч. 134). *Гафиз* (Хафиз Ширази, ок. 1325—1389 или 1390) — персидско-таджикский поэт, мастер газели.

248. *Сараджишвили* Вано (1879—1924) — выдающийся грузинский певец.

250. «*Вепхисткаосани*» (груз.) — поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». *Санскрит* — литературно обработанная разновидность древнеиндийского языка. *Бедуин* — кочевой араб-скотовод. *Майя* (санскрит, букв.: волшебная сила, обман) — иллюзия, олицетворенная в виде богини; по одному из толкований — синоним материи или природы. *Зенды* — племя в Западном и Южном Иране. *Лакедемон* (то же, что Спарта) — древнегреческое государство на полуострове Пелопоннес. *Озирис*, *Изида* — древнеегипетские божества.

252. В стихотворении слышны мотивы стихотворений Ф. И. Тютчева «Ночное небо так угрюмо. . .» и М. А. Волошина «Демоны глухонемые» (1917).

254. *Эпиталама* (греч.) — стихотворение или песнь в честь повобрачных.

258. *Аттика* — Древняя Греция. *Овидий Назон* (43 до н. э. — ок. 18 н. э.) — римский поэт. В конце жизни, находясь в изгнании на берегах Черного моря (Понта Эвксинского) в г. Томы (ныне Констанца), написал «Скорбные элегии» и «Письма с Понта».

259. *Тайная вечеря* — по евангельской легенде, вечерняя трапеза Христа и апостолов, во время которой Христос предсказал предательство Иуды и отречение Петра.

262. *Ярали*, *Саломэ* — персонажи лирики грузинского поэта-романтика Григола *Орбелиани* (1804—1883). *Нарикала* — старинная крепость в Тбилиси, расположенная на высоком скалистом обрыве.

264. *Давидова гора* — Мтацминда, см. примеч. 54.

265. *Мцхета* — см. примеч. 134. *Мтквари* — см. примеч. 93.

266. *Шио-Мгвиме* — древний грузинский монастырь за Мцхета (см. примеч. 134). *Проносится холм островерхий, как шапка Шота* — сравнение с распространенным изображением Шота Руставели в островерхой шапке.

267. *Метехи* — здесь: село в Картли (Центральной Грузии). *Гракали* — село в Картли. *Уплисцихе* — село в Картли, где расположен городской и дворцовый комплекс, высеченный в скалах, один из крупнейших памятников грузинской архитектуры.

270. *Риальто* — гора в Итальянских Альпах и мост над горной рекой.

277. *Валькирии* — см. примеч. 168.

280. *Эфемериды* — см. примеч. 242.

282. *Химеры* — см. примеч. 136.

283. *Лития* — см. примеч. 137.

290. *Осанна* — см. примеч. 61. *Шелли* — см. примеч. 203. В 1822 г. Шелли утонул при кораблекрушении во время шторма близ итальянского г. Ливорно.

291. *Версаль, Трианон* — см. примеч. 149.

296. *Флора* (римск. миф.) — богиня цветов и весеннего пробуждения природы. *Анакреон* (ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий лирик. *Пинд* — горный хребет в Греции, считался одним из мест, которым владел Аполлон (см. примеч. 111). *Мтацминда* — см. примеч. 54. В переносном смысле — приют поэзии. *Боттичелли С.* (1444—1510) — итальянский художник эпохи Возрождения.

297. *«Теодор Нетте»* — название парохода. Возможно, что данное стихотворение в какой-то мере связано с известным стихотворением В. Маяковского «Товарищу Нетте, пароходу и человеку» (1926). *Посейдон* (греч. миф.) — бог моря. *Феб* (римск. миф.) — см. Аполлон, примеч. 111. *Сестерций* (лат.) — древнеримская монета. *Драхма* (греч.) — серебряная монета в Древней Греции. *Понт* (греч.) — море. Понт Эвксинский — Черное море. *Улисс* (Одиссей) — герой эпической поэмы Гомера «Одиссея». *Диоскурия* — античный город в Колхиде на Черноморском побережье, затопленный впоследствии морем.

298. *Подземный гул колеблет Крым.* Крымское землетрясение произошло в сентябре 1927 г.

299. *Мтацминдский ветер.* Мтацминда — см. примеч. 54.

301. *Манфред* — герой одноименной драматической поэмы Байрона.

308. *Голгофа* — см. примеч. 91.

311. «*Надури*» — грузинская народная песня.

317. *Нарикала* — см. примеч. 262.

318. *Мтквари* — см. примеч. 93. *Эклога* — стихотворное послание или диалог, изображающие бытовые сельские сценки.

328. *Чоха* (груз.) — верхняя одежда с широкими откидывающимися рукавами.

329. *Клондайк* — золотоносный район в Канаде. Здесь: в переносном смысле — страна сокровищ.

330. *Веронезе П.* (1528—1588) — итальянский живописец эпохи Возрождения. *Нике* (греч. миф.) — богиня победы. Речь идет об известной статуе Ники Самофракийской. *Вэра да вэра* (груз.) — «нет и нет», «невозможно». *Глан* — герой романа норвежского писателя К. Гамсуна (1859—1952) «Пан».

336. Одно из первоначальных названий стихотворения: «Воспоминание о Максиме Горьком». Публикация стихотворения сопровождалась авторским пояснением: «Я встречался с Горьким в семнадцатом (должно быть «в восемнадцатом». — *Сост.*) в Москве, в Колонном зале, среди академиков. Была зима, и ученые (простуженные) кашляли. Кашлял и Алексей Максимович. . .» Сохранились и другие — разных лет — записи Г. Табидзе о Горьком. В одной из них говорится о встрече с Горьким в Грузии, в Тбилиси, когда Горький назвал его на дружеском банкете «легендарным Галактионом», подарив ему на другой день книгу с надписью: «Галактиону Табидзе — поэту с легендарной славой». Одна из самых значительных записей — последняя, в дни празднования 70-летнего юбилея Горького: «. . .газеты полны воспоминаний, статей, стихов о нем. Все хорошо, упущено основное: великая артистическая, музыкальная природа этого большого писателя. . . Лишь Всеволод Иванов четко и ясно говорил об этом. Чтобы создать великое, надо быть большой артистической, музыкальной натурой. . .» Следует подчеркнуть, что в оценке А. М. Горького Г. Табидзе перекликается с А. Блоком. *Сильфиды* — по средневековым поверьям, духи природы. *Эльфы* — см. примеч. 168.

340. Территория *Абхазии* — часть исторической Колхиды (см. примеч. 10). *Чалибаиш* — небольшая горная речка в Абхазии.

342. Стихотворение переведено А. Тарковским по тексту первых публикаций. В данном издании представлен именно этот перевод благодаря его высоким поэтическим достоинствам. Разночтения с поздней редакцией оригинального текста не очень значительны. *Мерани* — см. примеч. 180. *Алазанский канал*. Алазань — см. примеч. 93. *Рабочим Принес угнетенья Английский отточенный штык*. См. примеч. 140. *Метехи двусмысленный лик* — см. примеч. 163. *Барит* — минерал. *Гумбрин* — разновидность глины.

346. *Чайльд Гарольд* — герой одноименной поэмы Байрона.

351. Эпиграф — из поэмы «Витязь в тигровой шкуре» (его перевод выполнен Г. Маргвелашвили). «Хасанбегура», «Алипаша» — грузинские народные песни, распространенные в юго-западной области Грузии — Гурии и в Аджарской АССР.

354. *Кумир*. Имеется в виду Медный всадник, памятник Петру I.

355. В 1934 г. Г. Табидзе вновь побывал в Ленинграде, где выступил с чтением своих стихов в Пушкинском доме (Институте русской литературы АН СССР). Примерно в это же время он перевел на грузинский язык последнее стихотворение А. Блока «Пушкинскому дому». См. также стихотворение «На смерть Блока» (№ 178) и примеч. к нему.

356. В этом и многих последующих стихотворениях отражены впечатления зарубежной поездки Г. Табидзе в июне 1935 г., когда он в составе советской делегации принимал участие в работе первого всемирного антифашистского конгресса в защиту культуры в Париже. На конгрессе Г. Табидзе выступил с речью. *Мистерия* — традиционное средневековое представление религиозного характера на площадях европейских городов. В Париже Табидзе присутствовал на представлении мистерии «Страсти Христовы» на площади перед *Нотр-Дам* (собором Парижской богородицы).

357. См. предыдущее примеч. Имя В. Маяковского, звучавшее на конгрессе, навеяло на Г. Табидзе воспоминания о родине поэта — грузинском селе *Багдади* и о реке *Ханисцхали* в Имеретии (области Западной Грузии).

358. См. примеч. 356. *Булонский лес* — обширный парк на западной окраине Парижа. *Версаль* — см. примеч. 149.

360. *Сенью небесной и матерью места хранимы*. По грузинским языческим верованиям, у каждого места есть мать-покровительница.

361, 362, 363, 365. См. примеч. 356.

366. См. примеч. 356. *Реймс* — город во Франции, известен собором — архитектурным памятником зрелой французской готики, возведенным на рубеже XIII—XIV вв. *Месса* — музыкальная часть католической обедни.

367. Первые строки — цитата из народного грузинского стихотворения о *Миндии*, мудром и храбром предводителе общины.

368. См. примеч. 356. В стихотворении описано озеро во французских Альпах.

370. *Аджарисцхали* — горная река в Аджарии. *Колхидский ил*. Колхида — см. примеч. 10. *Самгори* (груз. букв.: «Трехгорье») — название ряда сел в Грузии. *Лазика* — область в Западной Грузии.

371. *Версаль* — см. примеч. 149.

373. *Траурный Рейн* — имеется в виду установление в 1933 г. в Германии фашистской диктатуры.

374. Стихотворение написано в форме монолога Шота Руставели. В первой и последней строках обыграны слова Заключения поэмы «Витязь в тигровой шкуре»: «Месх безвестный из Рустави, кончил я мое творенье» (перевод Н. Заболоцкого). *Шаири* (груз.) — строфа из четырех строк по шестнадцать слогов; ею написана поэма Руставели. *Пандури* — грузинский струнный щипковый национальный инструмент.

376. *Хвамли* — гора недалеко от Кутаиси, которая хорошо видна из родных мест Г. Табидзе.

377. *Монпарнас* — бульвар в Париже; здесь: кафе того же названия. *Монпелье* — город во Франции.

379. *Елисейские поля* — одна из главных магистралей Парижа.

382: *Амирани* — см. примеч. 207.

385. *Гулиа Д. И.* (1874—1960) народный поэт Абхазской АССР, зачинатель абхазской литературы. Над переводом на абхазский язык поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» работал несколько лет — с 1938 по 1941 г.

386. *Роман де Грие и Манон* — см. примеч. 176. *Эвр* — город во Франции. *Гревская площадь* — площадь в Париже, где в прошлом проходили публичные казни.

387. Первая редакция стихотворения связана с парижскими впечатлениями Г. Табидзе (см. примеч. 356), т. е. с концом июня 1935 г. В черновиках стихотворения собеседником поэта в испанском кафе в Париже является Илья Эренбург, один из советских делегатов конгресса (в мемуарах И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» упоминается Г. Табидзе в описании парижских дней времен конгресса). Однако последняя строфа окончательной редакции — с явной оглядкой на период разгара гражданской войны в Испании — говорит о том, что стихотворение доделывалось позже, возможно даже к моменту его публикации (1940). Отсюда двойная датировка.

390. См. примеч. 385.

391. *Нотр-Дам* — см. примеч. 356. *Химер фигуры* — см. примеч. 136.

397. *Веронезе* — см. примеч. 330.

399. Речь идет о музыкальной картине французского композитора *Сен-Санса* «Умирающий лебедь». *Мзия* — грузинское женское имя, производное от слова «солнце».

400. Две последние строки — цитата из стихотворения И. Кереселидзе (1829—1892) «Песня».

401. *Песня Ильи*. Речь идет об Илье Чавчавадзе, см. примеч. 5 и 167. *Амирани* — см. примеч. 207. *Сараджишвили* — см. примеч. 248.

402. *Шум семисот пятидесяти лет*. В 1937 г. отмечалось 750-летие поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Стихотворение связано также с парижскими воспоминаниями Г. Табидзе (см. примеч. 356).

407. *Болниси* — село в Картли (Центральная Грузия).

410. *Элгуджа* — мужское грузинское имя.

411. *Арсен Одзелашвили* — народный герой, предводитель крестьянского восстания (первая половина XIX в.) в Восточной Грузии, герой романа М. Джавахишвили «Арсен из Марабды».

412. *Леселидзе К. Н.* (1903—1944) — советский военачальник.

414. *К. Д. Бальмонт* — см. примеч. 232. В автографе стихи подписаны датой смерти Бальмонта: 24 декабря 1942 г.

419. *Тетнульди* (Тетнулд), *Ушба* — горные вершины в Сванетии — одной из горных областей Грузии.

420. *Овьедо*, *Валенсия*, *Барселона* — города в Испании. Стихотворение связано с событиями национально-революционной войны в Испании 1936—1939 гг.

422. *Кодори* — река в Абхазии.

423. *Мтацминда* — см. примеч. 54. *Мерани* — см. примеч. 180.

424. *Веспер* — планета Венера.

428. *Бараташвили* — см. примеч. 54. *Мерани* — см. примеч. 180.

434. *Трирема* — судно с тремя ярусами весел у древних римлян.

436. *Георгий Кучишвили* (1886—1947) — поэт, творчество которого тесно было связано с революционным пролетариатом. Г. Табидзе соединяла с ним большая личная дружба.

443. *Бетани* — село близ Тбилиси с известным монастырем, построенным при царице Тамар (см. примеч. 134). Близ Бетани находились поместья, принадлежавшие *Ираклию II* (1720—1798), грузинскому царю, выдающемуся полководцу, и роду князей Орбелиани. *Орбелиани Григол* — см. примеч. 262. У него есть стихотворение «Лик царицы Тамары в Бетанийской церкви».

445. *Шода-Кедела* — гора в Раче (горная часть Западной Грузии). Вид этой горы сбоку вызвал у поэта ассоциации с профилем Руставели в его островерхой шапке (см. № 266 и примеч.). *Мегрел* — житель Мегрелии (западная часть Грузии).

446. *Никорцминда* — храм в Грузии, выдающийся памятник XI в. *Хризопраз* — полудрагоценный камень, разновидность халцедона. *Архитрав* — главная балка, нижняя часть балочного перекрытия пролета. *Сирин* — см. примеч. 180.

449. *Девятая симфония* Бетховена.

450. Стихотворение пронизано мотивами пушкинского «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Последние строки — цитата из названного стихотворения.

454. *Самгори* — см. примеч. 370. *Махата* — гора в Тбилиси. *Пишат* — дерево с серебристыми листьями. *Иори* — река, воды которой переброшены для орошения Самгорской долины.

456. *Паладин* — см. примеч. 103. *Тависуплеба* (груз.) — свобода. *Исайя* — библейский пророк.

457. *Ривьера* — средиземноморское курортное побережье Франции.

458. «*Гениальные глаза*» — так сказал о жене Г. Табидзе Ольге Окуджава двоюродный брат Галактиона поэт Тициан Табидзе (1895—1937) в 1915 г. (сохранилась запись этих слов, сделанная Г. Табидзе).

459. Стихотворение посвящено судьбе жены поэта Ольги Окуджава. См. также предыдущее примеч.

460. *О, шен, мерцхало* (груз.) — О ты, ласточка.

462. *Арсен Одзелашвили* — см. примеч. 411.

463. *Экатомба* — заклятие жертвы. *Аутодафе* — публичное сожжение. *Черная речка* — место дуэли Пушкина.

465. *Самадло* — гора и местность близ Тбилиси. *Кер-Оглы* — развалины средневекового замка близ селения Уджарма в окрестностях Тбилиси, на вершине потухшего вулкана. *Бетани* — см. примеч. 443.

466. *Ларикс сибирика* (лат.) — сибирская лиственница.

467. *Георгий* — Георгий Кучишвили, см. примеч. 436.

471. *Джвари* — см. примеч. 134. *Мтвари* — см. примеч. 93. *Мцхета*, *Светицховели* — см. примеч. 134. *Армази* — резиденция древнегрузинских царей и местонахождение языческого святилища — божества Армази, а также усыпальница *питахшей* (грузинских правителей) близ Мцхеты.

473. Стихотворение посвящено декаде грузинской литературы и искусства, состоявшейся в Москве в 1958 г. *Нарикала* — см. примеч. 262. *Зазвенел ли древний щит Джургая*. Джургай — легендарный народный герой, которому был посвящен фильм «Щит Джургая», удостоенный Государственной премии. «*Где же Грузия другая*» — из поэмы Григола Орбелиани (см. примеч. 262) «Заздравный тост». *Чтобы в танцах преподать «Отелло», Чтоб по сцене Ричардом пройтись*. Имеется в виду московский триумф постановки балета А. Мачавариани «Отелло» народным артистом СССР В. Чабукиани с ним же в заглавной роли, а также успех народного артиста СССР В. Годзешвили в роли Ричарда в шекспировском «Ричарде III» в театре им. Марджанишвили (постановка В. Кушиташвили). Вскоре В. Чабукиани, первому из советских балетмейстеров, была присуждена Ленинская премия за постановку балета «Отелло» и исполнение в нем

партии Отелло. *Опизари* — выдающийся грузинский златоваятель рубежа XII—XIII вв. *Вот Акакий с песней о Натэле*. Имеется в виду поэма Акакия Церетели (см. примеч. 52) «Натэла». *Вот Илья с «Отаровой вдовой»*. Речь идет о повести Ильи Чавчавадзе (см. примеч. 5, 167) «Отарова вдова». *Танец наш, он — как морской прибой* и т. д. Имеется в виду выступление Государственного ансамбля народного танца Грузии под руководством народных артистов СССР И. Сукишвили и Н. Рамишвили.

474. *Вайме, дедав!* (груз.) — Ой, мама моя!

475. *Кракелюры* — трещины красочного слоя.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Галактион Табидзе. Фотография 1949 г.
2. *Стр. 75*. Автограф стихотворения «Я и ночь» (1913).
3. *Между с. 128 и 129*. Галактион Табидзе — семинарист. Фотография 1908—1909 гг.
4. *На обороте*. Галактион Табидзе (стоит справа) с братом Абесаломом и матерью Макринэ Георгиевной Адейшвили. Фотография 1912 г.
5. *Между с. 160 и 161*. Галактион Табидзе и Ольга Окуджава. Фотография 1914 г.
6. *На обороте*. Галактион Табидзе. Фотография 1933 г.
7. *Между с. 320 и 321*. Галактион Табидзе. Фотография 1938 г.
8. *На обороте*. Галактион Табидзе. Фотография 1952 г.
9. *Между с. 352 и 353*. Галактион Табидзе и Тамар — вдова великого грузинского поэта Важа Пшавела (село Чаргали). Фотография 1955 г.
10. *На обороте*. Галактион Табидзе (справа) и Г. Леонидзе. Фотография 1956 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия Галактиона Табидзе. Вступительная статья Г. Маргвелашвили	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. «Горит луна. Таинственно и нежно...» Перевод Ю. Ряшенцева	53
2. Черная гуча. Перевод Ю. Ряшенцева	53
3. «Когда соловей над рассветной землею...» Перевод Э. Александровой	54
4. Луч. Перевод Г. Маргвелашвили	54
5. «Гроздь виноградная. Крест из лозы...» Перевод Ю. Ряшенцева	55
6. «Недостижимостью святою...» Перевод В. Леоновича	55
7. «Пеленой снегов укрыты, дремлют горы молчаливо...» Перевод Э. Александровой	56
8. Первое мая. Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой	56
9. Фантазия. Перевод Ю. Ряшенцева	57
10. В Колхиде. Перевод О. Ивинской	57
11. Цамеба. Перевод В. Леоновича	58
12. К новой волне. Перевод О. Ивинской	59
13. Битвы я жажду. Перевод В. Еугаевского	59
14. «Мы солнцем грезили. Наш плач...» Перевод Ю. Ряшенцева	60
15. Лавр. Перевод Ю. Ряшенцева	61
16. Мой голос. Перевод О. Ивинской	62
17. Воля. Перевод В. Леоновича	62
18. Лирой Гамлета. Перевод В. Леоновича	63
19. «Стих, заметенный годами, как вьюгой...» Перевод Э. Александровой	63
20. Дуб. Перевод А. Межирова	64
21. У окна. Перевод В. Леоновича	64

22. Осенний день. Перевод И. Дадашидзе	65
23. Я эти цветы сберегу. Перевод О. Ивинской	66
24. «Порою в грохоте и лязге...» Перевод Г. Цагарели	66
25. «Ночь возникающий день повстречала...» Перевод Б. Резникова	67
26. Могильщик. Перевод В. Шаламова	67
27. Спой мне! Перевод Н. Гребнева	72
28. Бушуй! Перевод Э. Александровой	72
29. «Пусть я глупец и лжет моя мечта...» Перевод Э. Александровой	73
30. Я и ночь. Перевод Г. Маргвелашвили	73
31. В какую даль? Перевод Г. Маргвелашвили	74
32. «Корабль погубят ураганы...» Перевод Г. Цагарели	76
33. «Забилось сердце яростно в груди...» Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой	77
34. В родных местах. Перевод Н. Гребнева	77
35. Песня странника. Перевод В. Шаламова	78
36. Горы Гурни. Перевод Л. Темина	79
37. Наперекор судьбе. Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой	80
38. Под звездным сводом. Перевод К. Арсеновой	80
39. Без любви. Перевод Ю. Ряшенцева	81
40. Женщине с гор. Перевод Э. Александровой	82
41. Ты ждешь? Перевод В. Леоновича	83
42. «Никогда не бредится свободой...» Перевод Г. Маргвелашвили	84
43. Поэт. Перевод О. Ивинской	84
44. Оплаканный ветром. Перевод В. Леоновича	85
45. «Мне изменили старые созвучья...» Перевод Г. Маргвелашвили	85
46. Космическая лужа. Перевод Н. Гребнева	85
47. «Всю ночь он брел по улицам пустым...» Перевод И. Дадашидзе	86
48. Который час? Перевод Г. Маргвелашвили	86
49. Персиковое дерево. Перевод Б. Ахмадулиной	87
50. Тополы в снегу. Перевод В. Леоновича	88
51. Осины. Перевод О. Ивинской	89
52. Тень поэта. Перевод К. Арсеновой	90
53. Мери. Перевод Б. Ахмадулиной	91
54. Луна Мтацминды. Перевод А. Цыбулевского	92
55. Синие кони. Перевод П. Антокольского	93
56. Примирение. Перевод В. Леоновича	94
57. Нагая. Перевод В. Леоновича	94
58. «Упал ребенок — в пыль — на мостовую...» Перевод В. Леоновича	95
59. Третий — Эдгар. Перевод В. Леоновича	95
60. «От всенощной, молитвы не прервав...» Перевод В. Леоновича	96
61. Витает поздняя мечта. Перевод Г. Маргвелашвили	96
62. Свеча. Перевод И. Дадашидзе	97
63. Родина. Перевод Г. Маргвелашвили	97
64. «Кудрей азийских черный вихрь в полете...» Перевод Г. Цагарели	98
65. Письмо из деревни. Перевод Г. Цагарели	98
66. «Убил в ущелье охотник рыжий...» Перевод В. Леоновича	99
67. «Он разорвал кольцо поруки...» Перевод В. Леоновича	99

68.	Сны. <i>Перевод И. Дадашидзе</i>	100
69.	Продолжение. <i>Перевод В. Леоновича</i>	100
70.	Первая роза. <i>Перевод В. Леоновича</i>	101
71.	С тайной болью. <i>Перевод И. Дадашидзе</i>	101
72.	Старый дворец. <i>Перевод В. Леоновича</i>	102
73.	«Зависти свары...» <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	102
74.	Твоя улыбка. (<i>Листок из альбома.</i>) <i>Перевод В. Алейникова</i>	103
75.	Снег. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	103
76.	«Я приоткрыл забытый ларь в углу...» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	105
77.	Осенний фрагмент. <i>Перевод И. Дадашидзе</i>	105
78.	Лакме. <i>Перевод В. Леоновича</i>	106
79.	«За полночь над пеной прибоя, над громом и рознью...» <i>Перевод В. Леоновича</i>	107
80.	Повторение. <i>Перевод В. Леоновича</i>	108
81.	Тост за тебя. <i>Перевод В. Леоновича</i>	109
82.	Тебе тринадцать лет. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	110
83.	Утешение. <i>Перевод В. Леоновича</i>	110
84.	Заход солнца. <i>Перевод О. Ивинской</i>	111
85.	В пути. <i>Перевод Л. Темина</i>	111
86.	Домино. <i>Перевод М. Талова</i>	113
87.	На сады ложится снег. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	115
88.	Старая мельница. <i>Перевод Я. Гольцмана</i>	115
89.	Руины крепости. <i>Перевод Я. Гольцмана</i>	116
90.	Пройдут года. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	117
91.	«О, сколько красок этот день взлелеял!...» <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	117
92.	Из кафе. <i>Перевод В. Леоновича</i>	117
93.	Я жду ответа. <i>Перевод К. Арсеновой</i>	118
94.	Пятнадцать веков. <i>Перевод И. Поступальского</i>	119
95.	Омнибус. <i>Перевод В. Леоновича</i>	120
96.	«Ты разве дворы не припомнишь и хаты?...» <i>Перевод Б. Лившица</i>	121
97.	«Красок тихое пыланье...» <i>Перевод В. Леоновича</i>	121
98.	Осеннее утро. <i>Перевод В. Леоновича</i>	122
99.	«О, это для него не ново!...» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	122
100.	«Как быть мне отныне — тоска оседает в крови...» <i>Перевод И. Дадашидзе</i>	123
101.	Словно не здесь... <i>Перевод М. Синельникова</i>	123
102.	«В они дни его призвали...» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	124
103.	«Когда вокруг сгущаются туманы...» <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	124
104.	«Твоя легендарная слава...» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	124
105.	Дальний свисток паровоза. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	125
106.	«Внезапно все свечи задуло...» <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	126
107.	«Тот нежный юноша-мечтатель...» <i>Перевод В. Леоновича</i>	126
108.	Знамена. <i>Перевод В. Леоновича</i>	127
109.	Мы, Николай... <i>Перевод В. Леоновича</i>	127
110.	Гора. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	128
111.	По счастью звездного часа. <i>Перевод В. Леоновича</i>	128
112.	Не жалуйся на время. <i>Перевод В. Леоновича</i>	129
113.	Обращение к Солнцу. <i>Перевод В. Леоновича</i>	130
114.	Статуетка женщины. <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	131
115.	В тени Мтацминды. <i>Перевод В. Леоновича</i>	132
116.	Осень в обители отцов «Непорочного зачатия». <i>Перевод В. Леоновича</i>	132

117.	«О богородица, дева Мария!..»	Перевод Г. Маргвелашвили	133
118.	Здравствуйте, персики в первом цветении!	Перевод Э. Александровой	134
119.	«Сад цветущий снится... Ты, как прежде, — там...»	Перевод Е. Квитницкой	135
120.	Ангел с пергаментом.	Перевод В. Алейникова	135
121.	Инеса.	Перевод Е. Квитницкой	136
122.	Осень.	Перевод Е. Квитницкой	137
123.	На площади.	Перевод В. Леоновича	137
124.	Битва колоколов.	Перевод В. Леоновича	138
125.	Письмо друзьям.	Перевод Г. Маргвелашвили	141
126.	Несколько дней в Петрограде.	Перевод В. Леоновича	142
127.	Город на воде.	Перевод В. Леоновича	145
128.	«Сквозь ключья пен не удержи́мо...»	Перевод Г. Цагарели	145
129.	Меч и пламень.	Перевод Е. Квитницкой	145
130.	Офорт.	Перевод В. Леоновича	146
131.	Вымпел поэзии.	Перевод В. Леоновича	146
132.	Усердие полудня.	Перевод Е. Квитницкой	147
133.	Корабль «Даланд».	Перевод Н. Заболоцкого	148
134.	Возвращение.	Перевод В. Леоновича	148
135.	Мировые бури.	Перевод В. Леоновича	149
136.	К свободе.	Перевод В. Леоновича	150
137.	Видение города.	Перевод В. Леоновича	150
138.	По Брюсову.	Перевод В. Леоновича	151
139.	Очи у мертвого солнца открыты.	Перевод Г. Маргвелашвили	152
140.	Заброшенный балкон.	Перевод Е. Квитницкой	153
141.	Хоть ты одна.	Перевод Г. Маргвелашвили	154
142.	Виновато всё вино.	Перевод Г. Маргвелашвили	155
143.	Как в лесу смеркнется...	Перевод Е. Квитницкой	155
144.	«Помнишь ты или нет...»	Перевод Г. Маргвелашвили	156
145.	Револьвер.	Перевод Е. Квитницкой	157
146.	Ветер-лучник...	Перевод Е. Квитницкой	157
147.	1914.	Перевод Е. Квитницкой	158
148.	Орлы уснули.	Перевод Б. Ахмадулиной	158
149.	Довин-довли.	Перевод В. Леоновича	159
150.	Жильцы вселенивой вселенной...	Перевод Е. Квитницкой	161
151.	Пиримзе.	Перевод В. Леоновича	161
152.	Сердце.	Перевод Е. Квитницкой	162
153.	Памяти усопшего.	Перевод Е. Квитницкой	162
154.	Сказка.	Перевод Е. Квитницкой	163
155.	«Вижу дом уютный...»	Перевод Г. Цагарели	163
156.	Прощание.	Перевод В. Леоновича	164
157.	Приготовление к отъезду.	Перевод Д. Беридзе	164
158.	Молитвы ради.	Перевод В. Леоновича	164
159.	Параллель.	Перевод Г. Маргвелашвили	165
160.	Рождественское дерево в Триполи.	Перевод Е. Квитницкой	166
161.	За что?	Перевод В. Леоновича	167
162.	«Луна чиста до белого каленья...»	Перевод В. Леоновича	168
163.	«Белый пеликан».	Перевод Г. Маргвелашвили	168
164.	«Вино туманно-голубое...»	Перевод В. Леоновича	169
165.	Вот и смеркается.	Перевод Г. Маргвелашвили	170
166.	Девяносто восемнадцатый.	Перевод В. Леоновича	170
167.	«Когда в Цицмаури убили Илью...»	Перевод Д. Беридзе	173
168.	К Готье.	Перевод Д. Беридзе	174

169.	Настает осень. <i>Перевод В. Леоновича</i>	174
170.	Ты и осень. <i>Перевод Д. Беридзе</i>	175
171.	Тбилиси. <i>Перевод В. Леоновича</i>	175
172.	«С мечом кровавая Беллона...» <i>Перевод В. Леоновича</i>	175
173.	Над ретортой, в углу паутинном. <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	178
174.	Поэзия — прежде всего. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	178
175.	Песня девушек. <i>Перевод Д. Беридзе</i>	179
176.	Тени лунной ночи. <i>Перевод Б. Резникова</i>	179
177.	Непогода. <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	180
178.	На смерть Блока. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	180
179.	Блоку. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	181
180.	Полчища звезд. <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	181
181.	Во здравье солнца. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	182
182.	Строй новых Мерани. <i>Перевод М. Синельникова</i>	182
183.	Жизнь моя. <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	183
184.	Руки отрублены у нимфы Калипсо. <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	183
185.	Слышу голос я твой... <i>Перевод Б. Резникова</i>	184
186.	Родина черного Люцифера. <i>Перевод В. Леоновича</i>	184
187.	Ночь в ущелье. <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	185
188.	Элегия. <i>Перевод В. Леоновича</i>	185
189.	Родной ветер. <i>Перевод М. Синельникова</i>	186
190.	Натэла из Цинандали. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	187
191.	Кахетинская луна. <i>Перевод К. Арсеновой</i>	188
192.	«Взгляни — Кахетия! Укрытые ветвями...» <i>Перевод К. Арсеновой</i>	188
193.	Прихлынул месяц май... <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	189
194.	Ночной туман ушел... <i>Перевод Б. Резникова</i>	189
195.	Памяти революционера. <i>Перевод Б. Резникова</i>	190
196.	Ветер новшеств. <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	190
197.	Эфемера. («Неустанно, неуклонно мчатся кони от пого- ни...») <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	191
198.	Морская эфемера. <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	192
199.	Снова эфемера. <i>Перевод Д. Беридзе и Г. Маргвелашвили</i>	195
200.	Новогодняя эфемера. <i>Перевод Д. Беридзе и Г. Маргвелаш- вили</i>	197
201.	Под парусом мечты. <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	198
202.	«Каспия берег — и тигра...» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	198
203.	«Был конец октября...» <i>Перевод В. Леоновича</i>	199
204.	«Густел туман, грозился шквал...» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	200
205.	Синева. <i>Перевод Е. Квитницкой</i>	201
206.	Эфемера. («Всё кончено. Ты за закрытой дверью...») <i>Пере- вод Г. Маргвелашвили</i>	201
207.	Родная эфемера. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	202
208.	Я был во власти лишь одной тоски... <i>Перевод Б. Резни- кова</i>	203
209.	«Нсбо скучной прозой...» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	203
210.	«Идите же с миром! Прощайте отныне!...» <i>Перевод М. Си- нельникова</i>	204
211.	Последняя телеграмма. <i>Перевод И. Дадашидзе</i>	204
212.	Ветер, поднимающий занавес. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	205
213.	Рядом с порохом, у химических складов. <i>Перевод Г. Марг- велашвили</i>	206
214.	Ветер воспоминаний. <i>Перевод Э. Александровой</i>	207
215.	Ветер. <i>Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой</i>	207
216.	«О, не единожды с неба...» <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	208

217.	Стихи, встер! <i>Перевод К. Арсеновой</i>	208
218.	Довелось мне все-таки. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	209
219.	Он и она. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	209
220.	Поэтам Грузии. <i>Перевод П. Антокольского</i>	210
221.	Ленни. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	211
222.	Пролог к 100 стихотворениям. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	212
223.	По Военно-Грузинской дороге. <i>Перевод О. Ивинской</i>	212
224.	«Стряхнув старье листья, пустынный. . .» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	213
225.	«Лес в легкой кисее тумана. . .» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	213
226.	«Когда огонь взлетает ало. . .» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	214
227.	Надписи. <i>Перевод В. Алейникова</i>	214
228.	То пропасти, то вершины. <i>Перевод И. Дадашидзе</i>	214
229.	«Если ты вне игры — не советую тщетно. . .» <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	215
230.	Воспоминание о нашей роще. <i>Перевод Э. Александровой</i>	215
231.	Алыча — семилетний малыш. <i>Перевод Я. Гольцмана</i>	216
232.	Русскому поэту. <i>Перевод В. Гаприндашвили</i>	216
233.	Спокойное море. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	217
234.	Нет, не погибло. <i>Перевод И. Дадашидзе</i>	217
235.	Вечер в деревне. <i>Перевод В. Бугаевского</i>	218
236.	«Как путник, спешу по дороге. . .» <i>Перевод В. Бугаевского</i>	218
237.	Поля. <i>Перевод В. Леоновича</i>	218
238.	Снега вразлет, наискосок лежали. <i>Перевод Э. Александровой</i>	219
239.	Вороненок. <i>Перевод К. Арсеновой</i>	219
240.	Платанам Шиндиси. <i>Перевод Б. Ахмадулиной</i>	220
241.	Дубы. <i>Перевод В. Потаповой</i>	221
242.	Из прозы будней. <i>Перевод М. Синельникова</i>	221
243.	О бытие, ликуй и длись! <i>Перевод В. Леоновича</i>	222
244.	В поезде. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	222
245.	Когда луна светит днем. <i>Перевод В. Леоновича</i>	222
246.	«Ковры, свисающие с башен. . .» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	223
247.	Спит Тбилиси. <i>Перевод В. Леоновича</i>	224
248.	«Пронесся гневный ураган. . .» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	224
249.	«Легкое облако! Ты сквозь небесную тишь. . .» <i>Перевод Б. Резникова</i>	225
250.	Поэма тигра. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	225
251.	«Свист косы на влажном поле. . .» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	228
252.	«Они не слышали пророчеств. . .» <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	228
253.	Народ и правительство. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	229
254.	Ты поверь. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	229
255.	Белые ветры. <i>Перевод В. Леоновича</i>	229
256.	Так было и прежде. <i>Перевод К. Арсеновой</i>	230
257.	«Шла по лугам, как река винного пламени. . .» <i>Перевод В. Леоновича</i>	230
258.	«Мечта вела его тогда. . .» <i>Перевод В. Леоновича</i>	231
259.	«О друзья, наша тайная вечеря. . .» <i>Перевод В. Маргвелашвили</i>	231
260.	«Возврат веков. Раскрылись двери. . .» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	232
261.	«Достиг ажнотаж предела. . .» <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	232
262.	Друг мой, Ярали. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	233
263.	В полях. <i>Перевод К. Арсеновой</i>	233
264.	«На склонах — снежные отары. . .» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	233
265.	По дороге к Мцхета. <i>Перевод К. Арсеновой</i>	234

266.	По дороге во Мцхета. <i>Перевод И. Дадашидзе</i>	234
267.	«Виноградом и спелым хлебом полны долины...» <i>Перевод К. Арсеновой</i>	235
268.	Няня. <i>Перевод В. Леоновича</i>	235
269.	Я сплю. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	236
270.	Мост Риальто. <i>Перевод В. Леоновича</i>	236
271.	Пора. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	237
272.	Он запер дверь. <i>Перевод В. Леоновича</i>	237
273.	Волнуются. <i>Перевод В. Леоновича</i>	238
274.	«Вот и майские взоры, как встарь...» <i>Перевод И. Дадашидзе</i>	238
275.	Колеблется арфа. <i>Перевод В. Леоновича</i>	239
276.	«Приду, расцелую...» <i>Перевод Э. Александровой</i>	239
277.	Ворвалось в открытые двери безумье. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	239
278.	Открыт череп города. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	240
279.	Пятнадцать лет. <i>Перевод И. Дадашидзе</i>	240
280.	Ты опять горишь восторгом. <i>Перевод В. Леоновича</i>	241
281.	Майской стрелюю. <i>Перевод Я. Гольцмана</i>	241
282.	Вечер, что с тобою? <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	242
283.	Чаша пламени. <i>Перевод В. Леоновича</i>	242
284.	Мольба фонтанов. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	243
285.	Вороньи слезы. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	243
286.	Чует сердце. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	244
287.	Кукла. <i>Перевод В. Леоновича</i>	244
288.	Эта ночь... <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	245
289.	Ваш дом. <i>Перевод И. Дадашидзе</i>	245
290.	Жду урагана. <i>Перевод В. Леоновича</i>	246
291.	Его пафос. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	246
292.	Сердце, что с тобой творится? <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	247
293.	Дитя, завернутое в бумагу. <i>Перевод Я. Гольцмана</i>	247
294.	Улица-певец. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	248
295.	Нет, не дано эпохам право. <i>Перевод Г. Маргвелашвили</i>	248
296.	Розы. <i>Перевод В. Леоновича</i>	248
297.	Город под водой. <i>Перевод В. Леоновича</i>	249
298.	Эпоха родилась и крепла. <i>Перевод Г. Цагарели</i>	252
299.	«Когда по вечерам...» <i>Перевод Н. Тихонова</i>	253
300.	«О, сколько в этой жизни яда...» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	255
301.	«Художник здесь малюет доски...» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	255
302.	Новая колыбельная. <i>Перевод А. Тарковского</i>	256
303.	Поэт. <i>Перевод В. Бугаевского</i>	256
304.	Под стук ротационки. <i>Перевод П. Антокольского</i>	257
305.	Надпись на книге. <i>Перевод Г. Цагарели</i>	257
306.	«Ты носишь имя человека...» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	257
307.	Думы на берегу моря. <i>Перевод О. Ивинской</i>	258
308.	Гнева и язв не таи от народа. <i>Перевод В. Леоновича</i>	259
309.	Что не покрывается забвеньем. <i>Перевод А. Тарковского</i>	259
310.	Расцветшему вечеру. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	260
311.	Иные строки. <i>Перевод В. Державина</i>	260
312.	Радуга. <i>Перевод В. Шаламова</i>	261
313.	Будь открытым и искренним и голосу жизни внимли. <i>Перевод М. Синельникова</i>	261
314.	Буре — все краски. <i>Перевод М. Синельникова</i>	262
315.	День морщины разгладил. <i>Перевод В. Леоновича</i>	262
316.	«Волна изнемогла в бессилье...» <i>Перевод Г. Цагарели</i>	263
317.	«Ложится первый луч зари...» <i>Перевод Д. Беридзе</i>	263

318.	«Волны Мтквари журчат, как эклоги. . .»	Перевод Д. Беридзе	264
319.	«Магия солнца, магия вод. . .»	Перевод Д. Беридзе	264
320.	«С углом привычным разлучает. . .»	Перевод Г. Цагарели	265
321.	Гроздь жизни.	Перевод П. Антокольского	265
322.	Стансы.	Перевод В. Бугаевского	265
323.	«„Мы победим, мы победим!“ . . .»	Перевод Г. Цагарели	266
324.	В городе и деревне.	Перевод Б. Ливища	266
325.	Аргonautы новой эпохи.	Перевод П. Антокольского	267
326.	Шум, покрывший округу.	Перевод Д. Беридзе	267
327.	Золотые шкуры.	Перевод К. Симонова	268
328.	Блещет золотом наша эпоха.	Перевод И. Дадашидзе	268
329.	«Пойми, что не дается право. . .»	Перевод Г. Цагарели	268
330.	Однажды вечером.	Перевод В. Леоновича	269
331.	Ждут нового Микеланджело.	Перевод Б. Ливища	272
332.	«С глазами, холоднее стали темной. . .»	Перевод Н. Тихонова	273
333.	Днем и ночью.	Перевод Д. Беридзе	274
334.	Всечером, когда ложатся тени. . .	Перевод Вс. Рождественского	274
335.	Осень в траншеях.	Перевод Н. Тихонова	275
336.	Путник стоял, поджидая трамвай. . .	Перевод С. Куняева	276
337.	Революционной Грузии.	Перевод Г. Маргвелашвили	277
338.	Руки.	Перевод Н. Заболоцкого	278
339.	«Отважный, истинный поэт. . .»	Перевод В. Гаприндашвили	279
340.	Абхазия.	Перевод Б. Брика	279
341.	Не оставляй его, как сироту. . .	Перевод К. Симонова	280
342.	Пресса.	Перевод А. Тарковского	281
343.	Смольный, 1917.	Перевод И. Поступальского	286
344.	«Янтарный, красный и лиловый взлет! . . .»	Перевод П. Петренко	287
345.	«Что за вулкан извергается это? . . .»	Перевод Н. Гребнева	288
346.	«Море неистовствует во мраке. . .»	Перевод В. Леоновича	289
347.	Моя песня.	Перевод Н. Тихонова	289
348.	Музы в Петергофском саду.	Перевод М. Синельникова	290
349.	«В ворота Грузии вошло. . .»	Перевод О. Ивинской	291
350.	Мое сердце сегодня — Черное море.	Перевод Г. Маргвелашвили	291
351.	Вы только взгляните.	Перевод Г. Маргвелашвили	292
352.	Пока не разобьют. . .	Перевод Б. Резникова	293
353.	«Так лодочник у старого причала. . .»	Перевод А. Цыбулевского	293
354.	В Ленинграде.	Перевод В. Леоновича	294
355.	Маме.	Перевод В. Леоновича	295
356.	Мистерия под дождем.	Перевод М. Синельникова	295
357.	Маяковский.	Перевод А. Цыбулевского	297
358.	В тот день в Париже.	Перевод Э. Ананиашвили	298
359.	Не пойму.	Перевод В. Леоновича	299
360.	«Слово скажи — и пустыня тебе отзовется. . .»	Перевод В. Леоновича	299
361.	Диагонали дождя.	Перевод Р. Ивнева	300
362.	«Есть статуя в парке. . .»	Перевод М. Талова	301
363.	Безработный.	Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой	302
364.	«Наш день — эпохи светлая страница. . .»	Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой	302
365.	«Лазурное небо. . .»	Перевод В. Потаповой	303

366.	Реймс. Перевод А. Маргвелашвили	303
367.	«Веди же, Миндиа, вперед...» Перевод В. Леоновича	304
368.	Озеро в горах. Перевод В. Леоновича	305
369.	Везувий. Перевод О. Ивинской	305
370.	Мечтания у Аджарисцкали. Перевод О. Ивинской	306
371.	Увлекся отдыхом. Перевод М. Синельникова	307
372.	«С пьяным под ливнем шагает со мною...» Перевод Я. Гольцмана	308
373.	Рейн. Перевод М. Синельникова	308
374.	«Безвестный месх, я стихи слагал...» Перевод П. Антоколь- ского	309
375.	Симфония цветения. Перевод М. Синельникова	309
376.	Весной. Перевод Д. Голубкова	310
377.	Монпарнас. Перевод М. Талова	310
378.	Уличный музыкант. Перевод В. Потаповой	311
379.	Зацвели маки. Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой	311
380.	Последний поезд. Перевод Г. Маргвелашвили	312
381.	К Родине. Перевод В. Леоновича	312
382.	Из рассказанного луной... Перевод Б. Ахмадулиной	313
383.	«Из Цхалтубо к Кутаису...» Перевод Г. Маргвелашвили	314
384.	Нет, я не сирота. Перевод Е. Квитницкой	314
385.	Дмитрию Гулиа — переводчику «Витязя в тигровой шкуре». Перевод Г. Маргвелашвили	315
386.	Надпись на книге «Манон Леско». Перевод В. Леоновича	315
387.	«Горы персиков, бананов...» Перевод В. Шаламова	316
388.	По дороге в Барселону. Перевод Э. Александровой	317
389.	«Смотрю до рассвета...» Перевод О. Ивинской	318
390.	Дмитрию Гулиа. Перевод Г. Маргвелашвили	319
391.	Химера. Перевод М. Синельникова	319
392.	«Париж! Будто слышится...» Перевод М. Талова	319
393.	С поезда. Перевод В. Леоновича	320
394.	Вернулась жизнь. Перевод Г. Маргвелашвили	321
395.	«Рассвет озарит...» Перевод В. Шаламова	321
396.	«Величественной седую...» Перевод М. Талова	321
397.	«Так воин из ножен...» Перевод О. Ивинской	322
398.	«Поверь, не выручит гений...» Перевод Г. Маргвелашвили	322
399.	Исключенне. Перевод В. Леоновича	323
400.	Встреча. Перевод И. Дадашидзе	324
401.	Песня Ильи. Перевод А. Патарая	324
402.	Руставели в Париже. Перевод Б. Резникова	326
403.	Как листья с дерева. Перевод В. Леоновича	326
404.	Родина, жизнь моя! Перевод Н. Чхеидзе	327
405.	У Черного моря. Перевод К. Арсеновой	328
406.	Родине. Перевод В. Бугаевского	328
407.	Грузинский орнамент. Перевод В. Леоновича	329
408.	Ветер Арагвы. Перевод К. Арсеновой	330
409.	Днепр. Перевод В. Шаламова	331
410.	Возвращение Элгуджи. Перевод О. Ивинской	331
411.	Колыбельная. Перевод В. Потаповой	334
412.	«Раздался голос Леселидзе...» Перевод Г. Маргвелашвили	334
413.	С песней идут войска. Перевод Е. Николаевской и И. Сне- говой	335
414.	Бальмонту. Перевод Г. Маргвелашвили	336
415.	Окно. Перевод В. Шаламова	337
416.	«Храню я Родины сады...» Перевод В. Звлинцевой	338

417.	«Резвятся у моря счастливые дети...»	Перевод В. Потаповой	338
418.	Мальчик у моря.	Перевод А. Межирова	338
419.	Возвращение воина.	Перевод А. Межирова	339
420.	Я карту Испании снял со стены.	Перевод И. Дадашидзе	342
421.	Рица.	Перевод В. Шаламова	342
422.	Далеко паруса, далеко облака...	Перевод А. Старостина	343
423.	«К чему мне стих, когда средь суеты...»	Перевод И. Дадашидзе	343
424.	Веспер.	Перевод И. Дадашидзе	344
425.	Запад алеет, и светится море.	Перевод Б. Резникова	344
426.	На бирюзовых волнах.	Перевод В. Шаламова	345
427.	«Подернут лиловым цветом...»	Перевод К. Арсеновой	345
428.	Бараташвили.	Перевод В. Соколова	345
429.	«Рыбкой комнатной — пестренькою, разноцветной...»	Перевод Б. Резникова	346
430.	«С тех пор как красоту земли и неба...»	Перевод Б. Резникова	347
431.	Волны шумели.	Перевод Б. Резникова	347
432.	Утро сорок шестого.	Перевод К. Симонова	348
433.	«Моя касатка...»	Перевод Г. Маргвелашвили	349
434.	«Рассвет за горою — долина во мгле...»	Перевод В. Леоновича	349
435.	Эвкалипт.	Перевод В. Потаповой	349
436.	Позту-трибуну.	Перевод Н. Гребнева	350
437.	«Взгляните на небо...»	Перевод Г. Маргвелашвили	351
438.	«Не поверх отеческих забот...»	Перевод Г. Маргвелашвили	351
439.	«Мы помним путь — неслышанный, былинный...»	Перевод Э. Ананиашвили	352
440.	«Меня с радостным гиком...»	Перевод Г. Маргвелашвили	353
441.	«Если спросят: „Вас от грусти...“»	Перевод Г. Маргвелашвили	353
442.	Москва.	Перевод Н. Гребнева	353
443.	Пойдем со мною.	Перевод В. Леоновича	354
444.	«Чайки — без коршунов...»	Перевод Б. Резникова	354
445.	У камина.	Перевод Д. Голубкова	355
446.	Ода Никорцминде.	Перевод М. Синельникова	357
447.	«С далью, с ветром, с холодной водой...»	Перевод Б. Резникова	359
448.	«Какие еще суждены мне...»	Перевод Б. Резникова	359
449.	Девятая симфония.	Перевод Г. Маргвелашвили	360
450.	Отрывок.	Перевод Г. Крейтана	360
451.	«Почему я при виде...»	Перевод Б. Резникова	361
452.	Необыкновенная зима 1911 года.	Перевод И. Дадашидзе	361
453.	«Легли у порога нечистые силы...»	Перевод Л. Люблинской	362
454.	Гора Махата.	Перевод К. Арсеновой	362
455.	Старые жернова.	Перевод Д. Джаниашвили	363
456.	«Тот старый договор с судьбой...»	Перевод В. Леоновича	364
457.	«Надежду с тобою делю...»	Перевод В. Леоновича	365
458.	Промельк Ольгиных глаз.	Перевод Г. Маргвелашвили	366
459.	Из дому вышла и не возвратилась.	Перевод Б. Резникова	367
460.	Весна моя, подольше царствуй.	Перевод В. Леоновича	368
461.	Народ, и только лишь народ.	Перевод О. Ивинской	368
462.	«Всё желтое становится желтей...»	Перевод Б. Ахмадулиной	371
463.	«Тень каштана скользит по стеклу...»	Перевод В. Леоновича	371

464. «Уходишь... и с собой уносишь боль и муку...» Перевод А. Цыбулевского	372
465. «И поблекла и позолотела...» Перевод В. Леоновича	372
466. «Смерть не смогла бы...» Перевод Г. Маргвелашвили	374
467. «Нет, друг мой, Георгий!..» Перевод К. Симонова	374
468. «Есть настоящий, сущий...» Перевод К. Симонова	375
469. «Здесь дорогою от бога...» Перевод В. Алейникова	375
470. «Блещут красноречием...» Перевод Г. Маргвелашвили	376
471. «О забвенье! Пепел древний...» Перевод М. Синельникова	376
472. «Со всех уголков необозримой страны. Перевод О. Ивинской	377
473. Слово о грузинской декаде... Перевод А. Патарая	378
474. Кто бы видел. Перевод В. Леоновича	380
475. К молодости. Перевод В. Леоновича	380
476. «Однажды только...» Перевод В. Леоновича	381
477. Да будет ветер! Перевод В. Леоновича	381
478. «Стерся медный грош...» Перевод В. Леоновича	382
479. «Неба не видели...» Перевод В. Леоновича	382
480. Смерть футуриста. Перевод Г. Маргвелашвили	383
481. «Мерещатся вам ложа и партер...» Перевод Г. Маргвела- швили	383
482. Плоты на Куре. Перевод Г. Маргвелашвили	383
483. «В волосах давно уж серебриста вьюжность...» Перевод В. Алейникова	384
484. «Мост над Невой...» Перевод Ю. Ряшенцева	384
485. Посвист пуль над Невой. Перевод Ю. Ряшенцева	385
486. «Не потерял я, странствуя...» Перевод Ю. Ряшенцева	386
Примечания	387
К иллюстрациям	412

Галактион Табидзе
СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1983, 424 стр.
План выпуска 1983 г. № 408

Редактор *Л. С. Гейро*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. С. Орлов*
Техн. редактор *С. Л. Шереметьева*
Корректор *И. Г. Клейнер*

ИБ № 3474

Сдано в набор 21.03.83. Подписано к печати 04.08.83.
М 35110. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 22,78. Уч.-изд. л. 20,97. Тираж 40 000 экз. Заказ № 1108. Цена 2 р. 30 к. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отд. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3

